

Волошенюк В. В.

«Алжир» 1981–1983

Издательский дом
«КИЙ»
2019

ББК 68.424
В68

В.В. Волошенюк

В68 «Алжир». 1981–1983 / Под редакцией В.И. Аблазова. – К. : Издательский дом «КИЙ», 2019. – 184 с.
ISBN 978-617-717-754-7

Книга повествует о реальных событиях, участником коих был автор, проходивший службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане в период 1981–1983 гг.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 68.424

ISBN 978-617-717-754-7

© Волошенюк В.В., 2019

*Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.*

Булат Окуджава

АФГАНИСТАН И «АЛЖИР»

В годы Афганской войны в «Алжир» попадали разные категории военнослужащих.

Многие молодые солдаты и офицеры, щадя своих родителей, сообщали им, чтобы они не волновались, что их отправляют в Алжир, где было сравнительно спокойно в те годы.

Другие – осознавая, что поездка в Афганистан связана с неожиданностями и опасностями для жизни и здоровья, начинали «мудрить», чтобы уклониться от направления в эту далекую восточную страну.

Для офицеров немотивированный отказ от нового назначения всегда был чреват серьезными осложнениями, связанными с негативной аттестацией и увольнением со службы, завершением военной карьеры с «волчьим билетом».

Редкие военнослужащие шли даже на собственную дискредитацию, чтобы только не ехать угрозам навстречу.

Хитрецы, желавшие сохранить свое лицо, искали ограничительные причины в семье, в больных родственниках или в санчасти с жалобами на собственное здоровье, которое не позволяло бы служить в странах с тяжелыми климатическими условиями, с жарким климатом.

10-е Главное Управление Генштаба первым включилось в «интеллектуальные игры». Там начали отбор кандидатов в военные советники и специалисты в Алжир, где были до-

стойные условия оплаты труда и относительно спокойные условия службы.

Каждый кандидат старался убрать все преграды к редкой возможности поправить свое материальное положение, добились позитивного решения комиссий, часто даже скрывая свои физические недостатки и семейные проблемы.

Командование получало искреннее согласие кандидата на службу в странах с тяжелыми климатическими условиями, с жарким климатом. А после этого начальники объявляли решение о направлении кандидата в другое государство. И это был Афганистан.

Автор книги последовал в «Алжир», жалея своих родителей, а на смену его старшего товарища в Афганистан как раз и приехала группа, отобранная якобы для службы в «Алжире».

Капитана Барышникова к телефону! – дневальный у тумбочки проорал это настолько громко, чтобы его услышали в закрытой ленинской комнате на другом конце казармы, где проходило совещание офицеров.

Выскочив на этот ор из туалета, сержант – помощник дежурного по батальону, покрутил пальцем у виска, глядя на идиотскую улыбку довольного собой дневального, и ускоренным шагом направился к ленинской комнате.

Именно в это время начальник штаба 908-го ОДШБ капитан Барышников, а для личного состава – «Барыга», оставшийся «за комбата», с энтузиазмом проводил пятничное совещание. Выйдя из ленкомнаты, он недовольно взглянул на стоявшего у двери сержанта.

– Поправь повязку, чувырло!

Тот быстро подтянул вверх по руке вечно сползавшую красную засаленную повязку с желтой, давно выцветшей надписью «Пом. Деж. по Батальону».

Просто пройти мимо бойца, попавшегося ему на глаза, и не «выстроить» его, такого малодушия Барыга позволить себе не мог. То же самое касалось и молодых лейтенантов. Поучить их, как родину любить, употребляя при этом перлы из лексики забайкальского гарнизона Магоча, вперемежку с более мягкими (как украинская ночь) присказками и поговорками,

позаимствованными на местном Сенном рынке, для него было делом привычным...

Звонили из штаба армии.

Вернувшись через несколько минут в ленкомнату, Барыга изрек:

– Васильев, готовься, ебтыть!

Лейтенант Васильев, за год привыкший к солдафонскому обращению десантника-забайкальца, весело, чтобы позлить начальника, отчеканил:

– Есть готовиться, – не имея, однако, ни малейшего понятия, к чему именно.

Придя в ДШБ после выпуска из Киевского ВОКУ на должность командира разведвзвода, Васильев в лице Барыги обрел первого в своей воинской жизни непосредственного начальника, с фуражкой набекрень, помятыми погонами на кителе и гражданским шерстяным шарфом под шинелью (вредная привычка ЗАБВО). Эти «достоинства» вызывали и у Васильева, и у двух его товарищей по выпуску – Коли Мацко и Володи Аскерова благородное возмущение и саркастические, плохо скрываемые ухмылки.

Однако, если Володя и Коля, будучи взводными в десантно-штурмовой роте, пребывали так сказать под защитой опытного и грамотного командира роты капитана Ващенко, то Васильев принимал все выпады воинского начальника на себя непосредственно.

К чему готовиться, выяснилось довольно быстро, из следовавших слов начальника штаба:

– С понедельника – в отпуске, отправка – во второй половине ноября.

Теперь Барыга смотрел на Васильева испытующе и слегка ухмыляясь.

Ведь о том, куда – догадаться было несложно, явно не в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). По зову партии и велению правительства уже второй год интернациональный долг коммунисты и беспартийные Советской армии выполняли в Афганистане. В помощь братскому афганскому народу кадровые органы частей и соединений Киевского военного округа активно отбирали и отправляли офицеров и прапорщиков. Понятно, что взводных требовалось значительно больше, чем других должностных лиц, поэтому молодым и неженатым лейтенантам отдавался приоритет в списках на замену. Первым в свое время для выполнения интернационального долга из батальона со слезами и соплями убыл начальник склада прапорщик Клименко, державший свой последний бой в туалете аэропорта Борисполь, и всеми силами избегая попасть на рейс до Ташкента.

– Товарищи офицеры, – команда начальника штаба, произнесенная отрывисто и недовольно, означала, что совещание окончено и все свободны.

Выйдя из ленинской комнаты, молодые офицеры постарались как можно быстрее исчезнуть с поля зрения Барыги, дабы не быть дополнительно «озадаченными» в пятницу вечером.

Выяснять детали предстоящей отправки сейчас у Васильева не было никакого желания, ведь и так все ясно. Не давала покоя только мысль о том, как эту «новость» сообщить родителям.

Старший лейтенант Володя Морозило, первый «афганец» в батальоне, тоже выпускник родного ВОКУ и «старик» по Киевской кадетке с хмурым видом подошел к Васильеву и окружившим его взводным.

– Выдвигаемся в кабак, сбор через пять минут возле забора, – прозвучало это, как приказ.

А на Васильева, еще не совсем пришедшего в себя от полученного распоряжения, это товарищеское предложение сразу подействовало успокаивающе.

Здание батальона находилось на территории мотострелковой дивизии, и, чтобы попасть в «город», надо было пройти через плац к дивизионному КПП на другом конце военного городка. Поэтому офицеры-десантники облюбовали для себя запасной вариант – невысокий железный забор в тылу (путь более короткий и безопасный, по части неожиданных встреч с начальством) за батальонным вещевым складом – и «перемахивали» через него, нередко пугая прохожих. Командование батальона с этим безобразием боролось решительно, но безуспешно. Начальник штаба не раз «снял» с забора недисциплинированных лейтенантов, воспитывал их, призывая к культуре поведения, конечно, в своем стиле, после чего требовал к себе журналы боевой подготовки взводов для проверки.

Ресторан «Украина», находившийся в одноименной гостинице, прочно занял свое почетное место в жизни офицеров батальона. Посещали они его гораздо чаще, чем дивизионную библиотеку, разместившуюся в огромном полуразрушенном аварийном здании на территории и не требовавшей отваги для преодоления каких бы то ни было препятствий. Тем более, что библиотекарьша явно приглянулась комбату: Анна Ахматова была и у того, и у другого любимой поэтессой.

Знакомство с «Украиной» в один из первых дней по прибытии в батальон выпускников-лейтенантов организовал их собрат по КВОКУ Шура Черноус, «Черный». Известный всему училищу распи...й, раньше сказали бы гусар, он сразу же ласково нарек однокашников «ма-ма-лышами». Волнуясь, он иногда слегка заикался, Шура назначил «совещание» вечером в этом общепитовском заведении, само собой разумеется, за счет «ма-малышей».

В Конотопе «Черный» уже стал легендарной личностью и своим человеком во всех кабаках, забегаловках и близлежащих гастрономах-наливайках. Дружил он с командиром минометной батареи Сергеем Комаровым, «Комарем» по меткому выражению Черного. В «обществе» они почти всегда появлялись вместе и почти всегда в форме при портупеях, а если с дамами, – то с «Зизи» и «Жужу».

Ресторан «Украина» был тесно связан с историей ОДШБ. Первый ужин офицеров, прибывших для формирования батальона из разных концов Союза без жен, состоялся именно здесь. Закончился он дракой с местными товарищами. Те просто приняли десантников за вертолетчиков, приехавших на Ремзавод. На следующий день на служебном совещании комбат подвел итоги прошедшего мероприятия и отдал распоряжение всем офицерам прибыть в ресторан вечером. Во время второго ужина состоялась «мировая» с представителями местной общественности по случаю имевшего место недоразумения. С тех пор «Украина» стала для десантников радушным «запасным аэродромом».

Компания, состоявшая из четырех «вокеров» и примкнувшего к ним Сережи Павленко, командира взвода связи, прибыла в «Украину» раньше обычного. В это время посетителей здесь было еще мало и все выглядело чинно и благородно. Ансамбль на небольшой сцене еще не в полном составе что-то негромко репетировал из тетрадки с песнями «на заказ». А весьма приятные дамы-официантки улыбались всегда желанным посетителям. Со свежей косметикой на лицах и модными прическами «с начесом» они были торжественны, как молодящиеся руководительницы местного комсомола в президиумах на различных собраниях. И те и другие добросовестно трудились в сфере обслуживания, кто партии, кто народа.

Заняли столик в углу зала, подальше от сцены, чтобы иметь возможность поговорить. С тех пор, как Володя Морозило

пришел в батальон, он редко делился впечатлениями на афганскую тему. Однако теперь Васильеву нужны были простые практические советы. В мыслях у него царил сумбур и неразбериха, в которых смешались кадры из фильма «Офицеры» про Испанию 1936-го и репортажи в «Красной Звезде» о советских воинах, занятых посадкой деревьев и раздачей пищи из солдатских кухонь афганскому населению.

– Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, примерно к этому сводился первый тост, предложенный Морозило под «столичный» салат, отдаленно напоминавший празднично-домашний «оливье».

Разговор не клеился. Васильев то и дело ловил на себе внимательный взгляд Морозило, от этого ему становилось как-то не по себе, словно тот прощался с ним навсегда. На уточняющий вопрос Коли Мацко, училищного каптера, что надо обязательно везти с собой Васильеву, ответ последовал краткий:

– Водку, можно провозить две бутылки. Там бутылка водки стоит 25 «чеков».

– Возьми с перцем, пойдет «на ура».

О зарплате в «чеках» Внешпосылторга, что-то чуть больше двухсот в месяц, и «чековые» магазины с японской аппаратурой и импортной одеждой военный народ уже был наслышан. Еще рассуждали о каких-то талонах на внеочередное приобретение легкового автомобиля после окончания службы в ДРА.

Ресторан постепенно наполнялся посетителями и посетительницами. Ансамбль приступил к работе. Многие из пришедших приветствовали сидящих в углу нахмурившихся десантников. Некоторые приветливо кивали, кто-то подходил к столу поздороваться.

«Украина» была по вкусу не только офицерам Советской Армии, но и местным бандюкам тоже. И все же публика здесь

собиралась поприличнее, чем в любой другой точке Конотопа; ресторан «Лучистый», например, облюбовали цыгане. Однажды лейтенанты имели возможность убедиться, что ромэлы имеют при себе не только ножи, а «красивые» приемы рукопашного боя, которым их обучали физруки в училище, слабо помогают в такой ситуации.

К Морозило подошел поздороваться один из местных ребят. Володя пользовался в их среде уважением не только потому, что знали, что афганец, но еще он отбил у одного из их корешей Маринку, девушку, ставшую впоследствии его женой. Слово за слово, узнав о причине застолья, он понимающе кивнул, взгянув исподлобья на Васильева.

– Может, девочек классных подогнать? – отсутствие энтузиазма на его предложение он расценил по-своему.

– Пацаны, они чистые, отвечаю.., – в благодарность Коля Мацко налил ему водки в стакан из-под газировки.

– Ну, давайте! – он выпил, еще раз кивнул и пошел к своей компании.

В свое время, лекция на тему «Выговор – не триппер и его носить можно» была проведена в ресторане Черным для «малышей» самым язвительным тоном с периодическим заиканием и смехом. В порядке примера приводился коммунист Ко-комаров. Комарь сидел, нахмурясь, покусывая свои «лермонтовские» усики и, посматривая с обидой, то на «Черного», то на стоящую перед ним нетронутую рюмку водки. Перед этим «док» банальна вколол ему то, что колют при «насморке», полученном от удовольствия. Употреблять после укола доктор категорически не рекомендовал. Поэтому Черный с огромным удовольствием налил ему рюмку и настойчиво предлагал поддержать компанию. В конце-концов коммунист Комарь не выдержал испытания... На следующий день лечение пришлось возобновить...

Вечер же проходил в привычном темпе с нарастанием общего веселья и градуса. «Дежурные» жилистые лангеты за офицерским столиком были дружно съедены, как в училище за ужином, правда на гарнир была подана не ненавистная «сечка», а жареная картошка. Время от времени ужиная, они перебрасывались отдельными фразами и поглядывали на зал.

Танцы, энергичные в «кружках» компаниями и медленные «под Челентано», были в разгаре, наполняя зал духотой и пряными алкогольными ароматами.

– Я сейчас, – Володя Аскеров резко встал и решительно направился к ансамблю.

Под первые аккорды зазвучавшей песни Макаревича «Поворот», он помахал от сцены друзьям, остававшимся за столиком.

Заказ песни для гостей ресторана колебался от трех до пяти рублей. После окончания трудовой смены ансамбля цена возрастала.

– Первый пошел, – разругавшийся Сережа Павленко, самый решительный в ситуациях, когда дело касалось охмурения слабого пола, не зря по должности начальник связи батальона, лихо сбросил китель на спинку стула, закатил рукава, как для драки и ринулся в направлении махающего Аскерова.

При этом он успел ободряюще огреть по плечу Васильева. Пример начальника связи без колебаний был подхвачен остальными, десантники дружно выдвинулись на бурлящую площадку для танцев.

Время перед закрытием ресторана около 23.00 получило военное название «Развод», но, в отличие от дивизионного развода суточного наряда, он проходил шумно и весело. Такси к этому времени подтягивались к «Украине» в большом количестве.

После коротких «переговоров» посетителей с представительницами прекрасного пола сначала в зале ресторана, курилке,

холле гостиницы, а потом и на улице, у входа, таксомоторы развозили пары и компании, жаждавшие «продолжения банкета» и иных развлечений, по немногочисленным ночным дискотекам города, созданным комсомольскими активистами; женским общежитиям со щадящим пропускным режимом, ну и – верх удачи – в отдельные квартиры со всеми удобствами.

Мимо задумчиво стоящих перед входом офицеров проследовал, довольный собой и в меру пьяный, окруженный веселыми дамочками, знакомый Морозило. Он приветливо помахал рукой и кивком головы предложил присоединиться.

– Едем в Москву, – это было сказано Морозило безапелляционным тоном, так, как-будто решение было согласовано и принято заранее и осталось только дать команду на выход.

– Я завтра дежурный по батальону, – несколько огорченно заметил Коля Мацко...

– Классная идея, – заодно и с энтузиазмом Сережа Павленко начал рассуждать о прелестях столицы. Одна проблема, он не предупредил родителей. Сереже «так не повезло» с местом службы, его родители жили в трехстах метрах через дорогу от батальона. Полтавское училище связи, что тут еще добавишь.

Друзья-вокеры, в отличие от начальника связи, жили в гарнизонном офицерском общежитии в комнате на пятерых весело и неголодно. Под кроватями всегда имелся НЗ десантного сухпая с галетами, ветчиной, сгущенкой и шоколадом. Этому сухпаю очень завидовала «пехотная братия» из дивизии, в доблестных рядах которой проходили службу товарищи «двухгадючники» со знаками на топорщащихся кителях «аля пиджак» об окончании престижных московских и ленинградских вузов «бауманки» и «можайки». Они очень уморительно смотрелись старшими на покраске заборов дивизии, интеллигентно руководя работой взводов, в составе трех узбеков.

В «авиационный городок», где находилась общага, можно было доехать трамваем. Но конотопский трамвай имел свои чудные особенности. Он был одноколейный, поэтому в одну сторону двигался в скоростном режиме, а в обратную на остановках ждал пока придет встречный, чтобы разъехаться с ним, давая возможность пассажирам обсудить новости и поговорить о жизни.

– Едем, только надо переодеться, я ловлю тачку. Володя Аскеров без лишних слов пошел к стоящим невдалеке «частникам» договариваться.

Васильеву стало весело от идеи, и, по большому счету, было все равно, куда ехать: в Москву или в Ленинград. Чувство свободы на месяц отпуска распирало грудь. А впереди Афган, и – будь, что будет! Только надо придумать, что сказать родителям.

– А дашь кожаную куртку одеть? Его вопрос относился к Морозило. Кожаная куртка песочного цвета, привезенная им из Афганистана, пользовалась успехом у товарищей и неоднократно выдавалась идущим на свидания для пущего эффекта.

– Ладно, меняю на твой черный плащ. Помни мою доброту, мальчишка.

С «частником» договорились, чтобы он подождал возле общаги и оттуда – прямо на вокзал.

Проходящие поезда на Москву из разных городов необъятной родины шли, чуть ли не через каждый час.

И когда, открыв свое купе, товарищи офицеры увидели читающую молодую особу, всем стало ясно, что вечер удался. Через двадцать минут искрометного общения молодая особа, отгадывая профессию попутчиков, с полной уверенностью заявила, что они аспиранты, едушие в столицу для сдачи экзаменов.

Ноябрьская Красная площадь серая и мокрая. Никакой привычной торжественности, знакомой по помпезным телевизионным военным парадом. Васильев с детства смотрел парады дома по телевизору и мечтал стать суворовцем, чтобы так же пройти в красивой суворовской парадной форме на загляденье девчонкам класса.

Сбылось, прошел в «коробке» суворовцев-барабанщиков по Крещатику, но вряд ли одноклассники разглядели его среди сотни других барабанящих в такт нехитрой барабанной мелодии. Прохождение в «вокерской» коробке по тому же Крещатику было солиднее, как-никак с личным оружием и металлическими набойками на подошвах сапог. Но теперь было ясно, что «олимпиада» в офицерской карьере является Академия Фрунзе, ее парадная «коробка» идет первой в офицерском строю участников парада в Москве.

Красная площадь кажется меньше размером, чем, когда видишь ее на экране с войсками московского гарнизона, выстроенными для парада.

Сейчас все трое наблюдали смену караула у Мавзолея, ежась от ноябрьской промозглости. У караульных шинели из офицерского, а может и генеральского сукна, глаженные сапоги, шапки из мерлушки – все «с иголочки». Маршируют красиво, четко, но не по строевому уставу. Темп шага замедленный, ногу дерут выше положенных 60 см для пущей красоты. Показуха, одним словом.

– Да, по брусчатке тяжелей шагать во время парада, чем по Крещатику, – сочувственно заметил Борзило.

– Поэтому у нас в «коробках» равнение лучше, – заключает удовлетворенно Аскеров.

Васильев, коченея, в красивой, но не для ноября, афганской куртке, ищет в мыслях глубокий смысл пребывания в сердце Москвы перед важным жизненным испытанием. Раньше здесь казнили, теперь хоронят и маршируют. Смена караула прошла. Мавзолей для посещения закрыт. К кремлевской стене не пройти, запрещено, в музей Ленина не тянет, разве что погреться. Морось, ветер и чувство голода усиливаются. Аскеров и Васильев обращают взгляды с немым вопросом к Морозило.

Испытывая как бы легкие угрызения совести, он оправдывается:

– Я здесь был перед Афганом.

– Да? – спрашивает Аскеров, подразумевая, – и шо?

– И я вернулся, – многозначительно заключает Морозило.

Васильев понимает, что все это сделано для него, на душе становится теплее.

– Так, едем на Таганку, – командует Морозило.

– В театр? – вежливо, хотя и с долей иронии интересуется Аскеров.

– Нет, у меня там боец живет. – Он принимает строевую стойку и, как по команде «Шагом марш!», начинает движение строевым шагом с отмашкой в направлении музея Ленина, греясь и пробуя брусчатку.

– На Красной площади сводная колонна выпускников Киевского ВОКУ в составе старшего лейтенанта Морозило, – торжественно комментирует Аскеров.

– Не пугайтесь, девушка, товарищ в Библиотеку Ленина идет, – это он уже говорит девушке, удивленно взирающей на марширующего по площади человека в гражданском.

– Он у нас аспирант.

На звонок открывается дверь, и детина на две головы выше Морозило бросается его обнимать и тискать. Васильев и Аскеров наблюдают за сценой встречи с чувством восхищения и легкой зависти.

На кухне тепло и уютно. Чайник закипел и свистит. За окном пошел снег. Хозяин суетится возле стола и шкафчиков, доставая какие-то банки и баночки с вареньем.

– Извини, командор, жрать особо нечего. Я сам сейчас живу, предки в село к бабке уехали. Если бы предупредил, я бы приготовился.

– Ладно, не переживай, прорвемся, – Морозило снисходителен и добр.

– Может, мне в гастроном сгонять?

– Не надо, Анисим (фамилия бойца Анисимов), пойдем куда-нибудь посидим.

– Здесь недалеко бар «Золотой якорь», у меня там знакомый пацан барменом работает. Вы на сколько в Москву? Можете у меня жить.

– Да нет, ташакур, мы в «самоходе». У нас билеты на вечер на киевский поезд.

– Давай еще, кам-кам, чаю и «на якорь».

Бар – не чета конотопским питейным заведениям. Интерьер с морской атрибутикой и мягкими диванами напоминает заграничные фильмы. Светозвук – музыка, сильная аппаратура. Барная стойка удивляет невиданным количеством бутылок с экзотическими названиями. В меню – штук двадцать коктейлей, в названии каждого присутствует слово из морского лексикона или название частей и механизмов моторного отделения корабля.

– А поесть тут вообще что-нибудь есть? – Морозило огорченно обратился к Анисиму.

- Ну, орешки всякие и еще печенюшки.
- Это вам не в «Украине», дорогой товарищ, бесстрастно замечает Аскеров, закрывая красивую тисненую папку с меню.
- В Конотопе кушать будете, – весело говорит Васильев.
- Ну, можно мороженого, в крайнем случае, покушать с коктейлем «Морская болезнь».
- Анисим, а ты можешь попросить своего бармена, чтобы поставил «Машину времени», а то жрать нечего и музыка вероятного противника играет.
- Конечно, командор.
- Ты сразу заказывай «Поворот» и командира тут же попустит.

Тепло помещения, коктейли во всем морском многообразии с весьма легкой закуской под гремющую музыку и горячие танцы до потери чувства времени суток (окна в залах предусмотрено, отсутствовали как таковые) все это подействовало одурманивающе на «аспирантов». Как для Золушки на балу неожиданно пробили часы, так и они с удивлением обнаружили, что до отхода киевского вечернего поезда остаются всего каких-то тридцать минут.

До Метро их шумно и весело провожала большая компания новых московских друзей и подружек. Правда, перед этим в туалете состоялся разговор с завсегдатаями бара по поводу слишком уж, на их взгляд, свободного и раскрепощенного поведения гостей. После выяснения причины «праздника души» те радушно приняли их в свой круг, и повели насильно угощать коктейлями. На посошок «залпом», как водку пили что-то зеленое в стакане с названием «Абордаж».

В Метро на эскалаторе всем было очень весело. Наступившая, казалось, трезвость в голове никак не сочеталась с почти морской походкой, как при качке корабля.

Красные огоньки на последнем вагоне отходящего поезда, которые они увидели, выбежав на нужный перрон, еще больше развеселили «вокерскую компанию».

Насмевавшись вдоволь, твердой походкой, но с периодическими заносами вправо-влево (шли, сцепившись руками) направились к кассам.

В кассе с неопишуемой радостью и удивлением узнали, что следующий поезд на Киев идет через двадцать минут.

Однако апогеем праздника все же стало поедание сосисок в тамбуре вагона через несколько минут после отправления поезда.

Официант вагона-ресторана с дымящейся кастрюлей был встречен, как родной. После этой судьбоносной встречи в руках каждого оказалась «нитка» горячих, вкуснейших сосисок.

Проходящие пассажиры не без удивления смотрели на компанию почему-то смеющихся, не твердо стоящих на ногах, по виду интеллигентных людей, уминающих за обе щеки сосиски.

- Я до Киева поеду без остановки, – сообщил Васильев.
- Тебе хорошо, ты в отпуске, – мечтательно заметил Аскеров.
- Барыга на понедельник назначил строевой смотр, вот гад, – сказал Морозило, и заливисто засмеялся, глядя на качающиеся нитки сосисок.

Спускаясь с Брест-Литовского вниз по Гарматной, Васильев мысленно «перелистывал» страницы «книги» с условным названием «Курсантская любовь». По этой улице он три года ходил или «пробирался» дворами, чтобы не нарваться на гарнизонный патруль, бывая в «самоходе». На Гарматной находилось женское общежитие Института инженеров гражданской авиации, ставшего для отдельных «вокеров» приютом и местом отдохновения от казарменной жизни, своим теплом, отчасти, заменившее родные дома.

Ввел Васильева со товарищи по взводу в общество не только красивых, но и умных будущих инженеров гражданской авиации Шура Милашников, тоже киевский кадет. У него в этом институте училась землячка. Сам он, кстати, облюбовал «общагу» вовсе не для поиска любовных приключений. Бывая в гостях у землячки, он «вояжировал» из комнаты в комнату, как Винни-Пух. Везде его радушно принимали, кормили чем-то вкусеньким и обхаживали, как перспективного жениха. И потом, когда он, как настоящий товарищ, поделился своим счастьем с друзьями, те иногда могли лицезреть Шуру, выходящим из какой-нибудь комнаты в женском халате или спящим, свернувшись калачиком, на постели, более мягкой и приятной, чем ротная железная койка с армейским матрасом.

У Васильева же, напротив, история получилась, что ни на есть самая романтическая. Вообразив себя Печориным (с кем не

бывало в молодые лета), он вольно или невольно мучил Ирину, как тот Веру. Всякий раз после очередных метаний, раздумий, мимолетных увлечений он возвращался к ней, без особого труда побеждая появлявшихся на горизонте Ирининых воздыхателей, и, как ему искренне казалось, теперь уже навсегда.

Был выпуск, восторженно-радостное настроение и Ирина с цветами в красивом розовом шелковом платье вместе с родителями Васильева на плацу училища. Счастливые лица на размытых фотографиях, что-то не так оказалось с «выдержкой». И мечты, мечты, мечты...

Потом были поездки в Киев на выходные, напоминавшие курсантские увольнения, но уже в лейтенантской форме с голубыми петлицами и десантными эмблемами. И наконец, приезд Ирины в Конотоп в октябре. Накануне Васильев долго ублажал администратора ведомственной гостинницы, чтобы она ее поселила и разрешила им провести ночь вместе в нарушение строгих правил и инструкций. Гостинница находилась в старой части города, возле рынка, в здании, казалось, дореволюционной постройки. В общем, в ней без особых декораций можно было снимать купринскую «Яму». Мрачность и безысходность витали в ее комнатах-номерах с пронумерованной казенной мебелью, коридорах с запыленными фикусами и лестницей с перилами зеленого цвета и облупившейся краской.

Из ближайшего гастронома Васильев принес в сумке провизию с бутылкой вина, захватив из общаги портативный магнитофон «Весна» и кассеты с неизвестными ему доселе питерскими группами, – собственностью «двухгадючника» Крылова, выпускника «Бауманки», «загремевшего под панфары» в ряды славной, конотопской, кучи орденов, мотострелковой кадрированной дивизии. В часы офицерского досуга в комнате общаги после нескольких рюмок водки он отрешался от всего мира, склонившись над своим магнитофоном. Очки его запо-

тевали, а за их стеклами после принятия стакана водки могла сверкнуть скупая мужская слеза.

Вечерний полумрак теплого номера скрывал резавшую глаз его убогость, когда молодые люди вошли в него после того, как дама-администратор великодушно выдала ключ с деревянной грушей на кольце, внимательно изучив, а затем, записав паспортные данные Ирины.

За ужином Ирина рассказывала об институтских новостях и о соседках по комнате, вернее, об их личной жизни. Две из них уже вышли замуж, одна за своего сокурсника, а другая за «вокера» Судакова. Переведясь на заочное отделение, она вместе с ним оправилась в гарнизон. Судаков, будучи ротным баянистом и гитаристом, после выпуска попал в показательную учебную дивизию Киевского военного округа, дислоцировавшуюся в поселке городского типа Десна.

Васильеву довелось побывать там, когда он ездил за молодым пополнением, и повстречаться с однокашниками по ВОКУ и кадетке. В офицерской столовой за обедом под 100 грамм они делились впечатлениями о службе. «Учебка» по своим правилам жизни напоминала колонию общего режима, где дивизионное начальство сходило с ума, контролируя все, от морального облика офицеров и их жен, пугая неугодных отправкой в войска, до правильности развешивания белья во дворах и на балконах ДОСов – так называли дома офицерского состава. И по единодушному мнению, этот Судаков ебн...ся на почве служебного рвения и страха, что молодая жена может его скомпрометировать перед партийным руководством своим легкомысленным поведением. Тетки судачили, что он ее даже на ключ запирали в квартире, когда уходил на ночные стрельбы...

Ирина рассказывала о слезных письмах Ленки, всегда озорной и веселой, а теперь Судаковой и несчастной.

И чего греха таить, офицерская жизнь с ее «гарнизонными радостями» нередко наносила сокрушительные «удары» по молодым неокрепшим лейтенантским душам, после четырехлетнего пребывания за забором, преподавая жизненные уроки, как правило, несовместимые с марксистско-ленинской идеологией и образом коммуниста, всем тем, чем пичкали их все годы учебы. В результате иллюзии уходили вместе с девчонками из светлого прошлого, а вместо них появлялись связистки, официантки, разведенки с пьяными застольями, нередко заканчивавшиеся на таких же армейских койках, на каких спали в училищах, только теперь это была офицерская общага.

Случались и другие истории. Серега Генералов, например, училищный друг Васильева (естественно, прозвище в роте «Генерал», к слову сказать, его отец был генералом), женился сразу после выпуска. Его мама, для друзей-курсантов – тетя Женя, прошедшая тернистый путь жены офицера, «подобрала» для него скромную, симпатичную девочку тоже из семьи военного. Генерал убедил себя в любви к ней и необходимости такого шага для достижения успешной карьеры; по существующим традициям ему был открыт путь в генералы.

На свадьбе «Генерала» в Черновицком гарнизоне, где его отец командывал дивизией, Васильев был с папой и Ириной. Мама Генерала настаивала на том, что и им тоже надо пожениться сейчас.

Тетя Женя в семье почти всегда разговаривала на украинском языке, притом, что дядя Леня Генералов «окал» по-поволжски. От нее Васильев впервые услышал анекдот про советского генерала.

– Думал ли ты Ленька, простой крестьянский парень, что когда-то с генеральшей спать будешь? – при этом она обращалась к дяде Лене и нежно гладила его лысину.

В процессе воспитания Генераловых друзей женитьба была ее любимой темой. На слабые их возражения о том, что выбор невест нелегкое дело, она философски замечала.

– Вибирайте, вибирайте, а потім таке г.но знайдете!

Это было созвучно «купринским» мыслям о том, что большинство офицерских браков совершаются на скорую руку...

Васильев с Ириной сидели на кровати, опершись на холодную стену, и смотрели на светящиеся окна дома напротив, от них веяло теплом и домашним уютом. В коридоре громко разговаривали и стучали дверями.

Это напоминало вечер в студенческом общежитии. Закрывшись в комнате, и, погасив свет, они полулежали на Ириной кровати и целовались. В углу на другой кровати тем же были заняты Судаков и Ленка.

У Васильева закружилась голова, когда он, расстегнув халат, начал ласкать и целовать груди Ирины, она гладила его волосы, изредка вздрагивая.

Теперь они были наедине. Казалось, уже ничто не может помешать той близости, о которой думали, не признаваясь в этом друг другу, и одновременно боясь.

Они снова целовались, как школьники, пугаясь шума в коридоре, опасаясь, что кто-то войдет в класс. Когда ближе к часу ночи в гостинице наступила тишина, они по очереди вприпрыжку бежали из душа к кровати, «ныряя» под тонкое одеяло в застиранном пододеяльнике. От окон со старыми рамами, веяло неприятным холодком, их еще не заклеили на зиму.

Ирина была в ситцевой с цветочками длинной «ночнушке». Крепко обнявшись, они быстро согрелись.

Проснувшись рано, «до подъема», Васильев смотрел в потолок и ждал семи часов, когда надо будет вставать, чтобы идти в батальон, он был «ответственным по части» в это воскресное утро. Уход на службу для него представлялся спасительным.

Обладая, казалось, самой мужской профессией, он чувствовал себя совершенным «профаном» в вопросе превращения из юноши в мужчину по отношению к девушке. От этого стыд за себя жег голову.

Отъезд Ирины он воспринял с облегчением. А на следующий день написал ей письмо с невразумительными объяснениями, что им надо расстаться.

И теперь, направляясь в 314-ую – номер Ириныной комнаты в общежитии, вошедший в память прочно и, наверное, навсегда, как и первый личный номер суворовца, вытравленный хлоркой на всех видах обмундирования, Васильев не знал, что скажет при встрече, может быть, последней. Посещавшие его порой мысли о возможной смерти в бою были оправлены в «киношный» пафос, а оттого не отягощали.

На общежитийской «вахте» он оставил свое новенькое удостоверение личности офицера суровой дежурной пенсионерке, при виде его она смягчилась и даже понимающе улыбнулась. В курсантскую пору нередко приходилось вступать в пререкания с некоторыми, шибко строгими мадамами, не пропускавшими их в общежитие без предъявления документов. В выходные в качестве залога те требовали или увольнительные записки или (даже!) военные билеты.

Постучав легонько в дверь 314-й, он затем приоткрыл ее, не входя, однако, в комнату. Барышни, обложившиеся со всех сторон конспектами и учебниками, все, как одна, оторвались от них и устремили свои взоры на стоявшего у входа Васильева. А он вдруг ощутил себя, как во время проработки на комсомольском собрании за утерю комсомольского билета.

Тем временем, Ирина встала из-за стола и, молча, вышла в коридор. Местом уединения и лирических разговоров давно был облюбован так называемый «карман» в коридоре с окнами во двор и широкими подоконниками. В таких «карманах» на

некоторых этажах обустраивали «комнаты отдыха» с телевизором и стульями.

Васильев уселся на подоконник, чтобы не чувствовать себя совсем уж провинившимся курсантом, и попытался улыбнуться, глядя на строгое выражение лица Ирины. После небольшой паузы он проговорил:

– Я еду в Афганистан.

Ирина молчала, но глаза ее постепенно влажнели.

– Когда?

– В конце ноября, сейчас – в отпуск.

Ирина отвернулась и смотрела в окно. От прохлады коридора она запахнула сильнее халат и придерживала его отвороты у шеи.

– Ты родителям уже сказал? – по-прежнему, не глядя на него, спросила она.

– Нет, я скажу, что еду в Алжир.

Васильев прыгнул с подоконника, стоя у нее за спиной, взял ее за плечи и уткнулся лицом в ее затылок. Затем крепко обнял, не давая ей высвободиться.

– Поедем вместе?

Ирина всхлипнула.

– Пойдем в комнату, здесь холодно.

Конотопская электричка ехала до Киева три с небольшим часа. Васильев сидел у мутного окна, то поглядывая на мелькавшие знакомые пейзажи, ставшими вдруг роднее, и перронную жизнь на озябших станциях и полустанках, то уходя мыслями в воспоминания о последних днях отпуска. О будущем думать не хотелось, да и толку в этого никакого не было.

Рядом на лавке дремал Комарь, периодически роняя голову на плечо Васильеву или себе на грудь, вперед по ходу движения. Уже будучи в отпуске Васильев узнал, что пришел приказ и на Комаря. Новость эту он воспринял с оптимизмом, потому что убывать к новому месту службы им предстояло вместе.

Проводы командира минометной батареи, заодно с женой на «Зизи», были организованы Черным и прошли в хмельной веселой кутерьме. На роспись в ЗАГС Комарь пришел при портупее, как на развод суточного наряда.

Теперь молодожен Комарь отсыпался за последние бессонные ночи. Обручальное кольцо у него долгое время носилось на левой руке, а теперь переместилось на правую. Первый брак молодого лейтенанта на юной москвичке не вынес тягот и лишений воинской службы. Новая «молодая», Зизи, старше и опытнее по жизни старшего лейтенанта Комарова, как никто, подходила под определение «боевая подруга».

Еще одно украшение из драгметалла появилось у него на веревочке на шее. Это был советский серебряный полтинник с дырочкой. Васильев с Комарем наслушались страшных историй о болезнях в далеком краю из-за плохой питьевой воды и о том, как Александр Македонский в афганских походах пил воду только из серебряной посуды, не на шутку перепугались и, по совету рассказчиков, приобрели полтинники, чтобы бросать их в кружки для дезинфекции. Васильев своего будущего спасателя вез в чемодане, а практичный Комарь повесил на шею, чтобы не потерять, ну, и вместо талисмана – крестика.

«На дорожку» в «тревожный» коричневый чемодан, собранный заботливой женой Зиной, Черный», проявив командирскую заботу о друге, положил три бутылки свадебного самогона.

У Васильева тоже с собой была водка. Горилкой с перцем в граненых бутылках его снабдил мамин брат, дядя Коля, работавший в ОБХСС в Днепропетровске.

Большой, желтый, импортный, родительский чемодан, из качественного кожзаменителя, Васильеву «в Африку» собирала мама. Приехав к родителям, они с Ириной радостно изображали спектакль его подготовки к ответственной командировке в Алжир.

Дома Васильев сразу же убрал в шкаф свою выпускную фотографию, которую мама поставила на столе в рамочку. С нее смотрел на окружающих эдакий розовощекий лейтенант. Именно такие фотографии использовали на похоронах первых однокашников – афганцев.

Бродя с Ириной по тихим улочкам города своего детства, он с энтузиазмом рассуждал о причастности к историческим событиям, в которых ему суждено участвовать, сравнивая их с Испанией 1936 года. Там советские добровольцы оказывали помощь испанскому народу в борьбе с фашистами, которым поддержка шла из Германии и из Марокко. Теперь мы оказы-

ваем интернациональную помощь афганскому народу. Для военного человека – это просто и ясно.

Проходя мимо городского Дворца культуры, Васильев неожиданно подумал о том, что именно там располагается ЗАГС, и их с Ириной вполне могли бы расписать в течение 24 часов в связи со сложившимися обстоятельствами. Подобную сцену он видел в каком-то военном фильме. «А если меня убьют? Зачем Ирине осложнять жизнь? Сначала надо вернуться, а потом думать о женитьбе», – мысленно заключил он. Эти четкие и, как ему тогда казалось, правильные формулировки успокоили его. Понятно, что ничего этого он Ирине не сказал.

На второй день они пришли в родную школу. Директор, все тот же Леонид Борисович, с ласковым прозвищем «Леня Боря», в своем кабинете, выдержанном в обкомовском стиле 60-х, с громоздким столом с бархатной зеленой поверхностью и черным телефоном с белыми клавишами вызова, встретил их радушно, он был вальяжен и улыбочив.

– Вовка, ты знаешь, я в тебя верю. Ты должен стать генералом!

– Он – гордость нашей школы, – эти слова адресованы были уже Ирине. Затем прозвучало несколько живописующих историй из жизни председателя совета пионерской дружины школы Васильева, детали которых носили явно собирательный образ.

Во время первых суворовских каникул, по настойчивой просьбе директора, Васильев пришел в школу в форме, от чего сам очень смутился. «Леня Боря» затащил его на свой урок истории в 8-м классе в качестве живого наглядного пособия, чем отвлек внимание всех, особенно учениц класса, от темы урока.

Вдоволь наговорившись и произведя должное впечатление на Ирину, «Леня Боря» проводил их до школьных ворот, а Васильев загадал желание вернуться и поведать в этом же кабинете про «алжирскую» эпопею...

– Комарь, не спи, замерзнешь, подъезжаем, – Васильев слегка толкнул товарища в бок.

Тот встрепенулся, как дежурный по батальону, когда ночью за столом его одолевает неуставной сон, а в «дежурку» вваливается с шумом его помощник.

– Вовчик, мне надо брательника навестить в училище связи. Как ты думаешь, успеем? – бодро спросил он.

– Хрен его знает, товарищ майор, – ответил Васильев, употребив прижившуюся в армии формулировку для оценки полной неясности обстановки.

Сбор группы командированных для выполнения интернационального долга офицеров был назначен возле железнодорожного вокзала на стоянке туристических автобусов под огромным рекламным плакатом, призывающим пользоваться услугами аэрофлота.

Кадровик из штаба округа встречал прибывающих с виноватой улыбкой и списком в руках, в котором сразу проставлял «галочки» напротив фамилий и предлагал занимать места в автобусе.

– Чтоб не разбежались, – проворчал Комарь, занимая место у окна.

– Если поедем через Печерск, сможешь там выйти возле училища связи, – в тон ему ответил Васильев.

Когда все были отмечены и заняли места в автобусе, кадровик с заметным чувством облегчения дал команду водителю «Икаруса» на отправление.

От вокзала автобус поехал через Печерск по бульвару Леси Украинки, как раз мимо «кадетки». В больших окнах родного дома горел свет, его включали на занятиях в пасмурную погоду.

В Бориспольском аэропорту отлетающих офицеров и прапорщиков, в количестве почти тридцати человек, встречал представитель гарнизонной комендатуры с патрулем.

Рейс задерживался по метеоусловиям Ташкента. Свалив чемоданы в кучу и установив график дежурства по охране этого скарба, будущие воины-интернационалисты разбрелись по аэропорту.

– Вовчик, пойдем, кофе выпьем, у меня все в горле пересохло, – предложил Комарь.

Взяв кофе, они стали за высокой стойкой перед большим окном с видом на взлетную полосу. Комарь залпом выпил светло-коричневое содержимое чашечки и скривился.

– Прикрой меня, – это прозвучало несколько неожиданно.

Затем из глубокого кармана шинели он достал бутылку с самогонем, непонятно когда «перекочевавшую» туда из чемодана, и, изловчившись, под стойкой налил в чашечку «бодрящей жидкости».

– Хороший самогон, – сделал он заключение, не спеша, опустошив чашечку.

После «кофе» они бродили, как неприкаянные, по аэропорту и окрестностям.

На рейс была объявлена очередная задержка еще на два часа, поэтому пришлось снова идти «на кофе». На этот раз к «кофепитию» присоединились другие товарищи по группе.

После нового объявления о задержке рейса «Комарь» выбросил освободившуюся тару в урну и решительным тоном заявил:

– Вовчик, едем к брательнику в училище.

– Надо на такси, а то можем опоздать.

– Поехали!

Вернувшись через три часа, они узнали, что рейс на Ташкент по-прежнему откладывается. Около кучи чемоданов уже не было «дежурных», а на его месте угрюмо стоял патрульный с повязкой на рукаве шинели и штык-ножом на ремне.

Представитель комендатуры волновался, чтобы не осталось чьих-нибудь вещей, а заодно и самих владельцев. С ним уже было две группы патрулей.

Его волнения были небезосновательны. Война войной, а ужин – по распорядку. Основная часть группы к этому времени переместилась в ресторан.

К полуночи, когда, наконец, объявили посадку, пассажиры рейса стали свидетелями трогательного и шумного прощания улетающих военных с отправляющими. С кадровиком целовались по очереди. Он обещал никого не забыть. Особенно теплым было прощание с теми, кто угощал его обедом и ужином в ресторане.

Проверку личного состава он производил со значительно большими трудностями, чем утром.

Зачем-то старшему группы дали команду собрать все билеты для посадки. Когда же работников аэропорта это не устроило и стали раздавать их обратно, выяснилось, что билетов уже не хватает.

– Вах, вах, вах, – слышалось из пёстрой очереди на ташкентский рейс.

– Отец, не переживай, порядок в танковых войсках, – последовал почти твердый ответ.

Уже на трапе кто-то решил сказать прощальное слово и не упал с него только, благодаря поддержке милых стюардесс.

– Начфин с жизнью прощается, – заметил Комарь.

Устроившись в кресле, на просьбу стюардессы пристегнуть ремень, он улыбнулся и вежливо спросил:

– Девушка, у вас стакана не найдется?

Борясь с пристегнутым ремнем, он полез в глубокий карман своей шинели.

– Вах, вах, вах, – прозвучало с заднего ряда.

Ташкент встретил офицеров Киевского военного округа проливным дождём, что вызвало у них искреннее недоумение.

– И это туркестанская жара? – возмутился Комарь, снимая в здании аэропорта промокшую шинель.

Старший лейтенант военной комендатуры аэропорта, с раскосыми глазами и восточной улыбкой, объявил, что автобус еще не «приехал» и надо подождать «недольго».

Ждали в зале ожидания около часа, используя представившееся время по-военному – для сна.

– Автобус «приехал», – с той же сладкой улыбкой объявил «комендатурский старлей».

Сонные, с изрядно помятыми шинелями и лицами «киевляне» недружно выдвинулись на площадь перед аэровокзалом, где были встречены улыбающимся с панно невероятных размеров, дорогим Леонидом Ильичом Брежневым, и старым, чадающим «ЛАЗом» с военными номерами.

– «Икарусы» йок, командир? – не удержался Комарь от вопроса к «комендатурскому старлею», запихивая свой чемодан в тесное багажное отделение.

– А экскурсия по городу будет? – продолжил он шутить. Гостеприимный «старлей» продолжал улыбаться. Ни одним вопросом киевлянин не смутил его, и он нешуточно ответил:

– Ви на «пересильку» по Тошкенту ехать «будите», Алайский базар увидите.

Дождь все не прекращался. Васильев сидел у окна с грязными разводами от дождя и смотрел на чужой город, так отличающийся от родного Киева.

– А ты обратил внимание на то, что Леонид Ильич на плакате на узбека похож? – задумчиво спросил Комарь, – Интересно, у них водку тоже с одиннадцати продают?

– На «пересильке» спросишь, – буркнул Васильев.

Пересыльный пункт, откуда Родина отправляла своих сынов для выполнения интернационального долга, был оборудован на огражденной территории, напоминавшей заброшенную воинскую часть. Зеленые ворота со звёздами, КПП, как сторожка захудалого колхоза, служил одновременно и штабом. Небольшой плац, на котором установлены три армейские палатки, на 40 человек каждая, и длинный летний умывальник с десятком краников, такие обычно устанавливают при полевых выходах.

Барак с табличкой «Учебный корпус», полуразрушенный туалет недалеко и глиняные развалины, должно быть имеющие историческую ценность, завершали этот «армейский архитектурный ансамбль». Желания принимать водные процедуры после ночного перелёта у Комаря и Васильева не появилось. Дождь лил, как из ведра.

В палатке установлены два ряда двухъярусных кроватей с грязными матрасами, покрытыми, до боли знакомыми синими одеялами с черными полосами у ног. На подушках – почерневшие наволочки, простыни отсутствовали вообще. На некоторых кроватях лежали офицеры, укрывшись шинелями или бушлатами. В проходе между рядами кроватей брошены доски для передвижения по залитому водой полу.

– Да, не Рио-де Жанейро, – проворчал Комарь и, осторожно ступая по мокрым доскам, направился в угол, где дымила «буржуйка», рядом с которой сидел, окутанный дымом, словно «джин», боец-истопник в грязнейшем х/б и мятой панаме.

Погревшись у печки, направились в «штаб» сдавать паспорта. Чемоданы оставили в комнатке, оборудованной под «камеру хранения», но без номерков. Затем вслед за всеми побрели в учебный корпус. Кто-то сказал, что там будут то ли занятия, то ли инструктаж. В результате выяснилось, что никаких занятий не будет, а тем, кто пересекает границу первый раз, надо идти на прививку, непонятно от чего.

– Ага, щас, – сказал Комарь с отвращением.

От прививки он отказался. Васильев, глядя на окружающую обстановку, тоже не испытал ни малейшего желания участвовать в вакцинации.

– Вовочка, шо будем делать?

– Я хочу центр посмотреть. Может, вечером в театр получится попасть.

– Нет, я – в гастроном. Мы же прививку не сделали, надо что-то взять для профилактики.

Вечером в театре русской драмы Васильев окунулся в знакомую атмосферу тепла и неповторимого уюта, царившую в зале с плюшевыми креслами и громадной сверкающей люстрой. Особенно приятно ласкали взор чистота и торжественность, царившие в здании театра, после утомившей за день сырости и убогой до отчаяния картины на пересылке.

До этого он побродил по площади имени Ленина, называемой в народе «красной». Она была необозримых размеров с помпезным памятником Ленину. Васильеву показалось, что он тоже похож на узбека. Недалеко от площади располагался ресторанный комплекс «Зарафшан», не менее внушительных размеров, и чем-то напоминавший Киевский музей Ленина. Бар в ресторане, как многие бары в столицах Союза, представлял собой территорию, на которую, невзирая на всю железность пресловутого занавеса, все-таки проник ветер «загнивающей» западной культуры. В туалете Васильев впервые за день смог

умыться теплой водой, а потом, потягивая согревающий коктейль, умиротворенно смотрел по телевизору через видеомагнитофон, шоу Бенни Хила...

В спектакле одну из главных ролей играл актер Цветков, недавно виденный Васильевым в роли генерала в одном из фильмов о войне, и у него возникло ощущение, будто встретился с хорошим знакомым.

Раскланивавшихся актеров «долго не отпускали аплодисментами», и Васильеву подумалось: вот сейчас они, радостные и удовлетворенные хорошей работой, разойдутся--разъедутся по домам, где их ждут, и будут рассказывать, как их принимали, какой был зритель, кому достались цветы, а завтра их снова ждет любимая работа и театр. В его воображении картина вырисовывалась весьма идилическая, особенно на фоне его собственных ощущений и впечатлений от убогой «пересылки», куда надо было возвращаться, грядущей неизвестности и завтрашнего перелета в неведомый Афганистан.

На пересылку он вернулся на такси за полночь. Дождь, наконец, прекратился и палатка, наполненная теплом человеческих тел, согреваемых потрескивающей печкой, уже не казалась такой унылой, как поутру.

Несмотря на позднее время, спали не все. В расположившейся возле «буржуйки» компании Комарь что-то «брынькал» на гитаре, а по стаканам окружающих с легким «позвякиванием» горлышка бутылки о граненые стаканы разливалась водка...

Подъем на пересылке производился в 5 утра. Сигналы и свет фар въезжавших в ворота автобусов вносили нервность в настроение невыспавшихся и непротрезвевших её обитателей.

Трехчасовой «ефрейторский» зазор, с которым подвозили на армейский аэродром Тузель, военный люд, привыкший за время службы к такому порядку, воспринимал почти безропотно.

До прихода персонала аэропорта всем «пассажирам» пришлось торчать перед закрытым терминалом. Сидели на уличных скамейках, кому повезло, и на чемоданах. Слава Аллаху, не было дождя.

Некоторые, а Комарь был в первых рядах, матерясь, ушли греться в казармы.

Паспортный и таможенный контроль для офицеров, вылетающих в Афганистан впервые, был простой формальностью, с уточнением количества спиртного в чемодане.

Комарь выглядел трезвенником, декларировать сонному таможеннику ему уже было нечего. У Васильева в «неприкосновенном запасе» оставались две бутылки «Горілки з перцем».

Борт транспортного самолета оказался загруженным говяжьими тушами. Между мясными штабелями и откидными скамейками вдоль бортов оставался лишь узкий проход, по которому командир минометной батареи старший лейтенант Комаров и командир разведвзвода Васильев пробрались в хвост самолета. Там были сложены бумажные мешки, радовавшие глаз больше, чем замороженная говядина с фиолетовыми штампами.

– Хорошо сидим, – Комарь был сосредоточен и немногословен.

– Интересно, а как в Испанию отправляли в 36-м?

– В трюмах, наверное.

Когда борт оторвался от земли, Комарь проковырял дырку в одном из мешков. Выяснилось, что там были сухари.

– Хоть тут повезло. Жаль, что самогон закончился, – с искренним сожалением заметил он, с надеждой протягивая сухарь Васильеву.

– Не дожدهшься, это – НЗ, – ответил тот и с удовольствием захрустел, жуя черный сухарь.

Режущая глаза белизна солнечного света, мягкая, все обволакивающая пыль, Кабул в легком мареве – первое впечатление.

К приземлившемуся в Кабульском аэропорту военно-транспортному самолету ИЛ-76 подъезжают автомобили и БТРы. На полосе офицеры и солдаты в выгоревшей полевой форме, лица обветренные и загоревшие. Многие с оружием. Начинается суетливая разгрузка борта, сопровождаемая командами, перемежающимися матом.

Прилетевшие «заменщики» с чемоданами в руках, в шинелях, плащах и повседневной форме с галстуками на этом фоне, как «стая голубей мира», выглядят нелепо, и чувствуют это.

В сопровождении гордых офицеров комендатуры, поднимая клубы пыли и, глаза по сторонам, прибывшие передвигаются на пересылку, находящуюся здесь же, на территории аэродрома.

Кабульский пересыльный пункт обнесен колючей проволокой и отличается от ташкентского ухоженностью территории в стиле гаубтвахты. Обитатели перемещаются внутри по оттрассированным дорожкам. В спальных палатках койки стоят в один ярус. В каждой палатке дежурят дневальные, поддерживающие внутренний порядок и чистоту.

На территории действует строгий распорядок дня. Приемы пищи проводятся в большой палатке-столовой. Рацион

армейский без излишеств, но вполне сносный, чувствуется хорошее снабжение.

Комарь и Васильев отмечают предписания в канцелярии пересылки. Борт на Кундуз запланирован на следующее утро. Пообедав, они отправляются на склад получать постельное белье.

– Пересылка строгого режима, однако. То ли дело в Ташкенте и гастроном недалеко, – оценивает обстановку Комарь.

– Шо, Вовочка, в театр не поедешь?

– Злой вы, товарищ старший лейтенант, без водки.

– Ладно, переживем. Хоть выплюсь.

На складе познакомились с замполитом роты из их бригады, убывающим в отпуск. Замполит немногословен и сдержан, чем вызывает симпатию.

Общая картина: бригада постоянно воюет, больше всего потерь при подрывах на минах. Сейчас идет подготовка к передислокации бригады в Гардез, провинция Пактия. 3-й батальон будет стоять отдельно в Бараках, провинция Логар.

– Да, весело, а деревья когда сажать будем, интересно? – Вопрос Комаря повисает в воздухе.

Непривычное тепло ноябрьского дня быстро сменяется холодными сумерками. Из-за гор слышны артиллерийские раскаты. Комарь и Васильев после ужина гуляют по дорожкам строго прямо и перпендикулярно. Затем садятся в курилку (оформленную в виде буквы «П») и, молча, смотрят на Кабул через колючую проволоку. В его огнях нет теплоты вечернего города, в этих городских огнях – тревога и неизвестность. Ночное небо то и дело разрывают длинные очереди трассеров и вспышки сигнальных ракет.

– А Черный, гад, наверное, сейчас в кабаке, – грустно замечает Комарь.

– Ага, или с Папусем на «Сенном» бухает, – высказывает свое предположение Васильев.

Прапорщик Папусь, родом из Конотопа, был завскладом артвооружений. Худой, высокий с орлиным носом, он заикался, когда волновался. Его недесантная внешность и провинциальное простодушье часто вызывали подколки со стороны товарищей офицеров и солдат. Иногда Черный и Комарь брали его в свою компанию третьим. Причем из-за того, что «Черный» сам порой чуть-чуть заикался, их диалог был неподражаем.

– Пра-по-по-рщик Па-па-папусь, за самогонкой – бегом м-м-аарш!

– А по-по-чему Па-па-папусь? – тот нерешительно сопротивлялся и, сутулясь, семенил на знакомые самогонные точки возле Сенного рынка.

– У, пра-по-по-рюга!.. – когда дело касалось водки, Черный был грозен.

Комарь толкает Васильева и кивает на гордо шествующую группу из трех женщин неопределенного возраста. Дамы одеты в пеструю джинсу, очень отличающуюся от той, что носят в Союзе.

– Василисы прекрасные, не подступишься...

– Ну и жизнь нас ждет. Ни баб, ни водки, – помолчав, Комарь продолжает с долей оптимизма: – Хотя, мне говорили, что водку и спирт можно купить у вертолетчиков или в колоннах по 30 чеков, а девочки есть в столовой и медчасти.

– Для особливо непонятливых, напоминаю, 3-й ДШБ будет стоять отдельно, без девочек, уж это точно.

– Сейчас бы мне гитару, глядишь, и обратили бы внимание.

– На гитару?

После немногословных трезвых посиделок с бередящими душу конотопскими воспоминаниями решили идти спать.

Васильев укрылся с головой, захотелось быстрее забыться. В горле стоял ком, а мозг сверлил вопрос: «Что их ждет?»

Рано утром бортом на Кундуз в первую очередь отправили всех десантников по распоряжению генерал-майора из штаба армии, полетевшего вместе с ними.

Васильев в недолгом перелете обдумывал, с какими первыми словами он обратится к личному составу взвода, с долей восхищения поглядывая на боевого генерала, углубившегося в чтение последнего номера журнала «Новый мир».

Своего рода «проверку на вшивость» у бойцов своего разведвзвода ему уже пришлось проходить. Придя из «пехотного» училища в славные, «продуваемые всеми ветрами» и т. д. десантные войска, он чувствовал на себе снисходительные взгляды личного состава. Все изменилось после первого прыжка. Сейчас же его ждала встреча с теми, кто уже воевал, а это серьезнее, чем прыжки и праздничная «показуха» с битьем кирпичей и постановочным рукопашным боем.

Встреча борта с заменщиками в Кундузе резко отличалась от кабульской. Это был, что называется, «праздник со слезами на глазах». Многие из прилетевших сразу оказывались в крепких и радостных объятиях тех, кто их ждал, как ждут самого главного события в жизни.

Бригада вошла в ДРА в декабре 1979 года, и сейчас проходила первая волна ротации. Счастливчики готовились во всю, закупая водку у «наливников» и провизию для «отходного» в местных дуканах. Правда, были и такие, кто не «просыхал» неделями в ожидании своего «дня победы».

Комаря встречал командир минометной батареи 3-го ДШБ на командирском Газ-66. От чего Комарь сразу возгордился своей принадлежностью к дружной «артиллерийской» семье.

Со слов комбата Васильев узнал, что взводный, которого он меняет, сейчас находится в госпитале в Союзе с желтухой.

Наглотавшись вдоволь пыли и попрыгав на ухабах, они, тем не менее, довольные приехали в расположение бригады, находившейся совсем рядом с аэродромом.

– За что вас сюда, ребята? – весело спросил командир батальона конотопцев после доклада о прибытии к новому месту службы.

Появившуюся возможность отправлять офицеров для выполнения интернационального долга в ДРА, военное начальство нередко использовало по полной, чтобы избавляться от неугодных и неудобных подчиненных. Перед отправкой правились служебные карточки, снимались взыскания, давались положительные характеристики и – «вперед за орденами»! С другой стороны, многие офицеры сами писали рапорта, пытаясь найти в этом выход из ситуаций личного и служебного характера.

– За успехи в боевой и политической подготовке, – также весело ответил Комарь.

– Понятно. Ну, хорошо, давайте для начала – на обед, а потом расскажете.

На обед Васильев пошел со своим командиром роты Сережей Николаевым. Двое других взводных, Миша Гусев и Володя Остяков, прибывшие по замене на неделю раньше Васильева, еще не пришли из парка боевых машин, где они вместе с механиками проверяли готовность «машин» роты к предстоящему маршу.

В палатке офицерской столовой стоял концентрированный дух от первого блюда. Это был борщ, сваренный из консервированного борщевого набора.

– Борщ образца 1943 года, как и минометы в нашей в нашей роте, – заметил ротный, мешая в тарелке бурую густую массу.

На второе была пшенка с мясом и зеленые консервированные помидоры, заменявшие салат.

Хлеб показался недопеченным. Многие ели только корку, оставляя на тарелке мякиш, напоминавший пластилин.

Все разговоры за столом в основном сводились к предстоящему маршу батальона на новое место в Бараки.

– Механики у нас «молодые» – это самая большая проблема. Так что на «Саланге» будет весело, особенно если там снег выпал. Жаль, что «дембеля» уже уехали, – невесело заметил ротный.

Командир 9-й роты Сережа Николаев в Афгане уже полтора года, и этим все сказано. Бойцы его боятся и уважают. Бригадное начальство не жалуется за строптивость и прямолинейность в оценке действий этого самого начальства, а потому наградами Родины до сих пор не отмечен.

Васильев внимательно, и молча, слушал ротного, чувствуя себя одним из этих «молодых».

Свое взводное «войско» он увидел на построении роты после обеда. «Оно» стояло худое, немытое и небритое. Засаленное х/б с почерневшими подворотничками и дырки в тельняшках.

Васильев с ужасом подумал о подготовленных в самолете высокопарных словах обращения к личному составу, типа «Родина вами гордится» и прочей газетной галиматье, предназначенной для политзанятий.

Его размышления прервал зычный голос ротного старшины, старшего прапорщика Петряева. Офицеры роты звали его просто Михалыч – высокий и худощавый с чапаевскими усами и сверкающими глазами, он за словом в карман не лез.

Пока ротный не вернулся после совещания, проходившего у комбата, Михалыч занялся воспитательной работой среди личного состава.

– Ну что, чмошники, зачмырели – дальше некуда! Завтра строевой смотр батальона. Сегодня вечером – баня!

– Ночь не спать, чтоб к утру все блестело, как у коты яйца, гвардейцы хреновы.

Обращаясь к личному составу, старшина медленно шел вдоль строя, наводя ужас на стоящих в первой шеренге своим грозным видом. На боку у него болтался в деревянной кобуре трофейный маузер. Некоторым он натягивал панаму до подбородка, других брал за болтающуюся пряжку ремня и делал короткий тычок в солнечное сплетение.

– Урою лично каждого, кто получит замечание завтра.

Попав в бригаду из спецназа, он не скрывал своего пренебрежительного отношения к воинам-штурмовикам, обзывая их периодически пехотой, а в моменты высшего гнева еще и «сраной».

– Замкомвзвода, после построения – ко мне в каптерку за бельем, я вас научу родину любить.

Как ни странно, после этого построения и «отеческих» наставлений старшины, Васильеву полегчало на душе, и появилось что-то вроде уверенности в завтрашнем дне.

Марш 3-го батальона в Бараки, на удивление старожилов, прошел без единого выстрела.

Позже духи «отвязались» на последней бригадной тыловой колонне. Это дало возможность начпроду и начвещу бригады посписывать недостающее имущество, включая пару полевых кухонь.

Васильев, во время движения с интересом наблюдал картины восточной жизни, величественные горные пейзажи и невольно вспоминал телевизионный Клуб кинопутешественников с ведущим Сенкевичем.

– Интересно, бывал ли он в Афганистане? – думалось ему.
– Надо будет в письме описать маме красоту «Алжира».

В селениях, через которые проходила колонна, на «шурави» никто не обращал внимания кроме замурзанных и не по-зимнему одетых мальчишек, обутых в галоши на босу ногу. При остановках они бросались к машинам и громко кричали, как на базаре.

– Товарищ, чо хоч?

– Джинсы хоч?

– Батник хоч?

– Гандон хоч?

Меньше двух лет прошло с момента ввода советского контингента в Афганистан. За это время лингвистические способности детей войны братской, как постоянно поясняли

политработники, страны удивительно развились. Некоторые болтали на русском языке, выпрашивая или предлагая что-то, не хуже, чем их ровестники в Узбекистане или Таджикистане.

Торговые ряды дуканов в населенных пунктах, тянувшиеся вдоль дороги пестрели яркими «колониальными» товарами, японской аудиотехникой, китайскими сервизами и красивыми с цветной вышивкой дубленками. В Советском Союзе, твердо идущем по пути социалистического развития, дубленки и джинсы были в большом дефиците, и поэтому в немалой цене.

Сидя на башне своего командирского БМД Васильев пока еще не чувствовал угрозы, хотя отметины войны в виде обожженных «скелетов» автомобилей и другой боевой техники у дороги попадались нередко. Навстречу нескончаемым потоком двигались афганские машины, получившие название в солдатском лексиконе «бурубухайки». Высокие борта, невиданных раньше грузовиков европейских, японских и еще, бог весть каких стран и каких годов выпуска, были разрисованы словно для карнавала. В центре рисунков на тему, должно быть, «тысячи и одной ночи» нередко красовался большой глаз.

Легковые тойоты с кузовами, набитыми пассажирами, как селедкой, или пирамидами дров, ловко маневрировали между грузовиками и советской бронетехникой без малейшего намека на соблюдение правил дорожного движения. Отвечая взаимностью, наши механики пугали их наездом и материли с характерным выговором республик, краев и областей необъятного Советского Союза.

Привал с ночевкой сделали в Пули Хумри. В долине возле этого города находилось, казалось, несметное количество воинских частей, здесь же делали остановки колонны, идущие из Союза и в Союз.

Слава об этой долине «ходила» недобрая. Легенду о гибели здесь экспедиционного английского корпуса в 19-м столетии

пересказывали в разных интерпретациях. Поэтическое название «Долина смерти» прочно закрепилось за ней.

Ужинали разогретым сухим пайком. С удивлением Васильев узнал, что бригада снабжалась общеармейским «сухпаем», а не десантным, как его родной ДШБ в Конотопе. А потому ни о какой ветчине и шоколаде мечтать не приходилось.

– Я и говорю, пехота, – сердито пробурчал Михалыч, руководя разогревом банок с кашей на костре.

Предварительно он проделал в них дырки, чтобы не взорвались, своим штык-ножом от СВТ. Этот штык-нож был длинный и сталь его прочнее, чем у штык-ножа от АКСа. Периодически Михалыч упражнялся в метании его в деревянную дверь своей каютки.

– Я тут бывал, у знакомых девочек в госпитале, – продолжил он уже мечтательно. – Классно, с водкой и спиртом – никаких проблем, но место гиблое. Не дай бог, тут служить; люди мрут, тьфу, болеют, как мухи.

– От воды что ли? – спросил ротный, подошедший к «столу».

– А хрен его знает, командор... Ветер тут дует часто и пыльные бури бывают такие, что не продохнешь.

– Не волнуйся, Михалыч, говорят, что в Бараках много зелени и чистый горный воздух. Будешь, как в военном санатории, – командир роты похлопал его по плечу.

– В инфекционном отделении мне рассказывали, что бойцы специально пьют мочу «желтушников» чтобы заболеть.

– Приятного аппетита, Михалыч! – командир 3-го взвода Миша Гусев поперхнулся, наминая за обе щеки горячую гороховую кашу.

Не реагируя на интеллигентное замечание, Михалыч продолжал свои рассуждения на медицинскую тему.

– Самый верный способ проверить, подхватил ли ты желтуху, накапать йода в мочу; если позеленеет, можешь смело отправляться в госпиталь. И затем, специальным «лимонным» рейсом в Союз. Лафа!

После ужина Васильев пошел навестить Комаря. Тот в кабине своего ГАЗ-66-го писал письмо «Зизи». Васильев сел на место водителя. В кабине звучала музыка. Старый «панасоник» был закреплен на задней стенке кабины и соединен проводами с аккумулятором.

– Слушай, Комарь, что-то у меня с мочой не так, – наслушавшись баек Михалыча, Васильев распереживался несколько.

– В смысле?

– Да бурый какой-то цвет. Это не желтуха, часом. Только этого мне не хватало.

– А глаза желтые?

– А я знаю? У тебя зеркало есть?

– Смотри в боковое.

– Ни фига здесь не видно. Михалыч рассказал, как можно провериться.

– Ну и как?

– Надо йод.

– Павлов! – Комарь громко позвал своего «водителю». Тот с банкой каши в руках появился из темноты.

– Ты сегодня наешься? Давай сюда санитаря с сумкой.

– А не тошнит? – он снова обратился к Васильеву.

– Да вроде нет.

– Товарищ старший лейтенант...

– Слышь, Склихосовский, у тебя йод есть? – перебил он подошедшего заспанного санитаря.

– Кажется, есть, зеленка точно есть.

– На пузе крест себе нарисуй своей зеленкой.

Санитар стал рыться в сумке.

- Есть, – радостно произнес он, протягивая пузырек комбату.
- Не мне, лейтенанту.
- Павлов, найди банку какую-нибудь почище.
- Какую?
- Золотую, бля, и фары включи.
- Трехлитровая подойдет?
- Тебе хватит? – Комарь участливо и с усмешкой спросил Васильева, а потом обратился к стоящему в сторонке санитару.
- Щас опыт будешь делать химический вместе с лейтенантом.

Васильев вернулся чрез несколько минут и снова забрался на место водителя.

- Ну, шо?
- Да, вроде, не позеленела... – Облегченно вздохнул Васильев.

– Не подфартило, значит? А ты полтинник кидал в кружку, когда воду пил?

- А как же, и три раза плевал через левое плечо.
- У меня такое бывало в Конотопе, когда дня три всухомятку и самогон плохой.

- Шо ж ты раньше не сказал, такой умный?
 - Может дезинфекцию организма провести твоей горилкой?
- Васильев на радостях уже готов был открыть НЗ.

– Ладно, дойдем до Бараков, там отметим, – великодушно заключил Комарь. – Пойдем спать, у меня в кузове матрасы.

Провинция Логар встретила прибывших почти мертвой зоной вдоль шоссе с разрушенными ближними дувалами и большим количеством сгоревшей боевой техники на обочине. Дорожное полотно было искажено почерневшими воронками разной величины.

Многим казалось, что батальон пришел в места, где недавно отгремели бои и теперь начнется налаживание мирной жизни.

Для «расквартирования» десантников была отведена территория полуразрушенного сельскохозяйственного техникума с каменными зданиями, что вызвало необычайный подъем энтузиазма у личного состава. Это не палатки в чистом поле.

Городок располагался в нескольких километрах от административного центра Бараки, где находились органы местной и партийной власти.

Правая граница, теперь уже «гарнизона», упиралась в невысокую гору, переходящую в горную грядку. Она окаймляла расположение батальона в тылу. Довольно широкое плато с арыком отделяло батальон от гряды. За этой цепью гор находились кишлаки соседней провинции.

Перед батальоном за шоссе простиралась долина, через которую протекала река. Тесня друг друга глиняными стенами, до самого подножья заснеженных гор на горизонте лежали полуразрушенные кишлаки. Летом они прятали свои раны в зелени деревьев и густого кустарника, превращаясь в опасную зеленую зону. Зимой же становились беззащитными и уязвимыми.

Люди переместились в глубину долины, но продолжали ухаживать за полями, перерезанными сетью арыков.

Главная задача батальона – обеспечение прохождения колонн, идущих из Кабула на Гардез и далее на Газни на участке трассы протяженностью почти сорок километров. Около двадцати километров проходили через «зеленку».

Стоял декабрь, близился Новый год. Дни проходили в обустройстве городка и расположений подразделений.

Пока взводные занимались размещением по «кубрикам» личного состава, Михалыч шумно руководил расстановкой мебели в комнате офицеров 9-й роты. При этом он успел разругаться с техником роты прапорщиком Шурой Петренко по поводу того, как правильно надо ставить койки. В конце-концов, как старший по званию, он послал Шуру в парк боевых машин, а в наказание за неуважение к ветеранам спецназа, поставил 7-ю койку для Шуры вторым ярусом ближе ко входу.

Бойцы в «кубриках» тоже старались создавать уют. Перед побелкой стен в известковый раствор они вылили все замполитовские запасы гуаши для улучшения цветовой гамы, благо, что тот был в отпуске.

Товарищи офицеры по-братски поделили спальные места. Атрибут казарменного уюта – прикроватную тумбочку каждый использовал и обустроивал в меру своих эстетических потребностей. Васильев положил на нее два тома «Войны и мира», взятые из родительской домашней библиотеки. Володя Остяков решил соорудить светильник с пластмассовым абажуром, сделанным из корпуса итальянской противотранспортной мины. Только подключать его пока было некуда. «Электрификация всей страны» – только в планах. Михалыч, поскольку его койка оказалась у стены, украсил ее молитвенным афган-

ским ковриком и прикрепил на нем фотографии жены, детей и многочисленных ташкентских родственников и родственников. Обиженный Шура заявил, что построит в парке себе из глины техническую каптерку, и Михалыч «хрен» туда войдет.

Утешил его командир минометного взвода Серега Коряков, вернувшийся от комбата в радостном возбуждении.

– Шура, с тебя сто грамм и пончик, занимай мое место, я – на «Горку».

– Надолго?

– До замены.

Из дальнейших разъяснений стало ясно, что его взвод с гаубичным расчетом артиллерийской батареи назначен в боевое охранение на горку.

– Прикиньте, я там буду сам себе начальником.

– Почти, как губернатор острова Борнео, и на сопровождение ходить не надо, – завистливо заметил Шура.

– Можно там приусадебное хозяйство завести – баранчика, козу, – самым серьезным тоном сказал Михалыч.

– Будете ко мне в гости приходить на «пульку». Ладно, надо собираться.

По вечерам Васильев засиживался у Комаря. Он обустроился в маленькой отдельной комнате, служившей одновременно канцелярией и жильем. Стены ее были увешаны очаровательными японками из календаря, что придавало помещению особый уют. В батарее нашлась гитара, так что вечерами он музицировал под настроение, периодически прерываясь для «воспитания» личного состава. Интересно, что по штату в каждой роте был замполит, а в минометной батарее эта должность отсутствовала. Такая несправедливость со стороны Главпура СА и ВМФ несколько не огорчала Комаря. Оформление наглядной агитации и выпуск «Боевых листков» он поручил своему писарю. Таким образом, вопрос политической подготовки личного состава был закрыт.

Что касается поддержания высокой степени боеготовности офицерского состава батареи, то на последнем вечернем совещании он предложил сделать самогонный аппарат. Потому как от бражки, которую наловчился ставить в последнее время старшина, сильно пучило, а «кишмишовкой» из дуканов, не ровен час, можно отравиться. Замполит батальона доводил подобного рода информацию неоднократно.

Предложение комбата товарищи офицеры и прапорщик поддержали с энтузиазмом. «Конструкторские» работы начались в тот же вечер.

Буквально через несколько дней после прибытия батальон приступил к выполнению поставленных боевых задач. Роты выходили на встречу и сопровождение колонн по очереди.

Выдвигались к базе Царандоя (афганской полиции) в двадцати пяти километрах от расположения и «принимали» ее от мотострелков из Кабула. Название населенного пункта Мухаммед-Ага, где в глиняных халупах и окопах ютились «доблестные» стражи порядка, получило ласковое название «Мухамедка». С него начиналась зеленая зона, тянущаяся вдоль шоссе до Бараков.

После батальонной «Горки» местность переходила в холмистую полупустыню до самого перевала перед Гардезом. Эта часть маршрута уже не представляла той угрозы, какую таила в себе «зеленка».

27 декабря на сопровождение «Ниточки» вышла 9-я рота с гранатометным взводом и взводом связи от управления.

В тот день колонна задерживалась, и к «Мухамедке» подошла только ближе к вечеру.

Взвод Васильева должен был идти в замыкании. БМДешки стояли на обочине, развернутые в сторону «зеленки». Дождавшись прохода колонны, последним в ней шел танк, Васильев дал команду своей «бронь» разворачиваться и двигаться вперед.

Взрыв под гусеницами впереди идущего танка с большим облаком черного дыма грянул, как гром среди ясного неба.

За секунду Васильев по-курсантски нырнул в башню своей БМД. Механик – умничка, резко остановившись, уже разворачивал машину в сторону «зеленки».

– Почему подрыв? Что это? Гранатомет? Мина? – мысли путались. Ведь по этому месту только что прошло добрых два десятка машин и «броня». Впереди виден пост Царандоя, до него всего каких-то четыреста метров.

Прижимая ларингофоны к горлу, Васильев проорал «Синусу» позывной командира роты о подрыве танка, а затем – своим машинам: «Огонь!!!» по зеленке.

И с каким-то азартом сделал выстрел из пушки в «никуда». После этого стал «поливать» из пулемета все пространство, видимое в прицел. Из какого-то военного фильма в памяти всплыла фраза: «Привет от тети Моти».

Танкисты в это время, выскочив из танка, слава Богу, живые и невредимые, уже меняли траки. Благо, обстрела из зеленки не было.

Через какие-то минуты Васильев услышал в эфире душевраздирающий крик о подрыве на фугасе БМДэшки 1-го взвода, идущей в «голове» колонны.

– Колонна стала, идет обстрел, подожжены наливник и несколько грузовиков. Есть убитые и раненые, – докладывал «Синус» старшему сопровождения ЗНШ Петракову.

Подрыв на противотанковой мине или фугасе небольшой по весу боевой машины десанта с легкой броней из алюминиевых сплавов имел всегда фатальные последствия для экипажа. Иногда машину при взрыве подбрасывало на несколько метров над землей. Шансов для тех, кто был внутри нее, практически не оставалось. Тем, кто сидел снаружи на броне, могло «повезти».

Обстрел колонны продолжался около часа. Стало быстро темнеть. По согласованию с бригадой было принято решение, выведя «Ниточку» из-под огня, стать на ночлег у Царандоя, а утром, при поддержке батальона, продолжить движение.

После получения команды от ротного БМДешки взвода Васильева выдвинулись к афганскому посту. Там десятка два афганских полицейских с многочисленным начальством глазели на шурави, пытаясь хоть чем-то быть им полезными, хотя толку от них не было никакого.

Подъезжающие грузовики из колонны с зажженными фарами поднимали вокруг огромные клубы пыли и хаотично заплывали всю прилегающую к посту местность.

На ровной площадке за строениями этого горе-гарнизона уже приземлились две кабульские «вертушки» с врачами. Тяжелораненых сносили в штабную комнату, превратившуюся в операционную. У входа лежали убитые, накрытые, чем попало.

Васильев, дав команду своим бойцам ждать его, пошел разыскивать ротного, чтобы решить, куда ставить броню. Возле одного из дувалов он увидел замкомвзвода 1-го взвода. Тот стоял с потемневшим лицом и мутными глазами. Его бушлат и руки были испачканы кровью.

– Там Таджикибаев, он был на 392-й, – сержант кивнул в сторону операционной. – Командир взвода отправил меня с ним. Когда мы его сюда несли, он еще дышал, я вколол ему промидол.

– А где Остяков? – спросил Васильев.

– Они с командиром роты у подорванной машины еще «машутся» там с духами. Колонна сдавала задним ходом, один Урал попытался развернуться на обочине и подорвался.

Васильев слушал замкомвзвода, а перед глазами – улыбающееся лицо Таджикибаева.

Первые дни в Бараках приходилось часто общаться с местными властями. Младший сержант Таджикибаев был по

национальности таджиком, поэтому его всегда брали с собой в качестве переводчика. С каким-бы вопросом к нему не обращались, он всегда улыбался прежде, чем ответить...

Через несколько часов Таджикибаев умер.

Всех убитых и раненых вертушками отправили в Кабул.

Поздно вечером после «разбора полетов» у ЗНШ офицеры роты собрались вместе у командирской машины. На расстеленном брезенте механик разложил сухпай в банках и раздобытые у афганцев лепешки. Сам, сидя на корточках, кипятил чай на маленьком костерке в закопченном котелке.

– Ну, вот и отметили духи годовщину ввода, а заодно и нас поздравили с прибытием, – сказал ротный, присев на брезент.

– Это ж все рядом с Царандоем, – недоуменно заметил Васильев.

– Они же, наверное, и помогали фугасы устанавливать, – злоотреагировал Володя Остяков.

– Помнишь, что товарищ Сухов говорил? Так что привыкайте к помощи афганских товарищей, мы это в Кундузе уже проходили, – устало сказал ротный и продолжил:

– Колонну вытягиваем в 7 утра. Идем в том же порядке. Володя, – он обратился к Остякову, – ты – во второй машине, с тобой пойдет одна «коробочка» гранатометчиков. Орудия елочкой и, как только подойдешь к месту подрыва 392-й, «Огонь!» без дополнительной команды. ЗНШ доложишь, что замечено подозрительное передвижение.

– Понял, командор.

– Остальные – также: с места подрыва и до встречи с перовой заставой батальона – «Огонь!». Б/к не жалеть, пополняют. Пехоте с брони херачить по всему, что шевелится. Механикам держать дистанцию и на обочину не вылазить... Все! Ешьте, и – к взводам. Я схожу к гранатометчикам...

Утром, подойдя к месту подрыва, «броня» открыла шквальный огонь. Смертоносная «ниточка», оставив позади еще тлеющие остовы 392-й БМДэшки и грузовиков, шла почти у самых Бараксов, поливая дождем свинца и стали все, что было на ее пути: и живое, и неживое.

Около дувалов, в глубине от дороги Васильев увидел в прицел падающий силуэт. Он не испытал жалости – перед его глазами был улыбающийся Таджибаев. В мыслях пронеслось: «За Таджибаева...».

Новый год праздновали при свечах, точнее керосинках. Электричество от слабого генератора было пока только в штабе, его включали вечером. Там же находился и единственный в батальоне телевизор. Главным его настройщиком был Женя Сиваков. Ему, как начальнику связи батальона, была выделена отдельная, довольно просторная комната с тыльной стороны штаба. В желающих попасть в гости на «голубой огонек» не было отбоя, но больше всех надоедал замполит, требуя ежедневного просмотра программы «Время». Женя частенько умело отшивал его, «вырубая» слабый сигнал, когда у него собиралась дружная компания для преферанса.

С целью просмотра поздравления Советского народа, по случаю наступающего нового 1982 года телевизор перенесли в комнату дежурного по батальону и выставили на подоконнике.

Под бой курантов на «горке» заухали минометы. Через несколько секунд после сухих минометных залпов громыхнула 122 мм гаубица. Яркая вспышка разрыва сверкнула в глубине долины на фоне гор, вырвав из ночной мглы остроконечные, словно неровный частокол, вершины.

Громовой раскат от разрыва, запаздывая на считанные секунды, медленно нарастал, возвращаясь от подножья гор в долину.

Из штаба батальона, уже навеселе, выходили офицеры управления, громко разговаривая, и закуривая на ходу.

Комбат, стоя на крыльце в расстегнутом на первые две пуговицы п/ш с орденом Красной Звезды на груди (орден на п/ш носил только он), распекал прибежавшего по его вызову дежурного по штабу, требуя связи с «горкой».

– «Горка» не отвечает, товарищ гвардии майор, – виновато повторял сержант.

– Вызывай еще, или сам сейчас побежишь туда, – отрезал комбат.

Прогремел еще один выстрел гаубицы. В офицерском «кружке» раздался дружный смех. Длинная очередь трассеров разорвала огненными пунктирами ночное небо. Замполит, держа автомат за рукоятку стволом вниз, отделившись от остальных, улыбаясь, поднялся на крыльцо.

– С Новым годом, Иваныч! Он попытался обнять комбата, но оступился и, не удержав равновесия, упал, выронив автомат.

– Уймись, комиссар.

Комбат отвернулся, глядя, как личный состав, толкаясь и шумя, выскакивал на улицу из расположений. Офицеры рот группами подходили к штабу.

Замполит поднялся, отдал автомат подошедшему дневальному по штабу и нетвердой походкой направился в солдатские массы, проводить воспитательную работу.

– Товарищ гвардии майор! – дежурный по штабу, высунув голову в окно, прокричал:

– «Горка» говорит, что стреляли по мигающим в долине огонькам.

Этот способ сигнализации часто применялся «духами» для оповещения о выходе и перемещении групп из расположения батальона ночью. Но сейчас это был просто «дежурный» ответ.

– Я им сейчас такие огоньки устрою, тошно будет. Передай Корякову, пусть там х...ней не занимается.

– Понял, товарищ гвардии майор, передам! – почти радостно прокричал дежурный.

В это время в небе завывла пущенная кем-то ракета СХТ. С разных уголков территории батальона стали взлетать одиночные сигнальные ракеты красного и зеленого огня.

– Вот стервецы, празднуют бл.., – с ухмылкой сказал комбат стоявшему рядом «ответственному» от штаба бригады подполковнику.

– А ваши духи неслабо отметили 27 декабря, – ответил тот, присаживаясь на ступеньки.

– Да, отгребли мы по полной. Я комбригу сказал, что не хер из Кабула в такие дни колонны выпускать, да еще на ночь глядя.

– Ларионов, ты здесь? – комбат зычно крикнул в темноту.

– Так точно, здесь, – командир артбатарей вышел на свет и поднял правую руку вверх, чтобы комбат его увидел.

– Щас и мы их поздравим, Анатолий Сергеевич, обратился он к сидящему подполковнику.

– Ларионов, у тебя координаты целей, которые дали агентурщики, далеко?

В батальоне автономно работала группа из трех грушников и иногда они делились полученной информацией с комбатом.

– На КП, все путем, – так же громко ответил командир артбатарей.

– Вопросы есть?

– Все понял, уже бегу.

– А пойдем еще по маленькой, Анатолий Сергеевич, за укрепление воинской дисциплины в новом году.

Подполковник, кряхтя, как бы нехотя, поднялся и они с комбатом вошли в помещение штаба.

Через несколько минут дежурные орудия открыли беглый огонь по долине. Одновременно со всех сторон в небо с шипением и воем снова взлетели осветительные и сигнальные

ракеты, на горке началась беспорядочная стрельба. На мгновения становилось светло, как днем. Особенно торжественно в эти секунды шелестели развевающиеся на ветру пятнадцать флагов советских республик, которые устанавливали под чутким руководством замполита вдоль центральной аллеи по праздникам и к приезду начальства, тем самым, сигнализируя товарищам душманам о важности происходящих в батальоне событий.

После каждого залпа бойцы у казарм оглашали пространство громогласным «Ура».

Вслед за артбатареей заухали с позиций 120 мм минометы. Это уже инициативно заработала минометная батарея под пьяным, но твердым командованием Комаря.

– А почему молчат геройские «Катюши»? – Вопрос старшему «реактивщиков» последовал немедленно, как только лейтенант подошел к кутившим офицерам.

Две установки «Град» недавно были приданы батальону для усиления огневой мощи и находились вблизи артиллерийских позиций.

– Ребята, я не могу без разрешения комбата, словно оправдываясь, сказал тот.

– Коля, под лежачего капитана коньяк не течет. Нам доски нужны на парилку.

Снарядные ящики высоко ценились, из-за дефицита строительных материалов. Их разбивали на доски и использовали для отделки помещений, в первую очередь, конечно, штаба. Ящики же из-под реактивных снарядов для града были самые длинные. А сейчас все с нетерпением ждали окончания постройки батальонной бани.

– Коля, дуй к комбату, он в хорошем настроении, – лейтенант понимающе кивнул и решительно зашагал в штаб.

Через несколько минут уханье орудий и минометов, крики «ура» утонули в шипящем огненном шампанском – залпах «Града».

Смертоносные поздравления с ревом и воем летели в спящие кишлаки.

На занятия по метанию гранат командир 9-й роты прибыл *медленным* аллюром на белом коне.

Эта худая лошадь забрела на территорию батальона неизвестно откуда. Её стали подкармливать, она обвыклась и свободно гуляла, получая свои порции корма и ласк от шурави. С ней любили фотографироваться и бойцы и офицеры. Со временем, когда она окрепла, и бока её округлились, на ней стали совершать короткие конные прогулки те, кто мог держаться верхом на лошади без седла.

Тренировку по метанию наступательных гранат РГД-5 проводили взводные около разрушенной мечети недалеко от городка.

Спрыгнув с лошади, ротный отдал поводья своему «ординарцу», чтобы тот отвёл её в батальон. Был объявлен «перекур» и офицеры роты с удовольствием слушали героические байки Михалыча.

Он рассказывал о своей роли в подготовке материала журналистами «Известий». Несколько дней назад они посетили батальон и общались с отличниками боевой и политической подготовки и гвардейскими офицерами.

Их фотокору очень понравился вид с разрушенной мечетью, где они сейчас находились. Он сделал много снимков с разных сторон, но был удовлетворён только отчасти. Руины мечети

впечатляли, но не хватало свидетельств зверств душманов, непонятно зачем разрушивших её.

– Не хватает убитых мирных жителей, это был бы «полный абзац», – грустно заметил он.

Михалыч с чаем и сухпаем был в группе обеспечения работы москвичей.

– Рахмона надо позвать, его не отличить от самого мирного афганца – вылитый душман, – глубокомысленно заметил он на жалобу товарища фотокока.

Рахмон выполнял обязанности переводчика в группе «агентурщиков». Он отпустил длинную бороду и одевался, как афганец.

Михалыч называл его земляком, поскольку служил в Таджикистане, откуда тот был родом.

Замполит батальона, опекавший журналистов по долгу службы, тут же оценил идею и сам пошёл в штаб договариваться с непосредственным начальником будущего «убитого мирного афганца».

Когда все было готово к съемке, и Рахмон, раскинув руки, артистично улёгся на пыльную землю для фотографирования, Михалыч неудовлетворенно покачал головой.

– Крови нет. Надо взять на продскладе томатную пасту и обмазать ею убитого.

Фотококор живо поддержал и это предложение. Рахмон стал слабо сопротивляться.

– Михалыч, халат испачкаешь да..., сам стирать будишь.

Но Михалыч в творческом азарте был неумолим:

– Я дам бойца, он постирает в арыке.

После того, как со склада принесли томатную пасту, он, не жалея, вывалил полбанки на грудь Рахмона и начал мазать ему лицо и бороду. Тот чертыхался и плевался.

– Покажешь фотографию в газете родственникам, они тобой гордиться будут, меня ещё поблаговаришь.

В результате все остались довольны, кроме завсклада.

Приезд ротного перебил мемуары Михалыча.

Бойцы уже построились и по его громогласной команде старшины двинулись к расположению части.

– Ну как, побросали?

За всех ответил Михалыч:

– А, салаги...

О том, что следует потренироваться в обращении с гранатами, стало понятно после последнего выхода на сопровождение.

В ожидании колонны решили немного прочесть «зеленку». Возле полуразрушенного дувала командир 1-го взвода дал команду метнуть вовнутрь «ргдешку». Боец долго соображал, что с ней делать, и метнул её трясущейся рукой только после дополнительного матерного целеуказания.

– Нормально, командор, немного потренировались, некоторые вообще первый раз её бросали, а прибыли из учебки.., – спокойно заметил командир 3-го взвода Миша Гусев.

– Пехота недоделанная – не унимался Михалыч, слегка подбрасывая гранату, словно мячик.

– Я вам сейчас покажу, как бросают гранаты спецназовцы.

После этого самонадеянного заявления Михалыч вернулся лицом к условному противнику, в долю секунды эффектным жестом вырвал чеку и подбросил РГДэшку невысоко вверх. Открытую ладонь он оставил протянутой к небу с благородным намерением поймать подброшенную гранату. Однако та пролетела мимо ладони ветерана спецназа и шлепнулась на землю.

В следующие доли секунды действия присутствующих отличались, в зависимости от реакции организма, боевого опыта и срока службы в Афганистане. Первым, естественно,

среагировал ротный. В мгновение ока он перелетел невысокий глиняный забор, окаймлявший развалины дувала, куда перед этим бойцы метали гранаты, и понёсся в глубину афганского жилища.

Действия старого спецназовца после неудачной попытки ловли гранаты в воздухе теперь отличались чёткостью и слаженностью. Михалыч схватил упавшую РГДэшку и без замаха метнул её в сторону дувала.

Поскольку действия обоих были почти одновременными, направление полёта гранаты совпало с направлением спринтерского бега командира роты.

И только трое взводных стояли, как заворожённые, хлопали глазами, и с ужасом ждали развязки разыгравшейся мизансцены.

Далее, как и положено, последовал лёгкий хлопок в воздухе, – это отделился рычаг гранаты, и негромкий, но пыльный взрыв.

Только теперь взводные машинально пригнулись и опустили вниз головы, как учили в училище, в готовности рвануться в атаку после разрыва.

Последующие секунды зловещей тишины прервались ревом Серёжи Николаева:

– Михалыч! е...твою...! ...убью!

Подняв головы, командиры взводов увидели в облаках оседающей пыли бегущего уже в обратном направлении командира роты. Он ускоренно передвигался враскорячку и орал благим матом, звучавшим, как гимн жизни. Его зимний танковый комбез между ногами был разорван и основательно посечён осколками.

– Живой... – мелькнула у каждого радостная мысль...

Потом бросились на встречу бегущему, не зная толком, что делать: обнимать, успокаивать? Подхватив на руки, уложили раненого на землю...

– Михалыч, долбаный ты спецназовец, бегом в батальон. Давай пока с носилками, – Миша Гусев первым из взводных, постепенно приходящих в себя, оценил обстановку и отдал четкое распоряжение.

– Командир, не переживай, всё будет хорошо, – Михалыч с побелевшим лицом присел возле ротного и, порывшись в карманах, достал пачку сигарет.

– Ты закури...

– Ребята, я бегу.

– Давай, и мухой – в штаб, пусть вертушку вызывают, – голос ротного звучал спокойнее.

Серёжа приподнялся и посмотрел на разодранные штаны, на них из-под пыли проступили бурые пятна, боли он не чувствовал.

Затянувшись подоженной сигаретой, он начал говорить обрывочными фразами.

– Бегу, и вижу: передо мной падает граната, бля..., думаю, сейчас я её перепрыгну.. Хорошо, что комбез надел...

Все взводные были на занятиях в бушлатах и брюках «пш».

– Так, Миша, остаёшься за меня.

– Есть, – кивнул командир 3-го взвода.

– Что докладываем комбату?

– Всё, как было, а на бригаду то, что во время занятий боец уронил гранату в результате неосторожного обращения, ну, а я его оттолкнул...

– И пусть замполит катает на меня наградной, на Звездочку. По ранению да ещё, спасая солдата, никуда они теперь, на хер, не денутся...

Из батальона уже бежали бойцы с носилками, подгоняемые Михалычем, за ними трусил батальонный док, поправляя на ходу свои круглые очки.

– Командирчик, вертушки скоро будут, – улыбаясь, прокричал издалека Михалыч.

– Михалыч, если с моим мужским достоинством что-то будет не так, я тебя застрелю из твоего же маузера.

– Не бойсь, командир, в Кабуле классные лекаря в госпитале. А какие сестрички! Они тебе всё залечат... и проверят, может, с металлом он будет даже лучше действовать.

– Я переведусь в Кабульскую роту спецназа, приедешь ко мне в гости, и я тебе маузер подарю, – Михалыч не удержался, чтобы не съехать на свою любимую пластинку.

Провожать командира девятки к прилетевшим вертушкам вышли почти все офицеры батальона. Док обработал раны, вколол ему промидол и доложил комбату, что всё, слава Богу, обошлось. Могло быть и хуже.

Комбат шел рядом с носилками до самой вертушки.

– Не переживай, Серега, я сегодня подпишу на тебя наградной и проконтролирую его прохождение в бригаде, он пожал руку ротному.

– Спасибо, товарищ майор, а то уже и замена скоро, а я без ордена и с раненым членом.

Обед в батальонной офицерской столовой почти закончился, но многие отобедавшие оставались на своих местах.

Одни, условно сытые, громко грызли сухарики, запивая их коричневым компотом из сухофруктов. Сухарики, белые и черные, в виде кубиков, сделанные поварами по приказу комхоззвода из пресного и кисловатого хлеба, который привозили из бригады, считались чем-то вроде десерта. Другие дымили у входа, наблюдая за разгрузкой продовольствия из двух запылённых ЗИЛов. Лобовые стёкла одного из них были пробиты пулями, борт второго был изрешечён в нескольких местах.

Главная новость, вызвавшая послеобеденное живое обсуждение – неожиданный обстрел машины хоззвода за перевалом на дороге из Гардеза в Бараки.

Этот участок без «зелёнки», подходящей к шоссе, всегда считался безопасным. Кишлаки в долине были мирными и неразрушенными.

Во время прохождения наших колонн местные жители не прекращали своих повседневных дел и спокойно работали в поле – безошибочный признак отсутствия угрозы нападения.

Бойцы, восседающие на броне, чувствовали себя вальяжно. Во время остановок они с интересом наблюдали за размеренной жизнью кишлаков, летом совершали набеги на шелковицу у дороги. Иногда, с разрешения взводных, небольшими

группами заходили в маленькие «дуканчики», чтобы купить какую-нибудь мелочовку.

Особое любопытство лихих десантников всегда вызывал старик, сидевший в небольшой нише склона. Возле него на земле обычно лежал кусок лепёшки, и стояла грязная кружка. И в жару, и в холод в истрепанном халате и галошах на босу ногу он смотрел куда-то вдаль, и лишь иногда улыбался. На проезжающих и шумно останавливающихся «шурави» он не обращал никакого внимания.

Тот факт, что обстреляли машины в районе перевала, казался непонятным и даже странным. Это вызывало различные оценки и споры среди офицеров, обедающих в столовой и курящих у входа. В конце концов, все сошлись на том, что в район могла прийти новая банда, или духи «потеряли нюх», и надо их за это наказать.

Старший колонны, лейтенант Зыкин, командир взвода 7-й роты, сопровождавший хозвзвод на БТРе, на обед не пришел. Поэтому в центре внимания оказался прапорщик Пряхин, старшина миномётной батареи, находившийся в первой машине.

Он совсем недавно прибыл по замене, окончив школу прапорщиков в Союзе. Ни в одной операции побывать ещё не успел и во время застолий с открытым ртом слушал боевые небылицы своего брата-прапора, а также рассказы товарищей офицеров. Приняв изрядно на грудь, он уверял всех, что в бою не подведёт и ещё себя покажет.

Зайдя в столовую с большим кульком карамели, в каких она обычно продавалась в дуканах, он стал угощать присутствующих, охотно отвечая на вопросы.

Комарь, хрустя карамелью, тут же, не упуская случая, стал подтрунивать над артиллеристами:

– Вот, мой старшинка, не успел приехать, а уже отличился. Скажем прямо, героически вывел из-под обстрела машину

с бесценным грузом тушёнки и кислой капусты и спас батальон от голодной смерти.

– Глядишь, и «за б/з» получит. А вы своего за постройку баню не представляете?

Капитан Ларионов, сам любивший юморить и, как все артиллеристы, смотревший свысока на миномётчиков, охотно включился в выяснение отношений:

– Так! Миномётчиков в баню не пускать! Они ребята боевые, им это ни к чему. Пусть в арыке моются.

Артиллеристы первыми в батальоне со всей основательностью построили возле своих позиций баню с парилкой и теперь приглашали в гости друзей батареи в банные дни или после возвращения с операций и сопровождений.

Но минометчик и не думал отступать:

– Старшинка, ты не очень-то артиллеристов карамелью угощай, обедаются, а свой отдельный туалет ещё не достроили... Придется потом отпаивать верблюжьей колючкой.

Словесную дуэль прервал своим приходом ЗНШ батальона капитан Петраков, задержавшийся у комбата после доклада о засаде.

Комарь подсел за стол к ЗНШ и положил перед ним кулек:

– Сергей Сергеевич, миномётная батарея сегодня угощает карамелью на десерт. Угощайтесь, пока артиллеристы всю не съели.

– С удовольствием! Там комбат с замполитом идут, надо им оставить.

– А как же, «кам-кам» (чуть-чуть) оставим. Ну, что там решили на совещании по поводу нападения?

Не дав Петракову ответить, Комаров продолжал:

– Надо духов наказать за такую наглость.

ЗНШ не отреагировал на этот воинственный призыв, а только скривился, глянув на тарелку борща, а потом на стоящего

перед ним с виноватым видом бойца, выполняющего роль официанта, в не по размеру поварской курточке, когда-то белого цвета.

Вздохнув, он начал медленно есть и, наконец, оставив с отвращением тарелку с недоеденным борщом, продолжил:

– Комбат попросил агентурщиков узнать что-то по их каналам. Что же, теперь усиленный взвод посылать для охраны одной машины с консервами? Хорошо, что прорвались, а то бы под раздачу попали все, в первую очередь, комбат.

Комаров тут же оживился:

– Вот и я говорю, за героическое отражение нападения превосходящих сил бандформирования и прорыв без потерь под огнём противника и т.д. представить группу товарищей к медали «за б/з». А ещё пусть агентурщики узнают, почему дуканщики не выполняют приказ Гульбединна и не продают «кишмишовку» по сниженным ценам, дабы сподобить русских офицеров.

Это, забавное для советского человека, письменное распоряжение одного из лидеров моджахедов попало в руки представителей ГРУ, и над ним часто потешались за столом.

Петраков хмыкнул и недобро посмотрел на ждавшего команды бойца:

– Кому спим?... Давай второе!

После этого он взял несколько карамелек и начал рассматривать яркие обертки с надписями арабской вязью.

– «За б/з...» – Люди по году машутся и ничего получить не могут... Ладно, надо подумать...

– Понял, не дурак, – Комаров хитро улыбнулся.

– Старшинка, ставь вечером бражку, чтоб чернила не просохли, когда наградной писать будем.

Пряхин, не ожидавший такого разворота событий, только кивнул, явно смущённый услышанным.

* * *

Когда Петраков зашёл в комнату к Комарову, тот сидел на корточках перед тумбочкой, что-то бормоча, вынимал содержимое и выбрасывал в мусорный бак, уже наполовину заполненный кулками с карамелью.

Петраков, ухмыльнувшись, сел на кровать:

– Ну, что, Серёга, может быть, перепишем наградной? Глядишь «старшинка» «За отвагу» получит? Опять же, спасибо комбату, что не отправили представление тогда. Вот было бы весело...

Появление в батальоне следователей кабульской прокуратуры через две недели после «нападения» на перевале и отправка Зыкина и Пряхина в наручники вертушкой в Кабул стало для всех чем-то вроде горячего душа в сорокаградусную жару.

Комарь себя чувствовал полным идиотом, когда комбат на совещании довёл, что Пряхин и Зыкин арестованы за убийство дуканщика, после чего они имитировали обстрел машины.

– Сука он, я б его сам порешил после этого. Меня тошнит от одного вида этой карамели. Даже на бражку отдавать не хочу. «Салам братишка!

Вот решил черкануть тебе пару строк, т.к. по телефону всего не наговоришь. Ты знаешь, мне ещё не верится, что мы уже не те, молодые, жизнерадостные, здоровые парни. И я никак не могу привыкнуть и смириться с тем, что мне уже за пятьдесят. Но как говорил Л.М. Кравчук: «Маємо те, що маємо!»

Мы тогда, как «начудили» в Альтамуре, даже не думали, чем это всё обернётся. Ты сам знаешь, сколько этих духов перебили. Но мы попали не «в струю». В то время как раз была комиссия из политуправления Сухопутных войск в штабе армии и они про нас «прочухали». Духи ведь пожаловались, т.е. опередили, сыграли на упреждение, дабы избежать ответственности за хранение боеприпасов, что в то время органами

власти в ДРА, частным лицам было запрещено. Судили нас в Ташкенте. Суд был показательным (с привлечением 3-го и 4-го курсов ТВОКУ). Прокурор – гад, запросил Сашке – вышку, мне – 15, а Олегу – 9 лет. А в результате, Сане дали – 15, мне – 9 лет, а Олег получил – 3 года общего режима, а нам усиленного. И поехали мы на зону, т.е., в неведомые, в то время для нас, условия выживания. Хотя я изначально был готов ко всему, даже самому худшему. Отправили нас в лагерь в г. Алмалык, что в 60 км от Ташкента.

Знаешь, когда мы служили, мы понятия не имели, что военный трибунал работал «на потоке», без выходных. Но когда это коснулось лично нас, я просто ужаснулся. Сколько было осуждённых офицеров и прапорщиков – с ума сойти. А солдат – вообще немерянно... Я приведу тебе несколько примеров – сам убедишься.

Игорь Д. – сын знаменитого испытателя, ст. л-нт, разведчик, из 201 дивизии 753 полка – в 1981 году был расстрелян в Ташкентской тюрьме по приговору военного трибунала. Даже ходатайство Терешковой не помогло... Сержанты Николай В. и Карим Ю. из той же дивизии, тоже были расстреляны. С нами сидели зам. командира 201 дивизии из Ханабада, полковник В.Я. и два его начальника служб, оба майора. Далее – начальник отдела 40-й армии – м-р Коля Щ. Начальник отдела 0151 Коля С., п/п-к, племянник знаменитого обозревателя газеты «Правда», зам. коменданта кабульского гарнизона – Володя Н., п/п-к, начальник ВАИ гарнизона, Александр К., к-н...

Я бы мог еще продолжать долго и долго, чтобы ты понял тот масштаб и размах, с которым работали наши «славные» органы военной юстиции, зарабатывая себе на этом звания и ордена. Одна командировка в Кабул из Ташкента, три дня работы в кабинете, вот тебе и «За БЗ». Чего не служить?

В общем, пробыли мы с Сашкой вместе три года, а потом нас разлучили. Как мне стало потом известно, в зоне «скопилось» много «афганцев» и нас, из оперативных соображений, начали раскидывать по всему Союзу. Саня остался в Алмалыке, а меня отправили в Амурскую область. Мы с ним какое-то время переписывались, нелегально (переписка между осуждёнными запрещена), а потом эта ниточка оборвалась. Я узнал, что к нему приезжала Амина и они расписались в зоне. Потом вроде, она родила ему девочку. Я предполагаю, что Сашка сейчас в Кызыл-Арвате или же дома в Воронежской области.

Освободился я в 1989 году. Вышел за ворота зоны – и не знаю, куда идти. На дворе – «перестройка», бардак, неразбериха. Немного поработал в «геологоразведке», потом понял – не моё, и решил поехать до дому. Приехал в Немиров, сразу домой не пошёл, а пошёл к другу (был у меня дружок, командир разведроты полка – Коля С.), царствие ему небесное. Он мне сказал: «Домой не ходи, у неё – новый муж». Я не могу тебе передать то состояние в тот момент, но мне не хотелось жить. Спасибо, друзья помогли. Ну а потом всё стало проясняться, налаживаться. Женился, и по сей день живу со своей второй женой. Ей надо при жизни памятник поставить, что я и делаю, за то, что она меня к жизни вернула. Дети, двое внуков, для которых дед – непререкаемый авторитет. Сейчас для них и живу. На днях уйду на «пенсион», а там видно будет...

А вообще-то у меня была 100% возможность не ехать в Афган. Дядька родной, в то время был комдивом, известной тебе дивизии. Как он не хотел меня туда отпускать... Но куда там, я ведь по жизни «Стрелец», по натуре – воин. И я не мог не поехать. Были четкие планы после Афгана – сдать экстерном в Киевское ВОКУ, а потом заочно продолжить учёбу... Тем более, что у меня служба шла отлично. Конкурсы по тактике выигрывал, и «наша» жизнь мне нравилась. Но, увы, всё пошло

наперекосяк, так что, как в той, ВЕЛИКОЙ войне были белые пятна и черные страницы, так и в нашей «афганской» – эти же пятна и страницы есть. Только об этом никто не подозревает и не знает, кроме тех, кто с этим был связан. Но не буду тебя утомлять. Я всё-таки надеюсь, что мы встретимся. И у нас будет достаточно времени поговорить и вспомнить дорогие сердцу времена...

Ну, пока всё. Буду закругляться. Обнимаю тебя, братан, и жму твою могучую руку крепко-крепко.

С неизменным уважением,
Владимир Б.

P.S. Да, совсем чуть было не забыл. Может быть, ты помнишь? Было такое дело, когда в «соседнем», через две горки и в тридцати километрах от нас, полку, угрохали вроде бы духов, а они оказались активистами НДПА.

Так вот! С нами отбывал срок командир этого полка, п/п-к К., вместе с ним начальник штаба одного из батальонов, командиры саперной и разведрот... Они «снесли в прикуп» 22 афганца, скинули их в кяриз, а командир и ср этот кяриз подорвал. Дали им за это: командиру – 10 лет, командиру и ср – 15, командиру рр – вышку и нш батальона – 7 лет.

Потом, когда «Горбатый» стал президентом, КэП ему написал из ташкентской тюрьмы; месяца через 2–3 пришёл ответ, в результате чего его освободили под чистую, восстановили в кадрах, и отправили на должность зам. командира дивизии в Бухару. Тем хлопцам вышку заменили на небольшие сроки. Правда у «разведчика» крышу сорвало конкретно. Его в «дурку» отправили.

Вот такие дела творились на этом белом свете.

Дописывал уже на другой день, не знаю, интересно тебе или нет?»

– Комарова убили!!! – Истошный крик у края дороги заглушил отдельные короткие автоматные очереди.

Из пустой с открытыми дверями кабины съехавшего на обочину ГАЗ-66-го звучала громкая музыка. Это была любимая кассета Комаря с записями популярного шведского ансамбля «АББА».

Головной БТР «семерки» с пробитыми скатами ковылял, разворачиваясь в долину, откуда духи открыли огонь.

Бойцы несколько минут назад горохом высыпались из кузова 66-го и метались в поиске укрытий. Десант на ходу прыгивал с «брони», хаотично стреляя в сторону духов.

Комарь с водителем, десантировавшись из кабины, под прикрытием стоявшего автомобиля перебежали метров тридцать и залегли за бугром с небольшим каменным нагромождением. Местность с небольшими холмиками и камнями на них напоминала афганское кладбище. На двоих у них был только один АКС.

А начиналось все празднично и торжественно. В штаб 56 одшбр в Гардез сводная группа воинов-десантников 3-го ДШБ во главе с ЗНШ капитаном Сергеем Васильевичем Петраковым выехала, «как на свадьбу». Гвардейцы надели «дембельскую» форму – кителя, береты и тельняшки, а офицеры – повседневную форму при портупее, которая в тех условиях восприни-

малась, как парадная. Цель выезда – участие в торжественном награждении орденами и медалями.

Ритуал награждения много времени не занял. Он уже стал отработанным и привычным.

Личный состав новоиспеченных орденосцев без оружия рассадили по кузовам двух машин – в ЗИЛ хоззвода и комаровский ГАЗ-66-й. Комарь ехал в числе награжденных, получил «Звездочку». Сопровождали колонну два БТРа «семерки» с десантом.

В просторной кабине ЗИЛа «комфортно» разместился широкогабаритный капитан Сергей Васильевич Петраков, тоже награжденный «Звёздочкой».

Из Гардеза выехали сразу после обеда, отказавшись от предложения заночевать в бригаде и отметить награждение. Всем хотелось домой, там ждали и готовились к обмыванию боевых наград те, с кем вместе их заслужили. Качество свежевыгнанного самогона командир миномётной батареи проверил лично еще накануне.

Когда под огнем душманов орденосцы залегли, Комарь забрал у водителя АКС, и стал стрелять короткими очередями, высываясь из-за камней. После нескольких таких вылазок он сполз вниз с запрокинутой головой и кровью на лбу. Вот тут-то и заорал его водила.

Петраков, до этого выпрыгнувший на ходу из ЗИЛа с прихваченным в кабине АКСом, был недалеко в кювете. Услышав крик, он короткими перебежками рванул к месту, где был Комарь.

Вообще-то, он не любил, не только бегать, но и ходить на длинные дистанции на операциях. Заветной его мечтой, которой он делился со всеми, было попасть после замены в военкомат, пить кефир по распорядку и сидеть на стуле с мягкой подушечкой. А пока же он создавал себе «комфорт» в полевых

условиях, расстелив платочек, словно скатерть, под «сухпай» во время приёмов пищи.

И еще он громко и заливисто смеялся от удачных шуток и подколок сослуживцев, а Комарь в этом смысле был одним из главных персонажей в батальоне.

Когда Сергей Васильевич больно бухнулся на каменистую землю за бугром, слабо прикрывавшим его габариты, лежащий Комарь поднял качающуюся голову и посмотрел на него, прищуриваясь, мутными глазами. На его благородной затылке кровоточила небольшая рана, усеянная вокруг мелкими камешками. Пуля попала в камень, а отколовшийся осколок угодил Комарю в лоб, от чего он на несколько мгновений лишился сознания.

Удивлены были оба...

– Комарь, не спи, замерзнешь, – ехидно бросил Сергей Васильевич, ещё раз лично убедившись, что командира миномётной батареи пули не берут.

Однажды на сопровождении, когда Комаров руководил огнем вверенной ему батарее, всматриваясь вдаль через большие очки в уродливой чёрной пластмассовой оправе, пуля зацепила дужку, и очки на лице Комаря приняли вертикальное положение.

Эти очки, как раритет советской легкой промышленности, он надевал только в боевых условиях. Для надёжности дужки очков сзади связывались резинкой от тросов.

Потом этот эпизод многократно пересказывался им во время застолий, обрастая новыми подробностями.

– Сергей Васильевич, я нормально..., я прикрою, вы лучше в кювет...

Бугор с камнями защищал Комаря» при его небольшом росте надежнее, чем Петракова при его телосложении, и от этого ему стало совестно.

– Век не забуду твоей доброты, Серёга. Фуражку надень, а то лысину простудишь... Щас, разберёмся...

Но повторять маневры с перебежками больше не пришлось. Автоматная стрельба «духов» быстро стихла. Только БТРы продолжали работать из КПВТ по окружающей местности. Нападение выглядело, как поздравление награжденных от небольшой группы «товарищей душманов».

Все-таки почти рядом находилась бригада, и за такую наглость можно было нарваться на серьёзный ответ «Градами» и «вертушками». Так что, удачно напугав «неместных», они быстро ушли.

Слава Богу, никого из ехавших с заветными медалями и орденами десантников даже не зацепило. Перепачкались только все основательно. Но мужественнее всех с повязкой на голове, как Щорс из старого советского кинофильма, теперь выглядел Комарь».

– И на хрена нас надо было тащить в бригаду? Шо, нельзя было передать эти «цапки» в батальон? – праведно начал он возмущаться, стирая пыль с красной орденской коробочки, стоя возле кабины ЗИЛа, где устраивался Сергей Васильевич.

– Что ж ты раньше молчал? – парировал Петраков, потирая ушибленное колено. Надо было сказать комбригу Чижикову: – Товарищ полковник, приезжайте для награждения к нам в Бараки, я вас самогоном угощу.

– А он меня спрашивал?

– Всё, кончай базар, по местам и поехали, – Сергей Васильевич захлопнул дверь, а Комарь, держа руку на забинтованной голове и продолжая ворчать себе под нос, неспешно направился к своему ГАЗ-66-му. В кабине продолжала громко петь «АББА».

В батальоне с нетерпением ждали награждённых, все уже были в курсе об обстреле. Замполит по приезду организовал фотографирование офицеров в полевой форме с наградами

перед зданием штаба. Позже он сделал общую фотографию, как в выпускном альбоме. Фото каждого в виньетке было размещено на фоне Баракинских пейзажей и БМД на постаменте на территории батальона. В верхнем углу размещались фотографии погибших ребят.

А в тот вечер весело и громко «обмывали» награды.

Комарь сначала воодушевлённо, потом устало, отвечал на расспросы о ранении камешком в голову. Подколкам и шуткам не было конца.

– Серега, при твоём ранении доктор прописал тебе куриный бульон? – ерничал Женья Сиваков, нежно поглаживая повязку на голове орденосца.

Вопрос звучал не просто так. Все хорошо знали о слабости командира миномётной батареи. Во время сопровождений после развёртывания миномётов на позициях он часто организовывал разведку близлежащей местности, занятой, по его мнению, «нелояльным» афганским населением.

Иногда он лично участвовал в проведении «поисков» с целью «захвата в плен или уничтожения» душманских кур и петухов, подающих сигналы о приближении неверных.

– Надо срочно на операцию выходить, – обратился Женья к Петракову, пришедшему на праздничные 100 грамм.

– Сергей Васильевич, вы скажите комбату, что минометчики рвутся в бой, чтобы обеспечить любимого командира лекарством. Петраков, раскрасневшийся и заранее улыбающийся своей шутке, торжественно произнес:

– Мой бледнолицый брат, тебе надо сменить имя. Ты уже не «Комар – острый глаз», теперь ты «Комар – твердый лоб».

Упоминание об остром зрении комбата было связано с другим боевым эпизодом, когда он «с бодуна» на выходе, внимательно изучив местность с помощью бинокля, скомандовал

батарею открыть огонь по «зеленке». Все бы ничего, но туда только вошла группа прочёсывания.

По замыслу он должен был это сделать раньше, перед входом туда своих боевых товарищей.

Получилось, как в песне: «недолёт-перелёт – по своим артиллерия бьёт». По счастливой случайности зацепило только одного бойца легко в ногу.

В тот день, сначала по средствам связи, а потом в личном общении Серёга слышал в свой адрес очень много «по-партийному принципиальных» замечаний и выражений.

Мгновенно осознав всю глубину своей вины, он вечером «накрыл поляну» для товарищей офицеров, участников прочёсывания.

Свежий куриный суп смягчил их сердца, и вопрос о «некультурном» поведении командира миномётной батареи во время операции решили не выносить на повестку дня грядущего партийного собрания батальона.

Награжденные и гости расходились, провожая друг друга, как обычно после мероприятий, под финальную песню «Ой мороз-мороз! Не морозь меня...». А до этого с чувством и надрывом исполнялся сложившийся застольный репертуар, включая «Поручика Голицина» и «Розпргайте хлопці коні».

На «Мухамедке» кабульскую колонну на сопровождение 3-му «баракинскому» ДШБ «передавала» рота 191-го мотострелкового полка. Ротой командовал Женя Тюленев, однокашник Васильева по КВОКУ. Вообще-то, в 191-м полку было много ребят из их выпуска.

Бывая в Кабуле, Васильев, при возможности, заезжал к ним в гости в «Теплый стан» – так назывался район дислокации полка. Его там всегда встречали радушно. Вечером все соби-
рались за столом в одной из комнат офицерского «модуля» и делились столичными пехотными и провинциальными де-
сантными новостями.

Чаще «заседали» в комнате Серёги Куловатого, сурового, несмотря на природную худобу и небольшой рост, профессионального «каптёрщика» – сначала 1-й роты Киевского СВУ, а затем и 4-й роты КВОКУ.

Он был достойным воспитанником знаменитого суворовского старшины Ивана Григорьевича Коваленко, получившего кличку «Борман» после фильма «17 мгновений весны». Суворовскому училищу он отдал двадцать пять лет жизни после суровой солдатской службы в морской пехоте. Старшину в роте боялись больше, чем начальника училища. Попасть к нему в каптёрку на воспитательную проработку было сравнимо с медленной пыткой сжигания живьем еретиков на костре. А получить от него один наряд вне очереди и быть под

неусыпным оком все двадцать четыре часа в сутки, когда тот оставался ответственным в роте – не дай Бог!

Серёга был весь в него и в строгости, и в хозяйственности.

Иногда застолье украшалось присутствием полковых или госпитальных барышень и «дам-с». В этом тоже проявлялось преимущество «столичной» жизни.

В провинциальных Бараках офицеры считали, что женщина в отдельном батальоне, как и на корабле – к несчастью. Все потому, что периодически в бригаде на этой почве происходили драматические события: самострелы из-за неразделённой любви, выяснения отношений с использованием огнестрельного оружия при отсутствии дуэльного кодекса. Возникали и комические ситуации. Как-то один взводный, узнав о домогательствах замполита бригады к «даме его сердца», пришел с ним поговорить после ужина с гранатой в руках. Замполита на месте не оказалось. Тогда ревнивец залез к нему в КУНГ, ожидая соперника, выпил всё, что было в холодильнике, положив туда гранату, и обессиленный заснул... «Ответный выстрел» замполита не заставил себя ждать: взыскание с занесением по партийной линии было за пьянку и женщина здесь уже была ни при чем...

Васильев нашел Женю и всех его взводных на броне командирского БТРа около здания поста Царандоя за аппетитным занятием. Они увлечённо, за обе щеки, со смехом уплетали солдатскими алюминиевыми ложками жидкий мед из колониальных банок. В меду было всё: и щеки, и форменное х/б, и броня боевой машины.

– Здорово, пехота! Вам Гульбеддин прислал медку? – пошутил Васильев, взбираясь к ним наверх.

– «Шурави-контроль» никто не отменял, – последовал весёлый ответ.

Проверки на дорогах иногда проводились совместно с представителями ХАДа или Царандоя. По данным информаторов, часто оружие провозилось в «бурубухайках» с дровами. Но в результате «объективного контроля», чаще всего в качестве трофеев контролёрам доставались арбузы, яблоки, сладости. Оружие, наверное, везли по другим дорогам.

– Ну, что, колонну сдал, колонну принял? – спросил Васильев.

– Ага... мы проскочили без шума и пыли, – не отрываясь от мёда, ответил Женья.

– Ну, шо у вас нового в столице? Как наши?

– В кино снимались, «Жаркое лето в Кабуле» с Николаем Олялиным в главной роли.

– И как?

– Нормально, переодели моих «чурок» в душманов и снимали, как они спускаются с горы к подбитому вертолёту.

– Весело было, – вступил в беседу один из взводных и, подражая голосу режиссера, продолжил.

– Мотор! Душманы пошли! Стоп! Плохо! Душманы на гору! Мотор! Душманы пошли! Вертолётчик! Твою мать, огонь по душманам! Стоп! Он пулемёт не может зарядить! Душманы на гору! Ну, вот так до опупения под солнцем.

– После дня съёмок мои «душманы» говорят: «Товарищ лейтенант не хотим больше кино, на операция хотим. Олялин – мужик! – резюмировал киносъёмочный процесс Женья.

– А у вас что интересного? Постреливают? – поинтересовался он.

– На прошлой неделе в колонне шла мусороуборочная машина для бригады, духи «захерачили» по ней со всей пролетарской ненавистью. Наверное, решили, что это новая машина управления с секретной связью, и кто-то из них премию хорошую за нее получил, – рассказал Васильев.

– Ну, шо, мы погнали домой, Будете у нас в Кабуле, милости просим... По коням, ребята, – Женья обратился к баракинцам, а потом, без паузы своим «замурзанным» взводным.

На участке ответственности батальона с весны проходило постоянное «соревнование» с духами, кто кого перехитрит. Порядок встречи и сопровождения колонн постоянно совершенствовался в зависимости от обстановки.

Если вначале «броня» шла, распределенная по колонне, и просто отвечала на огонь из засад, то впоследствии стали выставлять неподвижные посты в самых опасных местах. Чтобы обезопасить себя от выхода «духов» к шоссе, в глубину «зелёнки» высылались «дозоры». Позже стали применять выходы засадных групп в ночь накануне прохождения колонны или выброску их с вертолётов. А когда и этого оказалось недостаточно, стали проводить прочёсывание «зелёнки» до прохождения колонны. В пик особой «напряженки» вызывали «вертушки» огневой поддержки из Кабула для обработки местности.

«Духи» тоже старались быть изобретательными по отношению к «шурави». Они могли минировать одно и то же место удачного подрыва по три раза, что казалось нелогичным, но результат приносило.

В общем, каждый честно отрабатывал свой хлеб.

Появление взволнованного Жени в комнате офицеров «девятки» через несколько часов после «медового прощания» стало полной неожиданностью для Васильева.

– Володя, наш командир взвода случайно не у вас в батальоне? – самым вопросом Васильев, что называется, был сбит с панталыку.

– Да нет, а что случилось, Женья?

– Взводный пропал... Когда мы двинулись из «Мухамедки» на Кабул встретили то ли остатки колонны, шедшей на Гардез, то ли новую, чёрт поймешь... Начался обстрел из «зелёнки».

Мы помахались немного. А когда вышли из-под обстрела, выяснилось, что его нет на БТРе. Бойцы думали, что он после спешивания перешёл на другой БТР, – всё это Женья говорил отрывисто и нервно.

– Ладно, Володя, мы на Кабул...

Васильев даже не знал, что сказать в ответ, он проводил Женю до дороги, где стояла его рота, и попрощался.

Возвращаясь к себе в расположение, он пытался понять, как это могло произойти, и не находил вразумительного ответа. Одним словом – пехотный бардак... Перед глазами Васильева стояла картинка смеющихся офицеров на броне, лакомящихся афганским медом.

За год службы Васильева в батальоне был только один без вести пропавший боец, фельдшер из батальонного медпункта. Выйдя ночью с группой 8-й роты, он исчез при выдвижении к месту засады. Группа до утра его ждала, а утром вернулась в батальон. Родителям в Ленинград сообщили, что сын пропал без вести.

Через несколько месяцев агентурщики получили информацию, что он жив и здоров и находится в банде. Ушёл он сам. Так что это – особый случай. А потерять командира взвода! Это и в плохом сне не могло ему привидеться.

Вечером в батальон пришло распоряжение, выйти на следующий день в «зелёнку» для обеспечения прочёсывания, которое будет проводиться силами 191-го кабульского мотострелкового полка.

Утром «девятка» вышла в «зелёнку» и выставила неподвижные посты недалеко от «Мухамедки» вдоль шоссе с противоположной стороны от района проведения зачистки. Рота получила задачу стоять на постах до окончания прочёсывания.

С ротой вышел зам. комбата капитан Костенко. Он не так давно был переведён в батальон из Джелалабада. В Афганистане он находился уже почти полтора года. На операции обычно выходил с одной из рот и активно искал встречи с противником, действуя инициативно, и требовал этого же от всех офицеров. Внешне он отличался от баракинцев тем, что вместо панамы носил пилотку, подломленную возле звёздочки по образцу пилотки офицера Вермахта. Такие штучки армейской моды Васильев помнил ещё по училищу.

Васильев с ним уже чуть-чуть повоевал на прочёсывании. В принципе, всё прошло нормально, и замечаний за действия взвода от Костенко он не получил. Нарвавшись на «духов», его бойцы действовали спокойно и грамотно. Пока часть взвода вела вялую перестрелку, «замок» Ягодкин с командиром 1-го отделения Гладких «огородами», где ползком, где бегом зашли духам во фланг и покуражились, заставив их быстро уйти, потеряв несколько галошей.

Помимо решительности, на операциях Костенко проявлял быстро ставшую известной и другую страсть – лично разбирать-

ся с пленными или задержанными. Пленных он предпочитал в живых не оставлять.

Поскучав возле брони, Васильев с Ягодкиным и «Ко» решили углубиться в «зелёнку». Пройдя с полкилометра, они заняли позиции в кустах для наблюдения вдоль арыка. Невдалеке от них находились дувалы кишлака.

Ближе к обеду «два брата-акробата», Ягодкин с биноклем на груди и Гладких с загадочной улыбкой, находившиеся на правом фланге, подошли к Васильеву.

– Товарищ лейтенант, – начал Ягодкин, – есть подозрительный дувал...

– Надо бы проверить, – дополнил Гладких, как всегда, из-подлобья глядя внимательно на командира взвода.

– Может, вы что-то перепутали, орлы? Сегодня не мы зачистку делаем, а пехота. Или на одно место приключений захотелось? – отреагировал Васильев.

– Не-е-е..., серьёзно, товарищ лейтенант, – Ягодкин сделал обиженную гримасу.

– Там на крыше бача сидит, и у них, как в карауле, смена происходит через какое-то время, – мягко уточнил Гладких.

– Ладно, показывайте, юные следопыты.

На высоком, в форме куба, строении-башне в центре жилых глиняных построек, обнесённых глиняным забором, действительно сидел то ли мальчик, то ли юноша. Через несколько минут он исчез, а затем снова появился.

– И что, всё время так сидит?

– Его ещё другой менял и тоже сидел и смотрел... Им что, делать нечего, что они на крыше полдня сидят? – возмущённо произнес Ягодкин.

– Я понял, Ягодкин, оставайся с группой и наблюдай. Гладких со мной, идём к броне. Я доложу Костенко, – подытожил Васильев.

Из своей БМДешки Васильев связался с ротным, и кратко изложил ситуацию. Через несколько минут тот снова вышел на связь и сказал, что Костенко выдвигается к ним.

Костенко подъехал к посту на БТРе Управления, его сопровождали три орла, которых он выбрал в батальоне для своей личной охраны.

Когда Ягодкин показал Костенко дувал с наблюдателем на крыше, тот, недолго раздумывая, принял решение.

– Так, выдвигаемся скрытно, насколько получится, затем бросок и делаем зачистку, – его уже охватил охотничий азарт.

Метров за двести от жилища начиналась открытая местность, это были засеянные участки поля. Когда группа в полный рост побежала к дувалам, наблюдатель нырнул вниз.

Деревянные ворота легко открылись от ударов бойцов. Костенко первым вбежал во двор и стал стрелять в воздух и по стенам построек. К нему навстречу с криком и плачем бросились женщины и дети.

– Где душманы? – заорал Костенко.

В ответ те закричали ещё громче.

– Дом обыскать!

Костенко окружила вопящая толпа. Из мужчин во дворе, оказалось только два старика. Они протягивали к его лицу худые сморщенные ладони, сложенные лодочкой и, захлебываясь, что-то страстно тараторили.

– Были бы сейчас здесь духи, нам бы мало не показалось на огороде, во время этой «чапаевской» атаки, – подумал Васильев, и ему стало неприятно от всего происходящего.

Бойцы в это время шарили по всему жилищу, вышибая двери там, где они были.

В проходе из полуподвального помещения появился Ягодкин, таща за шиворот юнца лет шестнадцати. Схрон был оборудован именно там. Это была узкая ниша, в которой можно

было поместиться только лёжа. Её прикрывала лёгкая дверца, замазанная толстым слоем глины. Оружия там никакого не было.

Когда Ягодкин выволок парня во двор, женщины с воплем бросились к нему, хватая за одежду и не давая вести его дальше.

Костенко поднял вверх АКС и стал стрелять в воздух, крича при этом: «Душман»!!!

– Все, уходим, – он схватил за рукав перепуганного пацана, и, угрожая стоящим и орущим автоматом, потащил его к выходу.

До арыка они дошли вместе, затем Костенко с пленным, которого вели его личные «нукеры», пошёл по «зелёнке» в сторону поста командира «девятки», приказав Васильеву с группой остаться и, если что, прикрыть их.

Через несколько минут Васильев услышал вопль и визг.

– Гладких, вперёд! Разберись, что там случилось.

Гладких вернулся и, волнуясь, медленно проговорил.

– Они его режут штык-ножами... Пронзительные крики продолжались минут десять.

– Рейнджеры х...вые, даже убить не могут тихо, чтоб не мучился, – презрительно произнёс Ягодкин.

В фильмах про Отечественную войну всегда показывали, как немцев убивали одним ударом ножа. Выглядело это красиво, – подумал Васильев. На душе было противно.

– Все, уходим к броне., – не глядя на подчиненных, командовал он.

Через час ротный вышел по связи на Васильева и сказал, что получена команда сворачиваться и возвращаться.

– А что с прочёсыванием?

– Нашли труп взводного. Его только что подбросили ...

Труп взводного 191-го полка нашли на тропе между разрушенными дувалами. Он не был изуродован, чего можно было бы ожидать в этой ситуации.

* * *

С Женей Васильев встретился уже в Академии им. Фрунзе. Вспоминали Кабул и «зеленку». О потерянном взводном Женя промолчал, и Васильев не стал теребить эту тему, хотя в память навсегда врезались смеющиеся все в меду командиры взводов 191-го полка.

О судьбе замкомбата Костенко Васильев узнал в 1992 году из огромной статьи под названием «Кровавый комбат» в газете «Известия». В ней описывались события в молдавском Приднестровье. Газету он сохранил.

Из статьи в газете «Известия» № 179 от 8 августа 1992 года:

«... неподалеку от села Владимировка будет обнаружена машина УАЗ с номером 54–26 АП, принадлежащая штабу 14-й армии. На заднем сиденьи – останки труп, который продолжает гореть, на нем еще заметны остатки военной одежды, голова покрыта капюшоном, сохранились остатки волос, коротко подстриженных сзади, темнокаштановых. Кисти рук отсутствуют».

* * *

Из ответов Президента ПМР Смирнова журналисту. «...Когда его окружили в школе, мне передали, что Костенко требует, чтобы президент обеспечил ему проезд. Я ответил: президент преступникам проезда не обеспечивает».

В тот июльский день «ленточку», идущую на Гардез, «девятка» довела до Бараков к обеду, без осложнений. Возле расположения батальона ее, как эстафетную палочку, встречала для дальнейшего сопровождения рота от бригады. После непродолжительной остановки для перекура и организации взаимодействия между старшим сопровождения и старшим колонны её движение должно продолжиться.

А для офицеров «девятки» и тех, кто участвовал в сопровождении от батальона, работа была сделана. БМДешки после высадки десанта, пыля, медленно двигались в парк на стоянки. Там механиками «во всю рулил» техник роты Шура Алексеев.

Взводные, отдав распоряжения гвардейским сержантам на сдачу оружия и подготовку к обеду, не спеша, пошли к казарме.

На «выходе» со взводом Васильева был замполит роты, Слава Ключников. Они сдружились, и во время сопровождений колонн почти всегда замполит находился на «бронь» Васильева.

Слава, романтик по натуре, бойцов вдохновлял не пламенными речами «в свете последних решений партии и правительства», от которых его коробило, а личным примером, и за это его уважали.

В свободное время Васильев и замполит вели душевные беседы о жизни, женщинах и литературе. Слава ждал своей замены с недели на неделю и жил «розовыми» мечтами о своем ближайшем будущем.

Зайдя в свой кубрик, они повесили АКСы на спинки кроватей, а пыльные тяжелые жилеты – на вешалку, длинную доску от снарядного ящика, прикрепленную к стене, с вбитыми в неё гвоздями – результат совместного дизайна старшины и техника роты.

Спасательные жилеты из комплекта БМД, ввиду полного отсутствия необходимости форсирования водных преград на территории провинции Логар были без надобности. Ну а «голь на выдумки хитра». Выпотрошив их начинку, жилеты набивали запасными магазинами, перевязочными пакетами, гранатами, сигнальными «ракетами» и всем, что могло пригодиться. Носить всё это добро на себе в жилете было удобно, а магазины на груди морально воспринимались, как подобие бронезащиты.

Первые образцы бронежилетов только начали поступать в батальон. Они были тяжёлые, неудобные и не спасали от прямого пулевого попадания. Появился даже анекдот. На вопрос, пробивает ли пуля бронежилет, звучал ответ: нет, она застрянет в задней стенке.

Многие офицеры, в том числе и Васильев, их просто не надевали. Бегать в этом скафандре по «зелёнке» было невесело, поэтому бойцов заставляли их одевать только тогда, когда те находились сверху на броне во время сопровождений.

Васильев не надевал бронежилет из-за суеверия, чтобы часом не притянуть к нему что-нибудь нехорошее.

Док батальона, Вовочка Войт, напротив, всегда был в бронежилете. Он также надевал каску на панаму, кожаные перчатки даже в летнюю жару и круглые очки. Своим грозным видом он вызывал улыбку. Тем не менее, это его однажды и спасло, когда в развалинах он наравлся на растяжку. В итоге потерял кисть руки, но, слава Богу, выжил.

В общем, приметы были коллективные и индивидуальные. Механики не хотели ставить на свои машины запчасти

с подбитых или подорванных машин. Ну, а не мыться (в бане) и не бриться перед операцией – это было главной заповедью, написанной, как и боевой устав, что называется, кровью.

Освободившись от «сбруи» и курток х/б, Васильев с замполитом взяли полотенца, чтобы сходить окунуться в надувном «бассейне», установленном Женей Сиваковым в маленьком «оазисе» за штабом. Это «удовольствие» стало возможным, благодаря его дружбе с химиками бригады.

Но выйти из кубрика они не успели. Дверь с грохотом открылась, и в комнату с выпученными глазами влетел техник их роты Алексеев.

– На выход! Тревога! Нападение на колонну! – заорал он.

– Какое нападение? На какую колонну? Шо ты орёшь, как резаный, – в недоумении, тоже переходя на повышенный тон, притормозил его Васильев.

– Шура, что случилось? Объясни всё спокойно, – попросил Слава, уже надевая куртку х/б и стараясь быть культурным.

– Духи обстреливают колонну прямо за «горкой». Есть подрыв. НШ приказал лететь туда, – немного спокойней описал Шура ситуацию.

– За горкой? Шура, ты трезвый? – засомневался Васильев, всё ещё не веря услышенному.

«За горкой» – это означало практически «под носом» у батальона. Ничего подобного за всё время дислокации здесь батальона не было и, казалось, быть не могло.

Одеваясь на ходу, прихватив автоматы и жилеты, Васильев со Славой ускоренным шагом покинули расположение роты и через три минуты были в парке. Десантура уже сидела на «броне».

Территория батальона напоминала разворошенный улей. Благодушная после возвращения с боевого задания атмос-

фера сменилась беготнёй, неразберихой и начальственными окриками.

Ждать Володю Монтио, исполняющего обязанности командира 9-й роты и успевшего уйти на обед, Васильев не стал. Заскочив на башню 95-й БМД, он напялил на себя шлемофон и дал команду Кожевникову:

– Вперед! Только аккуратно, не задави никого.

Слава занял место на башне замыкающей БМД. Выехав через боковые ворота на шоссе, машины взвода дали газу. Дорога перед батальоном была свободна, колонна уже ушла. Из главных ворот выходили БТРы «семёрки» и тоже резко набирали скорость, разворачивая башни «ёлочкой».

Ситуация прояснилась быстро. Нападение на колонну произошло за кишлаком, километрах в четырёх от горки.

Колонна без остановки, со стрельбой ушла на Гардез. На шоссе остались два подорванных КАМАЗа. Один был с боеприпасами. Фейерверк получился ещё тот!

В метрах ста от КАМАЗов возле развалин дувала стоял БТР сопровождения. Не совсем понятно было, как он там оказался. В него духи попали из гранатомёта и обстреливали с оборудованных позиций в долине, не давая приблизиться к подбитой машине.

Нечего сказать, всё было организовано мастерски, а главной составляющей такого успеха стал выбор места засады. Для «шурави» 3-го ДШБ это нападение, на грани наглости, стало полной неожиданностью.

Подходящие на помощь БМД и БТРы батальона разворачивались в сторону долины и поливали её, не жалея патронов. К подавлению огня духов подключились миномёты и орудие с горки, но пока без особого успеха.

Васильев передал по связи своим машинам тоже развернуться и открыть огонь, а десантуре – спешиться.

- Слава, командуй, а я постараюсь подойти поближе к БТР.
- Кожевников, давай к семидесятке...

Когда БМД приблизилась метров на пять до БТРа, через открытый люк башни Васильев слышал из БТРа душераздирающий крик и подал команды своим бойцам:

– Ягодкин, остаешься с Гладких, все остальные – к машине и за дувал.

– Кожевников, разворачивайся и задним ходом – к боковому люку «бэтэра».

– Понял.

Идея состояла в том, чтобы вплотную подойти к БТРу и забрать раненого или раненых через десантный люк БМД, максимально избегая подставления себя под пули.

– Ягодкин, как только остановимся – оба, мухой, в БТР.

– Есть.

Когда БМД остановилась возле подбитой «коробочки», Ягодкин буквально выпорхнул из десантного отделения, в несколько прыжков оказался наверху БТРа возле башни и нырнул в машину через открытый водительский люк. Гладких тоже проворно выбрался из БМД и нырнул, но в нижний люк десантного отделения, тоже открытый. Крик из БТРа рвал душу.

Через несколько минут Гладких уже был снаружи и, придерживая за плечи, тащил из бокового люка стонущего и плачущего раненого. Из-за дувала, пригибаясь, к нему подбежали два бойца и стали помогать. Когда раненый в окровавленном х/б оказался на земле, они подняли его и понесли к десантному люку БМД.

Васильев высунулся из башни и смотрел за ними, чтобы дать команду на движение сразу, как только раненый окажется в десантном отделении.

Ягодкин выбрался из люка вслед за раненым, руки и х/б у него были красные от крови. Через мгновение он был уже

в десантном отделении, помогая укладывать пострадавшего бойца.

– Ну, шо там, Ягодкин?

– Там один наповал, товарищ лейтенант, этого посекло осколками, грудь и живот в крови. Я вколол ему промедол.

– Ясно, попробуйте его перевязать.

Раненому после укола стало чуть легче. Он стонал и всхлипывал.

– Кожевников! Давай вперёд в батальон...

По связи Васильев вышел на замполита.

– Слава, я с раненым в батальон и обратно.

– Понял. Духи, кажется, уходят... Володя, они вернутся к подорванным машинам обязательно.

– Ты предлагаешь их подождать? Классная мысль. Я переговорю с Монтио.

Выехав на шоссе, Кожевников дал газу.

«Умничка», – в который раз Васильев подумал о своем механике.

– Въезжаем через центральные ворота и по аллее прямо к медпункту.

– Понял, товарищ лейтенант.

Когда они подъехали к центральным воротам, оттуда как раз выезжал МТЛБ (Многоцелевой тягач лёгкий бронированный) с доком на броне. Он сидел очень серьёзный и экипированный привычно, по всей форме. Васильев начал ему активно махать. МТЛБ остановился. Док недовольно прокричал Васильеву:

– Я туда, там рененые..., – он указал рукой в сторону горки.

Васильев сорвал с себя шлемофон, швырнул его в башню. Затем, прыгнув с машины на землю, заорал на дока:

– Вовочка, заворачивай оглобли... Раненый в машине... Ты бы ещё дольше собирался...

А потом дал команду Кожевникову и Ягодкину:

- Давай к медпункту.
- Ягодкин! Выгрузите его и ждите меня за воротами...

Васильев уже ощутил внутреннюю уверенность в том, что надо организовать засаду, и, если получится, наказать зарвавшихся душманов так, чтобы они в будущем очень хорошо подумали перед тем, как приближаться к батальону.

Исполняющий обязанности командира «девятки» Володя Монтио в парке руководил посадкой остатков роты для выхода к месту нападения. Васильев подошел к нему и кратко изложил ситуацию и идею замполита.

– А, что? Нормально, Григорий! – оптимистично отреагировал он.

– Отлично, Константин! – в этом же ключе ответил Васильев, – Идем к Барыге...

Гвардии майор Барышников Владимир Борисовича прибыл в батальон по ротации, когда Васильев с желтухой лежал в госпитале. Первая мелькнувшая мысль: «Бог Барыгу метит».

Но когда, вернувшись, увидел на крыльце штаба улыбающегося Борисыча в панаме, сдвинутой на затылок, понял, что роднее его, только Комарь на этой «баракинской» земле. Старые обиды улетучились, прошлое представлялось теперь милым и наивным. Они крепко обнялись.

На первой своей операции Барыга, с присущим ему азартом, ночью застрелил бойца из охранения, приняв того за душмана. В итоге – взыскание в служебную карточку.

– Хрен с ним, с этим строгим выговором, переживу. Родителей лишил сына по личной «ебнутости», – с горечью сказал он Васильеву, когда они сидели у него в комнате и делились наболевшим.

Со временем всё «устаканилось», Барыга вошёл в курс дела и лихо, в «чапаевском» стиле, рулил на операциях.

Бойцы его любили за юмор в любой обстановке. К перлам байкальских «бичей» Борисыч прибавил украинский колорит.

Традиционное и понятное его распоряжение: «Купи петуха на алайском рынке (имелся в виду ташкентский, вместо сенного конотопского) и е-и ему мозги...» воспринималось с восторгом.

Офицеры уважали его за стремительность в принятии решений и доверие к советам тех, кто имел больший боевой опыт.

Васильев с Монтио подошли к штабу, когда Барыга говорил по связи с командиром «семёрки». Комбат убыл в отпуск и Борисыч, выполняя его обязанности, «рулил» уверенно и с задором:

– Коля, щас к вам ещё «девятка» выйдет и сапёры. Прочешите всё вокруг... Собрать надо то, шо разлетелось. Пусть саперы это говно взрывают...

Очень часто духи использовали неразорвавшиеся бомбы, миномётные мины и снаряды для установки фугасов на дорогах. Сила взрыва элегантной пластмассовой итальянской противотанковой мины удесятирялась благодаря браку советской военной промышленности.

– Володя, – обратился он к Монтио, – духи ушли. Семёрка притащит в батальон подбитый БТР, а вам надо всё вокруг там прочесать.

– Владимир Борисович, мы тут подумали... Они же обязательно ночью придут посмотреть на результаты своей работы, – начал Монтио.

– И что вы предлагаете? Поставить растяжки?

– Там, недалеко от подорванных машин, есть разрушенные дувалы... – включился в разговор Васильев, – мы с замполитом и группой останемся в них до ночи и подождём «товарищей душманов»...

– Твою дивизию, – крикнул Барыга с чувством удовлетворения. – Давай, Володя. Возьми с собой у Сивакова толкового связиста. Пусть Женья сам станцию проверит... Будьте постоянно на связи, если что, поддержим сразу... Комарь своей батареей накроет всех духов, ну и вас заодно... Шучу.

– Ну, тогда пирожков поедите, – тоже, шутя, отреагировал Васильев.

После оптимистичного утверждения замысла боевых действий Васильев с Монтио решили, что тот с остатками роты выдвигается к месту нападения и начинает прочесывание, а Васильев загружает всё необходимое в свою машину и подтягивается туда по готовности.

Васильев вернулся к своей машине, она стояла уже за воротами. Ягодкин с Гладких сидели на башне и курили.

– Ягодкин, ну что там с раненым?

– Будет жить. Лойт с ним возится... Вызвали вертушки...

– Ясно. Значит так: машину – в парк, сами – в столовую на обед. Гладких, получи на складе сухпай на десятерых, скажешь, что с Барышниковым всё согласовано. Я потом распишусь в накладной.

В ответ Гладких, понимая, кивнул.

Васильев знал точно: лучше, чем Гладких, эту задачу не выполнит никто, он ещё и допдак выбьет из «складчиков». В вопросах обеспечения продовольствием ему не было равных в роте. Его способности вызывали белую зависть у других командиров взводов «девятки».

Как-то на одной из операций во время привала для обеда взводные сидели все вместе перед тем, как разойтись по своим направлениям. Гладких первым принёс для своего командира взвода обед, состоявший из разогретой банки с кашей, чая и сгущёнки с печеньем на десерт. Васильев с чувством пре-

восходства посмотрел на товарищей лейтенантов и с издевкой пожелал им приятного аппетита.

– Ягодкин! Остаёмся на ночь духов ждать. Возьми в ружейке пару цинков с патронами, гранаты, ночной бинокль. Подумай, что ещё надо...

– Ясно, товарищ лейтенант, – с энтузиазмом ответил Ягодкин. – А кого берём с собой?

– Ещё семерых отличников и связиста. Людей пусть Гладких берёт из своего отделения и добавь, кого надо.

Это было доверие, поднимавшее авторитет его сержантов в глазах бойцов. Васильев знал, что отобранные будут самые надёжные.

При выходах на засадные действия среди десантников существовало своего рода соревнование, чтобы быть включённым в состав группы. Если тебя не берут на операции, ты – «чмошник», – примерно так рассуждали в солдатском кубрике.

– Так, на всё про всё – час времени. Я в столовую, а потом к Сивакову за связистом. Ждите меня в расположении, – заключил Васильев.

– Ясно, товарищ лейтенант, – с энтузиазмом ответил Ягодкин. – А кого

Когда БМД Васильева подъехала к роте, личный состав рассредоточился и занимался осмотром местности и сбором «металлолома».

– Ягодкин! Всё, что привезли, – в дувалы. Вперёд! – отдавал распоряжения Васильев, – Гладких! Оповести бойцов, кто с нами остаётся. По одному, незаметно в дувалы и умерли там...

Распорядившись таким образом, Васильев пошёл на встречу подходившему замполиту и сообщил о принятых мерах:

– Слава! Барыга дал добро, остаёмся... Там, на машине – обед для тебя. Гладких организовал. А потом – к бойцам в дувал, и будем ждать ночи...

– Отлично, Володя, – отозвался замполит. – Мы нашли места, откуда духи вели огонь. Классные позиции с путями отхода до самого оврага. Так что, вряд ли кого-то из них зацепили. А по оврагу – в долину, и можно уходить хоть в сторону Гардеза, хоть в кишлак.

К ним подошёл Монтио и сказал, что «семёрка» уже собирается уходить:

– Мы ещё минут двадцать тут пошарахаемся, а вы за это время – в дувалы.

– Володя! Сделай здесь проверку личного состава роты перед выходом. Я думаю, что за нами сейчас присматривают, – попросил Васильев, поскольку кишлак находился всего в паре километров от них.

– Изобразим, как положено... Я ещё поору для убедительности. Ну, всё, пока... Мы будем в готовности к вам выдвинуться. Вечером Барыга баню организует... Может, успеете?

– Мы – как только, так сразу. Главное, ужин оставьте.., – отшутился Васильев.

Они разошлись по своим местам: замполит пошёл к машине перекусить, где его ждал Гладких, Васильев – к развалинам, а Монтио – к роте.

За отходом роты Васильев с замполитом наблюдали, уютно обосновавшись в развалинах на расстеленных плащ-палатках. Бойцы уминали сухпай, кое-кто тут же укладывался «на боковую», благо, до ночи был «вагон» времени. Гладких и Ягодкин по очереди изучали местность через большой ночной бинокль.

Глиняные разваленные дувалы подходили почти к самому шоссе. По этой условной линии Васильев и выбрал позицию для группы. Сгоревшие грузовики находились прямо перед ними метрах в ста пятидесяти. Местность была открытая и хорошо просматривалась.

К грузовикам духи, по его оценке, безопасно могли подойти из долины, откуда вели обстрел, или по шоссе со стороны Гардеза. Теперь оставалось только дожидаться ночи...

Вечер выдался безлунным и небо не очень звёздным. Васильев рассматривал местность через бинокль, чтобы привыкнуть к картинке. Ощущение было такое, будто находишься под водой, фон зелёный с расплывающимися очертаниями предметов. Когда он отрывался от бинокля, то смотрел на очертания гор вдалеке.

Где-то там появлялись огоньки, и тогда это очень напоминало Васильеву маленькую картину Верещагина «Огонь в горах». Зал Верещагина в киевском музее русского искусства с батальными полотнами и маленькими фронтовыми картинками был его любимым.

– Ну что, комиссар, выходим на огневой рубеж? Хорошо стемнело «чиёрт побъери», – цитируя фильм «Бриллиантовая рука», обратился к Славе Васильев.

– Цигель, цигель теплоход «Светлов», – ответил тот.

Коротая время, они обговорили все привычные темы. От скуки Слава ещё и политзанятия провёл с зевающими бойцами. К удивлению Васильева, некоторые из них даже проявили живой интерес к последним международным событиям.

Младший сержант Игорь Иванов, будущая смена Ягодкина, москвич, философски задался вопросом о влиянии последней резолюции ООН, осуждающей вторжение СССР в Афганистан, на возможность вывода войск.

– А ты откуда знаешь про резолюцию? – тоже удивился Слава.

– Так, замполит батальона в караулке нам рассказывал про неё после ужина. «Достал» он нас этой резолюцией, я как раз в отдыхающей смене был и не поспал из-за него.

Нередко замполита батальона после застолий в штабе тянуло в солдатские массы провести воспитательную работу и поговорить о руководящей роли КПСС.

– «Хуб», как говорят мирные душманы, пошли. Сабянин первый, давай до конца забора к шоссе, – Сабянин был пулёмтиком и Васильев определил ему место на правом фланге.

– Я за Сабяниным. Дистанция 6 метров друг от друга. Выходим тихо... На месте ни слова, и наблюдать...

Группа гуськом, пригнувшись, быстро заняла позицию. Слава расположился рядом с Васильевым.

Прошло что-то около получаса. Васильев уже знал, что в ожидании минуты тянутся, как часы. А в бою, особенно на сопровождениях, часы летели, как минуты. Они лежали, наблюдая за шоссе, и иногда перешептывались со Славой. Справа от Васильева лежал Сабянин, направив свой ПК не вдоль шоссе, в сторону машин, а на долину, как бы, прикрывая фланг.

Васильеву захотелось чуть размяться после долгого лежания. Он привстал на одно колено и стал рассматривать местность через бинокль по секторам от машин вправо по долине, а затем, медленно поворачиваясь, на кишлак, находящийся у них в тылу.

Когда внезапно зелёный фон в бинокле превратился в чёрное пятно, Васильев подумал, что сел аккумулятор, и поэтому пропала видимость. Но чёрное пятно стало перемещаться, и вокруг него снова появились зелёные островки. Васильев чуть приподнял бинокль и увидел в нём прямо перед собой очертания лица, а чёрное пятно оказалось бородой...

Васильев ватной рукой опустил бинокль, теперь он различил движущийся силуэт в метрах десяти от них, за ним второй..., послышался тихий говор.

Духи шли к машинам не из долины, а по шоссе из кишлака и сейчас они оказались за спиной у группы. АКС Васильева

лежал на земле позади него. Сабянин смотрел на командира взвода, стоя на четвереньках, до этого он тоже хотел поменять положения тела, но так и застыл, увидев замершего Васильева и его жест рукой.

Духи продолжали двигаться. Теперь Васильев увидел третьего, четвертого, пятого. Они шли друг за другом с дистанцией в три-четыре шага. Вот первый поравнялся с развалинами. Винтовка у него висела на плече. До него было метра четыре, их разделял невысокий разрушенный глиняный забор.

Васильев перевел взгляд на ПК Сабянина.

– Не шевелиться... Они нас не заметили... Пусть проходят... Только бы никто из бойцов себя не выдал лишним движением. Хорошо, что ночь тёмная... – собственные мысли показались ему громкими.

Первый прошёл мимо. Тихий говор идущих за ним душманов стал отчетливее.

– Это хорошо, значит, бойцы уже поняли, что у нас гости с тыла...

Второй остановился, повернулся назад и что-то сказал третьему.

– Не шевелиться... На позиции гробовая тишина... К пулемёту бросаться только в крайнем случае...

Духи двинулись. Вот прошёл мимо пятый. Васильев следил за ними, повернув только голову.

– Пусть отойдут дальше... Теперь уже мы у них за спиной... Их уже не видно. На позиции все, словно умерли... Молодцы...

Васильев развернулся, осторожно лег на землю и положил руку на АКС. Замполит тихо подобрался к нему и кивнул, ободряюще.

– Слава, надо дождаться, когда они пойдут обратно...

Впереди слышался говор возле машин и позвякивание металла.

– Осматривают, суки, – шепчет Васильев. Слава, я не могу больше ждать... Они мне надоели...

– Ну что, «огонь»? – тихо спросил замполит.

– «Огонь»! – Васильев со злостью жмёт на спусковой крючок.

Вся позиция в мгновение ощетиливается ливнем трассиров. В небо летят осветительные ракеты, вырывая из темноты остовы сгоревших грузовиков. Становится светло. В это момент «огонь» ещё больше усиливается. Бойцы с остервенением лупят длинными очередями, перезаряжают магазины и снова открывают огонь. В небо взлетает СХТ (ракета сигнала химической тревоги), освещая местность и оглашая пространство противным воем, и снова летят осветительные ракеты. Фейерверк продолжается минут пять.

– Ну, всё, хорош! Отбой! – Васильев даёт команду по цепи. – Ягодкин! Перебежками к машинам, вперед!

Ягодкин срывается первым. За ним, по одному справа и слева, пригнувшись, бегут бойцы, опережая друг друга. Через несколько минут они уже возле машин. Васильев с замполитом и связистом идут следом.

– Один есть, готов, – орёт Ягодкин.

Васильев подходит к нему. Ягодкин светит на лежащего фонариком. Бородатый лежит на спине, раскинув руки, рядом лежит карабин, его ремень украшен побрякушками.

– Обыщи его, – обращается Васильев к Ягодкину. – Всё забрать, пусть особист разбирается.

– Связь! Давай, соединяй с начальством...

– Ну что, Слава? Можно было, конечно, и лучше поработать, но ничего, они эту ночь надолго запомнят...

– Нормально всё, командор...

– Товарищ лейтенант, НШ на связи.

Васильев надевает наушники и слышит знакомый бодрый голос:

– Синус 2-й! Доложите, как обстановка. Мы слышали ваш сабантуй, Горка докладывает, что получился красивый фейерверк.

– Косинус! Обстановка нормальная. Один в прикупе, четверых обстреляли.

– Молодец, Володя, может быть, ещё там посидите до утра? А вдруг придут ещё?

– Владимир Борисович, ноги надо делать, это же не Сенной рынок, шоб тут расслаживаться...

То, что надо, как можно быстрее, уходить с места удачного столкновения, Васильев уже усвоил по горькому опыту. Так нарвалась «восьмёрка», задержавшись на месте удачной засады, собирая трофеи. Тогда потеряли взводного.

– Ладно, не бойсь, Володя, солдат ребёнка не обидит... Даю команду твоему «Синусу» на выход. Вернётесь – сразу ко мне на доклад. Конец связи.

Минут через пятнадцать все услышали приближающуюся канонаду. Вышедшие за ними четыре машины «девятки», пройдя Горку, открыли огонь «ёлочкой», на всякий случай, и, чтоб скучно не было. Подойдя к ним, колонна развернулась в сторону долины и открыла огонь «во чисто поле», с брони в небо полетели осветительные ракеты.

Монтио с командиром 1-го взвода Володей Остяковым подошли к Васильеву.

– Ну что? Всё нормально?

– Да, слава Богу, – устало ответил Васильев, протягивая Монтио пачку бумажек, на одной из них была фотография бородача. – Может быть, агентурщикам пригодится.

– А оружие было?

– У Гладких карабин его.

– Ну шо? Проверяем людей и, по коням...

Личный состав бодро расселся по машинам на броню. Участники шумно делились впечатлениями с приехавшими за ними. Ягодкин последним заскочил на броню машины Васильева.

– Ну, и где ты лазишь?

– Товарищ лейтенант, я под бородатого РГДэшку положил. Они ж придут за ним...

– Заботливый ты Ягодкин. Ладно, поехали домой...

Васильев по связи доложил о готовности. Колонна тронулась в направлении батальона.

В штаб на доклад Васильев пошёл вместе с Монтио, прихватив трофейный карабин.

Барышников встретил его широкой улыбкой. Взяв карабин в руки, поцокал языком, рассматривая инкрустацию на прикладе.

– Тут вот, замполит говорит, что надо доложить в бригаду, что завалили человек десять, чтоб солиднее всё выглядело... Под это дело можно и пару наградных оформить на твоих бойцов.

– Хоть пятнадцать... – согласился Васильев, – нам татарам – всё равно. А бойцы и так уже заслужили по совокупности, тем более, у некоторых скоро дембель...

– Ты тоже геройский парень, мне рассказали, как ты на прошлом выходе в одежду пастуха афганского переодевался и за стадом баранов бегал.

– Да, и кроме вшей, никого не поймал.

– Ну, ладно, Володя, иди, отдыхай, налил бы тебе самого-ну, но ты ж не пьёшь из мелкой посуды после твоего гепатита. Стущёнки хочешь?

– Давайте, не пропадёт...

Утром Барыга дал команду штабному писарю писать наградные: Ягодкину и Гладких – «За отвагу», а Васильеву – «Звёздочку».

Когда Васильеву пришла медаль «За отвагу», выяснилось, что писарь перепутал... Но для Васильева эта медаль была дороже, чем орден, потому что всякая штабная и тыловая шушера без зазрения совести могла оформлять себе наградные на «Звёздочки», но писать себе «За отвагу» рука у них не поднималась...

Позже Барыга «прославился» в международном масштабе. Васильев услышал в новостях по «вражескому» радио «Свобода», когда находился в Днепропетровском военном госпитале со вторым гепатитом обвинение в том, что советские войска применили химическое оружие в провинции Логар и ООН направит своих экспертов для расследования инцидента.

Подробности применения «химического» оружия уже подлечившийся Васильев узнал позже в Бараках.

На очередной операции батальон блокировал кяриз (глубокий колодец, через который можно было попасть к разветвлённым подземным каналам). В нём, по данным агентурщиков и пленных, находилась большая банда. Двое захваченных «мирных жителей» были направлены туда для переговоров с требованием, выйти из подземелья и сложить оружие.

После нескольких безуспешных попыток договориться с бандитами и решительного отказа их сдаться, последовала команда Барыги слить бензин из батальонного бензовоза в кяриз и поджечь. Что и было сделано. Взрыв уничтожил под землей в водоводах всё живое.

Через какое-то время разразился международный скандал с обвинениями. Кроме бандитов, там погибли и мирные афганцы: женщины и дети, взятые бандитами в качестве живого щита. История оказалась трагической...

В Бараках Барыга прослужил целый год. После этого его с повышением назначили на должность командира батальона в Джелалабад. Офицеры по нему скучали, да и он тоже скучал

по батальону, и даже приезжал в гости, чтобы забрать кого-то к себе.

После замены он служил в Закарпатском военном округе. Но жуткая трагедия настигла его, словно кара Аллаха. Во время пожара в доме погиб его сын, жена после этого сошла с ума. Он уволился и уехал жить к родственникам в Астраханскую область.

Васильев попытался с Женей Сиваковым найти его, но они так и не смогли этого сделать...

Ближе к часу ночи в комнате офицеров 9-й роты за столом, накрытым газетами из подшивки замполита, и уставленным пустыми бутылками и тарелками, остались только командир 3-го десантно-штурмового взвода Миша Гусев и старший техник роты Шура Петренко.

Сидели почти в темноте, свет уже отрубили, а почерневшая керосинка с фитилем из солдатского брючного ремня и соляркой вместо керосина больше коптила, чем светила.

Из-за двери доносились звуки затихающего завывания старшего механика роты Шепелева.

Днем в 3-м взводе на фугасе подорвалась БМД. Погибли механик Мищенко и оператор-наводчик Карасев.

Мищенко его «лепший кореш» Ваня Шепелев дал прозвище «Хохол». Хохол и сибиряк Шепелев были друзьями, что называется «не разлей вода». Карасевых в роте служило двое, они были братьями-близнецами. Худенькие, невысокие, похожие на школьников, мальчишки, случайно оказавшиеся среди солдат. К ним все относились очень трепетно, «дембеля» их не обижали. Один из братьев был механиком-водителем, другой – оператором-наводчиком. Долгое время они были в экипаже одной БМД, но потом Миша их рассадил на разные машины.

Всё, что осталось от брата после подрыва, второй брат сложил в солдатскую плащ-палатку и с этим грузом «вертушкой» его отправили днем в Кабул.

Вечером техник роты «засек», что в кубрике 3-го взвода происходит «неуставщина». Шепелев, нахлебавшись с горя какой-то гадости, а потом, накурившись, с помутневшими глазами воспитывал «молодых».

Офицеры роты как раз в это время за ужином поминали бойцов.

Шура не стал «соваться» сам во взвод, войдя в офицерскую комнату, он подошел к командиру 3-го взвода и взволнованно сказал, что там что-то неладно.

Миша «влетел» в солдатский кубрик, чуть не вышибив дверь с петель, и без слов, одним ударом в челюсть уложил Шепелева. У того началась истерика. Он кричал и плакал, лежа на полу, потом попытался броситься с кулаками на взводного. Его повалили на пол и начали вязать всем, что было под рукой. После этого перенесли в каптерку и закрыли на ключ.

– Ты знаешь, Шура, я в последнее время часто просыпаюсь по ночам, спать не могу, – заговорил Миша Гусев. Он то смотрел на темное окно, то переводил взгляд на Петренко, старательно процеживавшего через марлю в кружки оставшуюся в трехлитровой банке недавно поставленную брагу.

– Смотрю на вас всех спящих, – как-то странно тихо продолжил Миша, – и мне кажется, что Остяков – покойник.

Володя Остяков спал, укрывшись одеялом с головой. Под его кроватью, свернувшись калачиком, дремала Машка, дворняга, которую он подобрал щенком во время операции и выкормил.

Петренко непроизвольно, с опаской посмотрел сначала на кровать Остякова, потом на Машку и шепотом сказал:

– Миша, ты что? Прекрати!

Гусев, немного скривившись, выпил налитую брагу и тоже шёпотом ответил:

– Вы все нормальные лежите, живые, я вижу. Ты, Вовка Васильев, замполит, а Володя – покойник. Мне самому не по

себе становится, но ты понимаешь, я это чувствую и ничего не могу с собой поделать.

В это время в углу комнаты тихо затрещал включённый трофейный «панасоник». Эфир, как всегда, был забит заунывными, как зубная боль, песнопениями, которые сменялись молитвами, угнетающе действующими в любое время суток.

Васильев медленно вращал ручку настройки. После недавнего гепатита он не пил совсем, но в компаниях старался никому не мешать своей трезвостью. Товарищи офицеры ценили в нём это качество и в утешение иногда отдавали самые диетические продукты из офицерского доппайка – порошковый творог и сгущёнку, если она не шла на брагу.

– Гусь, ты хоть с Вовкой не делись своими ночными видениями, и вообще, лучше не каркай на эту тему, – сказал он, выключая транзистор.

– Ну что ты, я ж понимаю, – кивнул Гусев, – только это ничего не изменит, – после паузы добавил он.

Потом, наклонившись, он потрепал по шее спящую Машку, та подняла голову, и её глаза в темноте блеснули, как два уголька.

Мотнув головой, Гусев взял в руки банку и недоуменно посмотрел на бражную гущу на дне.

Помолчав ещё немного, он продолжил размышлять вслух, теперь уже как бы сам с собою и совсем о другом:

– Вот, старшина артбатареи почти год просидел безвылазно в расположении. Заменщик его уже был в Ташкенте. И какой хрен понес его на сопровождение?..

– Называется, сходил посрать, – задумчиво добавил Петренко, – Надо же было ему в те заросли лезть.

В батальоне потом все перебирали подробности гибели старшины. История была ещё свежа. Он, пошел «по нужде» и со спущенными штанами получил очередь в спину из собственного АКСа от того, что спусковой крючок зацепился за ветку.

– Он – придурок, на предохранитель надо было ставить и не изображать из себя рейнджера, – не унимался Шура, строго оценивая действия брата-прапора.

– Ладно, молчи, умный, наливай лучше.

– А нету, командор. Брага – йок.

– Мужики, – продолжал Гусев, – было бы это всё под Прорховкой, я бы отдал концы, не жалея ни о чём.

– А здесь – обидно всё-таки. Хотя там и долг, и приказ... Если бы моя мымра не загуляла, никогда бы сюда не уехал.

Петренко в знак согласия, молча, кивнул головой и добавил:

– Комбат подписал на старшину артбатареи представление, «За б/з» посмертно. Семье передадут и шо? Она ее прокормит?

Гусев ещё раз посмотрел на дно банки и, зевая, заметил:

– А гробы в Кабуле паршивые делают, мне мужики из комендатуры говорили.

– Ладно, давай спать, пить всё равно нечего.

– Шура, позови дневального, пусть уберёт всё.

Петренко замотал головой:

– Не надо, там Слон стоит, он тут такой грохот поднимет, лучше пусть утром уберёт.

Гусев, не раздеваясь, повалился на кровать, которая под его далеко не птичьим весом закрипела всеми своими пружинами.

– Володь, ты спишь?

– Нет, я сплю, Гусь, сердито ответил Васильев.

– Слушай, мне предложили перейти в бригаду на зам. комроты во 2-й батальон. Как ты думаешь, а? – не дождавшись ответа, он продолжал рассуждать вслух:

– А что, там спокойнее... На операции они выходят редко, не так, как мы здесь, машемся чуть не каждый божий день. Мне ребята говорили, что их нашим батальоном пугают, как штрафбатом. А ещё там в офицерской столовой официантки есть, а в медчасти сестрички... Что скажешь?

– Не знаю, смотри сам, скучать будешь без нас.

– Да, хотя бы Вовку пронесло. Боюсь я за него, – Гусев взял пустой стакан, поднес его к лампе и начал разглядывать мутные разводы от браги на его стенках, потом поставил его на стол, вверх дном, и обратился снова к Васильеву.

– Кстати, с тебя причитается за командировку в Термез. Это я предложил твою кандидатуру, если б не перевод, сам поехал бы, – мечтательно сказал он.

– Да? И шо тебе привезти?

– Бабу...

Утром хмурый Шепелев в парке боевых машин на глиняной стене за своей БМД прикрепил кусок борта с номером от подорванной машины Хохла...

Васильеву действительно повезло. Он был назначен от 3-го ДШБ для перегона техники на капремонт в Термез. Старшим от бригады был Толик Градов, его однокашник по КВОКУ, закончивший училище на год позже.

Командировки в Союз считались маленьким подарком судьбы или своего рода негласным поощрением. Цели командировок были разные. Однажды обычный автомат АКС, находившийся в ташкентской прокуратуре на экспертизе по какому-то уголовному делу, стал хорошим поводом для многогоразовых поездок в Ташкент с «благословения начальника штаба бригады».

Командированный офицер добросовестно прибывал в Ташкент в прокуратуру с целью забрать автомат и привезти его в подразделение, где тот числился. В прокуратуре с чувством удовлетворения он узнавал, что экспертиза ещё не закончена и автомат, пока, забрать нельзя.

После этого следовало приглашение ответственной сотруднице прокуратуры в ресторан или одаривание ее афганскими сувенирами.

На следующий день после получения справки из правоохранительного органа о продолжающихся следственных действиях, счастливцев получал возможность использовать оставшиеся дни командировки по собственному усмотрению и для выполнения поручений начальства.

Но Васильеву и Градову, прежде чем окунуться в атмосферу праздника жизни на советской земле, предстояло совершить марш через «неслабую» часть территории Афганистана колонной из двенадцати БМД и БТРД. Пройти больше 500 км на машинах, давно исчерпавших свой ресурс, еще и без операторов-наводчиков – занятие не из скучных.

Однако все возможные трудности перехода меркли перед перспективой оказаться в Союзе в августе. Провести культурно N-ное количество дней в Термезе, Ташкенте, а может, и в Киев, Бог даст, смотаться. Короче, игра стоила свеч! Тем более, что после этого, служебного, еще светил и очередной отпуск.

Те, кому привелось уже побывать в Термезе с подобной миссией, со знанием дела инструктировали молодых лейтенантов о вкусах и скромных потребностях принимающих боевую технику товарищей, хорошо знающих перевод с фарси слова «бакшиш». Отдельными пунктами инструктажа были достопримечательности «города-героя» Термеза и его окрестностей, а также санитарно-венерологическая обстановка в Термезском гарнизоне.

Колонна из Гардеза в составе шести боевых машин под командованием гвардии лейтенанта Градова пришла в Бараки во второй половине дня.

Васильев радушно встретил и разместил товарища по родному училищу в офицерской комнате 9-й роты. Вечер провели за ужином с киевскими воспоминаниями и радужными планами на будущее.

До Кабула решили идти только с попутной колонной: пристроиться к ней и под прикрытием батальона проскочить самую опасную зону до «Мухамедки». Самостоятельно идти через «зелёнку», практически безоружными, было бы верхом идиотизма. У каждого за плечами был уже почти год исполнения интернационального долга в ДРА, который многому научил.

Ну и ещё: на маршруте боевую, только с виду, колонну ждал «славно известный» перевал Саланг. Одно это слово рождало холодок в груди у каждого, кому довелось его пройти. Там, в главном тоннеле из-за плохого регулирования 23 февраля 1980 года много наших военнослужащих отравились угарным газом. Грозный приказ с «разбором полетов» и наказанием виновных был доведён до всех частей не очень ограниченного контингента.

В результате вспомнили о до того никому ненужных противогазах. Толик сам проверил наличие их в каждой машине, прихватив по паре запасных, на всякий случай. Сработала «каптёрская» привычка.

В канцелярии 9-й роты во время изучения карты с выделенным на ней маршрутом движения от внимательного взгляда бывшего каптёра Градова не ускользнула стопка лежащих на полке Коранов. Это была «библиотечка офицера» ротного. Его, недавно раненого при подрыве, отправили в госпиталь в Союз.

Придя на роту из бригады после Серёги Николаева, он не «пришелся ко двору». Поэтому трогательной заботы о его имуществе в маленькой ротной канцелярии, включая коробки с восточными сладостями и конфетами, не наблюдалось. Сладости были по-братски опробованы товарищами офицерами и розданы бойцам. А его коллекцию Коранов замполит роты вообще расценил, как чуждое явление для советского офицера и коммуниста.

Правда, через полгода службы самого блюстителя коммунистической нравственности, по-тихому, в 24 часа отправили на родину за неуставные взаимоотношения с ротным писарем в той же канцелярии. Как тогда выражались, за «мужеложство». У некоторых такая скоростная ротация даже вызвала определенную зависть. Замполит был москвичём.

Увидев потрепанные книжки, исперенные арабской вязью, Градов очень оживился, обращаясь к Васильеву:

– Мне рассказывали, что один прапор в Ташкенте сдал Коран в мечети за восемь тысяч рублей. Представляешь, это же больше чем «Жигули» стоит.

– Да, представляю, мы тоже сдали одну такую книжку в соседнем дуكانе за три банки с консервированными ананасами. Попробуй, может, тебе четыре дадут, если повезет, – скептически отреагировал тот.

– Ничего, «затарим» их, на всякий случай, в БМД так, что ни одна таможня не обнаружит. Надо будет еще прикупить в Кабуле пару китайских кофейных сервизов с мадоннами и ангелочками для «приемщиков». Джинсы, кстати, тоже хорошо там идут.

– Не переживай, купим все в «старом» микрорайоне по сходной цене.

«Старым» называли один из микрорайонов, где жили советские гражданские специалисты и военные советники. На его территории располагался очень «симпатичный» базар, где можно было купить все: и вещи, и продукты, и аудио технику. Правда, посещение его для военнослужащих 40-й армии было запрещено. Доблестная кабульская военная комендатура периодически совершали «набеги» для отлова нарушителей приказа.

Особенно мерзко выглядело то, как женщин из воинских частей, приехавших за покупками, грубо задерживали и везли в комендатуру для проверки.

Группа военных советников работала в Бараках «вахтовым» методом. Ее разместили в помещении местной власти. В эту группу входили представители МВД, КГБ и партии. Старшим у них был, конечно, партийный советник. Батальон отвечал за охрану их резиденции. Туда выезжали на ночь в караул.

В Кабуле у всех советников были квартиры в двух построенных по советским проектам микрорайонах – «старом» и «новом». У некоторых советников и специалистов в Кабуле находились жёны.

Васильев часто со своими бойцами «нес караульную службу» в баракинской резиденции. Несмотря на большую разницу в возрасте и воинских званиях, у него со временем завязалась дружба с руководителем аппарата советников, который оказался из Киева, а также с милицейским советником из Барнаула.

Поэтому Васильев стал иногда гостить у них во время коротких командировок в Кабул для выполнения заказов командования и офицеров батальона по приобретению «колонизальных товаров».

Пожить хоть несколько дней в квартире с горячей водой и красивой мебелью – это, как в отпуске побывать.

Военные 40-й армии откровенно завидовали советникам, не говоря уже о посольских работниках. Зарплаты и условия жизни последних в Кабуле не шли ни в какое сравнение с обеспечением «военного люда» ограниченного контингента.

Ко всему прочему, раз в месяц в специальном магазине военные советники и гражданский персонал имели возможность отовариться набором дефицитных продуктов, в перечень которого входила и бутылка крепких спиртных напитков: столичной водки или армянского коньяка, чего несправедливо были лишены воины-интернационалисты.

Еще больше завидовали жёнам советников и гражданских специалистов женщины-служащие 40-й армии. Оно и понятно. Поэтому они с удовольствием «подменяли» тех жён, которые уехали из Кабула или вообще туда не приезжали. Вся их напускная суровая неприступность в армейских частях куда-то мгновенно исчезала при общении с представителями «старого» и «нового» советских микрорайонов.

Для советских девушек, попавших по контракту в специфические условия армейской жизни в ДРА, было за счастье оказаться под защитой товарищей советников и специалистов, на которых власть военной комендатуры не распространялась.

Как-то Васильев попал в компанию знакомых учителей, работавших в Кабульских школах по гражданскому контракту от Министерства просвещения СССР. С ними он подружился в инфекционном отделении Кабульского госпиталя. Приглашённым в гости медсестричкам, работавшим в советском военном госпитале в Кабуле по контракту Минобороны, он, интереса ради, представился тоже учителем. От теплоты и женского внимания ему уже в середине вечера захотелось поменять героическую профессию советского офицера на мирную учительскую, но в Кабуле.

А ещё в «старом» микрорайоне, который был построен еще в мирные шестидесятые, находился клуб, где по выходным дням организовывали вечера танцев или показывали советские кинофильмы. Там же выступали и приезжающие звезды советской эстрады. Очень запомнилась Васильеву картина, когда толпа советских людей с пригласительными билетами чуть не выломала двери, прорываясь на концерт Кобзона. И концерт того стоил! Кобзона не отпускали часа три, хотя его ждали на афганском телевидении. От жары он чуть не потерял сознание, но держался молодцом. И ещё спел песню о Владимире Высоцком. А это был 1982 год, прошло всего два года после его смерти. Тогда это воспринималось, как гражданское мужество.

Дождавшись «попутную» колонну, «бронегруппа», грозно развернув орудия «елочкой» для психологического воздействия на «духов», приступила к выполнению поставленной задачи.

До Кабула дошли, слава Богу, без приключений.

Технику загнали в «парк» возле «пересылки» для подготовки к продолжению марша. Старшим оставили там механика--

водителя с командирской машины Градова. Почти «демпбель», он был авторитетом для остальных, если что не так, мог и «в торец» запросто дать. Но и без этого механики прекрасно понимали, что ягодки ещё впереди. Все хотели попасть в Союз, поэтому старались делать своё дело «не за страх, а за совесть».

После инструктажа бойцов Толя Градов на попутной военной машине поехал в штаб армии оформлять все документы на капремонт. Васильев же, переодевшись в «гражданку», поехал на такси в «старый» советский микрорайон. У него были ключи от квартиры и задача – приготовить ужин по-домашнему.

Приняв душ, и сладко поспав на широком диване (чёрт бы побрал эту железную армейскую койку в офицерском кубрике!), с чувством, что жизнь прекрасна, он отправился за продуктами. На базаре дуканщики быстро становились друзьями, весело торговались и, широко улыбаясь, сбрасывали цену.

Вечером, когда Толик приехал из штаба армии, борщ, конечно, не такой, как у мамы, Васильев уже сварил. В баре в гостинной глаз гостей особенно порадовала записка с предложением брать все, что душа пожелает. Хозяин квартиры уехал в отпуск в Ленинград, увезя с собой сувенир Васильева – трофейную афганскую саблю. Его благодарность не знала границ.

– Вот это жизнь! – не переставал радоваться и удивляться Толик, обходя четырехкомнатные апартаменты с бокалом армянского коньяка в руке. – По крайней мере, ещё дня два этой «лафы» нам гарантированы. В штабе армии с ума сойти можно пока все оформишь, – продолжил он.

– А в субботу можно будет пойти в клуб на танцы, – подзадорил его Васильев. – Так что, остаемся до субботы?

– Нет, лучше пойдем в кабак на танцы в Термезе, – не согласился Толик.

Очередной переход спланировали от Кабула до Саланга, это приблизительно сто километров. Самым неприятным участком до перевала считалась Чарикарская «зелёнка». Проскочить её без стрельбы можно считать удачей, а перевалить Саланг в этот же день – вообще мечтой.

Толик шёл на головной БМД и задавал скорость. Шоссе выгодно отличалась от гардезского безопасностью, отчего и колонн карнавально разукрашенных афганских «бурубухаек» было больше.

Перед самой «зелёною» стало понятно, что одна из машин из группы Толика уже «приехала». Механик виновато стоял перед открытым люком и укоризненно смотрел на движок.

Толик коротко резюмировал подошедшему Васильеву.

– Пи....ц, движок накрылся. Первый пошёл...

– Что будем делать? Тащить? – неуверенно спросил Васильев.

– На перевал? Ни хрена, оставляем её здесь, впереди стоит наша часть, дотащим её до парка, и пусть дожидается зампотеха. Я его предупреждал, что этим дело закончится.

– Умаров, – он обратился к механику, – остаёшься с машиной. Я позвоню в бригаду, скажу, где ты, чтобы тебя забирали. Сухпай есть? Все, трос доставай. Ташкенту передам от тебя привет.

Умаров грустно кивнул.

– Толик, ты не гони лошадей, а то мы все так доедем...

– Да уж точно, тише едешь, в Термезе будешь, – невесело ответил Градов.

– Товарищ лейтенант, я сестре платок купил и маме материи на платье. Передадите в Ташкенте? – Умаров говорил это так, что казалось, сейчас заплачет.

– А сестра красивая, Умаров? – Градов хотел как-то подбодрить раскисшего гвардейца.

– Я не для себя спрашиваю, вот лейтенант Васильев холостой. Калым большой платить надо будет? Ладно, не расстраивайся, все передам.

– Ну, шо, погнали, вперед за Родину! – скомандовал Толик.

Долго гнать не пришлось. В Чарикарской «зелёнке» стреляли. Колонну остановили на нашем посту и предупредили, что впереди идет «зачистка» со стрельбой.

– Да, мы хоть и в тельняшках, но бережённного Бог бережет. Привал, ночуем здесь, – подвёл итог дня Толик.

Расставив машины на площадке возле поста, Градов с Васильевым, прихватив бутылку водки из НЗ, пошли к каменному зданию, где находился командир стоящего здесь подразделения.

Встретили их по-фронтовому гостеприимно. За ужином, по совету хозяев, решили выехать до рассвета, чтобы проскочить «зеленку».

Васильев пошёл спать на улицу. Чарикарская «зеленка» отличалась от родной баракинской тем, что в ней были большие плантации виноградников. Воздух был свеж. Светила луна. С неба падали звёзды, а в небо летели трассеры. Очень хотелось побыстрее туда, где под этой же луной не будет войны.

Марш, совершённый на рассвете, удался. Проскочили еще до утреннего намаза. Должно быть, удивили местных духов ранним выходом и отсутствием набора традиционных мероприятий при подготовке к маршу: сборов, построений,

перестроений, инструктажей, вытягиваний колонн и полным молчанием в эфире.

Когда начали подъём по серпантину Саланга, Васильева не покидала мысль: хорошо, что сейчас август. Можно только себе представить, как тут весело зимой. Когда же он увидел одну из своих машин, стоящую у обочины с видом на пропасть, сердце нехорошо ёкнуло. И летом тут может быть «весело».

– Товарищ лейтенант, не тянет, сука, – высунувшись наполовину, прокричал ему механик, когда они остановились позади стоящей машины.

– Да, тут уже не бросишь так, как перед Салангом, – подумал Васильев.

– Быстро давай трос! – дал он команду уже спрыгнувшему с машины механику.

– Ну что, а мы потянем, Ваня? – обратился он к Кожевникову, которого забрал с собой в командировку, потому что чувствовал себя с ним спокойно, всецело ему доверяя. Почти год тот был его механиком на 395-й. Вместе им «везло».

– В гору тяжеловато будет, боюсь, что перегреемся, товарищ лейтенант, а на спуске можно будет, если что...

– Ясно, дай мне автомат, – решение он уже принял.

Став впереди БМД, он начал наблюдать за проходящими мимо «бурубухайками». Когда показалась не очень гружённая и более-менее мощная на вид, он вышел на середину проезжей части и показал водителю поднятием руки с автоматом остановиться. Водитель выполнил команду беспрекословно.

Ученик водителя, ехавший, по чудной афганской традиции, стоя на задней подножке, соскочил и подложил деревянную чурку под колесо. Водитель вылез из кабины и бойко затараторил, жестикулируя руками.

Васильев русскими словами и жестами показал, что надо взять на буксир БМД. Водитель разгорячился ещё сильнее.

Но после повторения просьбы, подкрепленной целеуказанием АКСа, резко успокоился. Он кивнул «стажеру» и тот пошёл к механику, уже приготовившему трос, чтобы зацепить его к крюку.

– Ничего, ничего, БМДшка легкая, алюминиевая, потянете с помощью Аллаха, – подумал Васильев. Так все и получилось, Слава Аллаху!

Их маленькая колонна продолжила подъём и, неспеша, дошла до главного туннеля. Перед тоннелем машины выстроились в очередь для его прохождения по команде регулировочной службы.

Градов, ожидал Васильева возле регулировщиков. Водитель «бурубухайки» выскочил из кабины и стал снова бойкотировать и жестикулировать.

- Кожевников, дай ему пачку сигарет, шоб успокоился.
- БМД в колонну, бери на «сцепку».
- Ну как вы? – Градов подошёл к машине Васильева.
- Дошли с помощью Аллаха. Вниз будет веселее.

А в это время к ним уже с грозным видом приближался майор с поста комендантской службы.

– Что вы тут за собачью свадьбу устроили товарищи лейтенанты, – с места в карьер попёр он.

Ответ товарищей лейтенантов майору был дан в таком же тоне с учётом года службы в ДРА и принадлежностью к десантно-штурмовой бригаде, а не к какой-то тыловой шушере...

Когда колонна по разрешающему зелёному сигналу устройства, напоминающего светофор, двинулась в туннель, Васильев, сидя на башне, трижды перекрестился и положил возле себя противогаз. Кстати, о дополнительных патронах к противогазам, которые выдавали на случай аварийной остановки в туннеле, чтобы не задохнуться от угарных газов, они понятия не имели.

Попустило его, когда он увидел свет в конце тоннеля. Снова перекрестился, но уже с облегчением. Три километра показались, как все тридцать.

Подумалось, что всё самое страшное теперь позади.

Спуск прошли нормально. По радиостанции с Толиком поделились впечатлениями и решили, что задача дня успешно выполнена и будем идти до упора с ветерком.

То, что произошло возле Пули Хумри, было из разряда «не кажи гоп, пока не перескочишь».

Когда Толик остановил головную машину, чтобы подтянуть колонну и сделать короткий привал после Саланга, механику одной из стоящих в колонне БТРД вдруг «взбрендило» в голову объехать впереди стоящую БМД. Он резко взял влево и рванул вперед. Как всегда, непонятно откуда взявшийся боец решил перебежать дорогу, и в мгновение был сбит насмерть...

– Приехали..., – Градов, бледный, как скатерть, подошёл к подъехавшей машине Васильева.

– Будем ждать то ли прокуратуру, то ли комендатуру...

Через несколько часов колонна продолжила движение. За это время Толик написал объяснительную записку приехавшему представителю комендатуры.

Механика, сбившего бойца, тот забрал с собой. В глазах у механика стояли слезы.

Труп увезли в Пули-Хумри. Осиротевший БТРД взяли на цепку и потащили дальше.

– Идем, потихоньку, до конца дня, – Толик вышел по связи на Васильева, после того, как колонна начала движение.

– В общем, чем дальше в лес, тем голодней партизаны, – ему хотелось поговорить, чтобы немного снять напряжение.

– Если все будет нормально, дойдем до Серебряного озера, – предположил Васильев без всякой на то уверенности.

Про это место рассказал командир подразделения за вчерашним ужином. По его словам, Серебряное озеро уникально по красоте. Вокруг скалы, небольшой отель, построенный ещё во времена короля. Там любили отдыхать западные дипломаты из Кабула. В озере чистейшая вода, и вроде как, на дне есть серебряные залежи. Только колоннам там не разрешают останавливаться для длинных привалов и ночлегов. Старшим же этого поста, по непроверенной информации, является выпускник Киевского ВОКУ. Эта новость вселяла оптимизм.

Хотя и шли, не торопясь, к вечеру на сцепке были уже три машины.

Механикам тоже очень хотелось дойти до Серебряного озера. Во время одной из остановок, общаясь с «водителями» стоящей колонны, они узнали и доложили, что фамилия грозного старшего поста возле озера – лейтенант Лось.

Васильев, услышав фамилию, повеселел:

– Толик, может быть, это не Лось, а Лэсь. Тогда всё будет класс.

С Шурой Лэсем они учились вместе в одном взводе в Киевском Суворовском, а потом в 4-й роте КВОКУ. В СВУ бывало, что новые учителя его тоже обзывали «суворовцем Лосем», на что он сильно обижался, и сердитым тоном под добродушные смешки одноклассников поправлял преподавателя.

Васильеву очень захотелось, чтобы это был именно Шура Лэсь.

– Ну, на войне, как на войне, дай Бог, доехать..., – Толик очень стал осторожен в планах, было от чего.

К вечеру колонна дошла до желанного места. Васильев сразу же направился к живописно расположенному на возвышенности отелю.

Перед входом его остановил боец, зачуханного вида, стоящий, как бы на посту.

– Фамилия командира! Быстро! – строго и громко сразу же спросил Васильев, пресекая этим попытку караульного выполнить свои обязанности по «охране и обороне» покоя командира.

– Лейтенант Леесь, – мягко по-восточному, ответил славный сын узбекского народа.

– Комната? – еще строже спросил Васильев.

– Дэсят, даа..., – ележно раздалось в ответ.

– Подтяни ремень, – так же строго сказал Васильев, и решительно направился мимо караульного.

Предвкушая радость встречи, он намеренно без стука резко открыл дверь. Лейтенант Лэсь лежал на койке, не разувшись, и листал журнал Плейбой.

– И встать, когда с тобой разговаривает подпоручик! – весело скамандывал Васильев.

Лейтенант Лэсь сначала в недоумении гневно посмотрел на открывшуюся дверь и на посмеявшегося войти без стука незванного гостя.

Потом вскочил и бросился навстречу улыбающемуся Васильеву.

– Йо мое! Володя! Откуда?!

– Из Бараков, вестимо.

Они крепко обнялись.

Сутки товарищи офицеры провели, как в гареме, только без женщин. Купания при луне, пиршество с барашком под водочку и полный набор фруктов и восточных сладостей в любое время дня и ночи.

Бойцы тоже ели «от пуза» и спали. Возможность такого изобилия объяснялась тем, что мимо поста проходил трубопровод ГСМ из Союза.

Во взаимодействии с обслуживающим его подразделением, в случаях экстренной необходимости, под покровом ночи

краник открывался для наполнения ёмкостей разного объёма представителям дружественного афганского народа. А чтобы не обидеть их, принимали за это скромный «бакшиш» натуральный или денежный.

При этом руководствовались методичками Главного политического управления, где чёрным по белому было написано: чтить и уважать нравы, обычаи и традиции местного населения.

Ну, а слитое горячее легко списывалось на систематически происходившие подрывы трубопровода.

В перерывах между приёмами пищи обсудили с Шурой дальнейший маршрут на Родину и по его совету решили идти на понтонно-мостовую переправу Айвадж, а не на Хайратон.

Дорога шла, «как-бы навпростоць», всего пару десятков километров, через участок горно-пустынной местности. На переправе, как правило, было немного машин, а на нашей стороне проверяли только «погранцы» без таможенников.

После пройденного пути, и целых суток отдыха – это, казалось, не представляло особой проблемы. Да особо и не думалось о возможных новых трудностях марша, хотя на сцепке шли уже четыре машины.

На рассвете тепло попрощались с Шурой и тронулись в путь сытые и довольные.

Через десяток километров постепенно стали приходить в сознание. Движки нещадно грелись, на многих участках песчаные бугры передвинулись прямо на дорогу, поэтому скорость была черепашня. Когда солнышко пригрело, оказалось, что в машинах почти нет питьевой воды – «по три глотка на брата». Просто не додумались пополнить её запасы, так ослабились все у озера.

К полудню у Васильева было уже ощущение, что они дней сорок бредут по этой пустыне, где солнце, действительно, белое. Серебряное озеро представлялось каким-то далеким миражом. Все пути продолжать движение потерпели неудачу. Колонна остановилась. Вода вышла окончательно. По приблизительным подсчётам до переправы оставалось километров восемь-десять. Ни встречных, ни попутных машин не было. Справа и слева барханы. Бойцы с пересохшими губами и мутными глазами сидели у раскаленных машин.

– Вот тебе, бабушка, и Айвадж, – ворчит Толик и поднимается на песчаный бугор, с которого Васильев, поднеся ладонь лодочкой к панаме, обозревает близлежащую местность.

– Ну что, не видать там Красной армии? – спрашивает он.

– Ни хрена, – «обстоятельно» докладывает результаты своих наблюдений Васильев.

– А сколько человек без воды прожить сможет? Что там, в книжках про путешественников писали? – Градов садится на песок и продолжает рассуждать, – Командир должен головой думать, а не только шашкой махать...

– Да, как-то мы быстро спеклись. Всего-то градусов сорок пять по Цельсию, – Васильев, прищурясь, вглядывается в белизну неба и не видит солнца, – Если тут остаться на ночь, духи, наверное, нас и навесят, и умоют, и дадут напиться, хорошо, если водичкой. Подождем? – он зло шутит, глядя, как Толик, словно ребенок в песочнице, набирает ладонью песок и высыпает его обратно.

– И, как по закону подлости, ни одной машины за полдня по нашей дороге..., – продолжал сокрушаться Толик.

– Так все они на Хайратон идут по шоссе... Вот Шуре расскажу, смеяться будет, – откликнулся Васильев.

– Значит так, – после паузы подытожил Толя, – Я решил: все – на первую машину и рвём до переправы. Там наш пост стоит, и что-нибудь придумаем.

Они с Васильевым сбегают с бугра к колонне. Толик громко командует, и механики бредут к своим машинам за оружием и рассаживаются на первой БМД.

– Бурят! Ты остаёшься здесь на охране. Мы быстро. Возьми оставшуюся воду, – Толик протягивает рыжему и конопатому Сидорову, родом из Улан-Удэ, свой последний резерв – горячую десантную флягу. Тот облизывает губы и грустно смотрит на взводного.

Потом много раз Васильев спрашивал себя и не мог ответить, почему они оставили одного бойца для охраны, что это давало, кроме огромного риска? Объяснение каждый раз приходило одно: это жара так на мозги подействовала, но это было не оправдание.

– Кожевников, заводи поехали...

Пробуксовывая, машина заревела и пошла вперед, вырываясь из песчаного плена.

Когда вдруг впереди показалась «шоколадная», извивающаяся ленточка Аму-Дарьи, рев восторга бойцов на броне понёсся в небо.

До реки было метров пятьдесят, слетев, как воробьи, с БМД, ещё не успевшей остановиться, обгоняя друг друга, бойцы побежали к реке. После того, как машина остановилась, Васильев и Толик спрыгнули и, не спеша, молча, побрели вслед за ними.

На глинистом берегу, куда они подошли, оказался небольшой деревянный мосток и что-то вроде сруба из досок в воде. Внутри этого колодца вода была чуть светлее, чем в главном течении. Бойцы уже все были в реке, барахтаясь и резвясь, они обливались и жадно лакали коричневого цвета воду.

Васильев вышел на мосток, стал на корточки, набрал из колодца полную панаму воды и, обливаясь, выпил ее залпом. Еще одну панаму воды он выпил уже постепенно, третью панаму он вылил себе на голову.

– Хорош балдеть! По местам! – команда Толика теперь прозвучала бодро и зло, командирский голос прорезался после водопоя.

На посту возле переправы они увидели отгороженное колючей проволокой место, что-то вроде парка боевых машин, куда загонялась приходившая для переправы боевая техника. Там стояли грузовики, несколько БТРов, явно не на ходу, и три танка.

Только теперь к охлажденным головам Васильева и Градова вернулась настоящая тревога за оставленного Бурята, в первую очередь, ну и за кучу железа, с которым тоже надо было что-то делать.

Фронтное братство и взаимопомощь, как же это часто выручало в самых разных ситуациях!

Старшим на посту был командир танкового взвода.

Без лишних слов, через двадцать минут два танка с механиками на броне двинулись к оставленной колонне.

Самым счастливым мгновением для Васильева и Градова в тот день стало то, когда под «носом» головного БТРД они увидели сидящего на песке красного, как рак, веснушчатого маленького Бурята. Рядом лежал АКС, «лифчик» с магазинами и фляга.

Толик бросился к поднимающемуся Буряту навстречу и начал его обнимать и тормошить, тот стоял смущённый и вялый. Васильев тоже не смог сдержаться и крепко обнял ставшего вдруг таким родным солдата. Бойцы захватили для него двадцатилитровую канистру с водой из колодца возле поста и стали его поливать, тоже тиская, и радуясь встрече.

После того, как доблестные танковые войска вытащили десантную броню из этой маленькой «Сахары», двое суток механики колдовали над вконец измученными машинами.

Самым же удивительным оказалось то, что эпидемиологическая обстановка в рядах сводного десантного отряда в последующие часы и дни оставалась стабильной, проще говоря, понос после употребления в больших объёмах аму-дарьинской воды не постиг воинов-гвардейцев.

– Кстати, для особенно непонятливых – на топографической карте эта местность обозначена, как Пески бугристые, высота бугров 7–8 метров, – глубокомысленно заметил Васильев, разглядывая карту, когда они с Градовым сидели в парке, наблюдая за работой механиков.

– Важное географическое открытие. А что у тебя по топографии было в училище?

– Не помню, «хорошо» или «отлично».

Но до изучения ли карты было на Серебряном озере. «Пуль-ку» на картах, конечно, успели расписать, но дальше этого дело не пошло. И кто знал, что эти бугры ещё и на дорогу выходят.

Из общения на посту с командиром танкового взвода «нарисовалась» ещё одна проблема. Боевые машины, переходящие речку, должны были быть без боеприпасов. «Погранцы» тщательно проверяли всю боевую технику.

В БМДэшках не было снарядов для пушек, зато в наличии оказался полный боекомплект для пулеметов. И что делать со всем этим добром, было неясно. Сдать его невозможно, потому что некому. Сваливать в кучу пулеметные ленты на территории парка не хотелось, чтобы не обижать ребят с поста, т.к. они отвечали за эту территорию.

Поэтому на проведённом «двуличном военном совете» Градов и Васильев приняли единственно возможное решение – «концы в воду!». После этого навьюченные лентами механики караваном побрели к облюбованному деревянному мостику и оттуда предали реке все имеющиеся патроны калибра 7,62 мм в снаряженных лентах.

Двинуться через мост смогли лишь на третий день после обеда. Половина машин шла на сцепке.

Свой берег встретил густой прибрежной зеленью, в то время как за спиной оставалась выжженная солнцем пустыня.

Старший смены, «холёненький лейтенантик» пограничных войск во время проверки документов всё время старательно делал строгое лицо. «Погранцы» начали тщательный досмотр машин. Механики скучали возле брони и с ухмылками наблюдали, как те складывали на кучку найденные в закутках завалявшиеся патрончики. При этом «затаренные» в машинах китайские сервисы оказались вне их внимания и досягаемости.

Бурят, демонстративно сплюнув в сторону «искателей патронов», пошёл по надобности в густые камыши возле берега и вернулся оттуда с бутылкой водки.

Толик с интересом посмотрел на находку, это была «Столичная». Он отвинтил пробку и понюхал.

– Все ясно, военно-водочный бизнес по-узбекски. Бурят, можешь выпить её до дна, разрешаю.

В бутылке была вода. С такими штуками воины-интернационалисты уже были знакомы, покупая оптом, реже – в розницу «огненную воду» в местных торговых точках для перевозки её на афганский берег. Предприимчивые восточные бизнесмены не утруждали иногда себя розливом даже «паленой» водки, а попросту заливали воду.

«Хороших» часа три провели на границе, с нетерпением наблюдая за пограничным «шмоном». Ну, а когда товарищ лейтенант пограничных войск КГБ СССР начал рассказывать, как надо правильно воевать в Афганистане, терпение стало оставлять офицеров – десантников и они перешли на повышенные тона.

Движение в направлении конечного пункта путешествия отвоевавшая колонна начала вечером. До Термеза оставалось около девяноста километров. Но это же была своя дорога и без мин, и без засад. Ощущение мира и безопасности пьянило всех. Километров двадцать шли, кто, как мог, по скорости, не особо соблюдая дистанцию.

Толик остановил головную машину Бог весть, в каком поселке. Вдоль шоссе простирались виноградники и бахчи с дынями. Когда колонна подтянулась, он дал команду на привал и ночлег.

– Бурят, давайте, дуйте с Акиншиным к землякам в гости в ближайший дом. Поговорите насчёт ужина.

Акиншин родился и вырос в Ташкенте, его родители, бабушка и дедушка жили там, поэтому Толик взял его в командировку.

Гонцы вернулись очень быстро.

– Хозяин просит продать тент с БМД и за эти деньги он нам даст еды на всех, – немного сконфуженно доложил Акиншин.

– Ну, вот и традиционное восточное гостеприимство. И сколько дает за тент земляк?

– Рублей девяносто, но можно поторговаться.

– Володя, ну шо будем делать? – обратился Толик к Васильеву, сидящему на башне с гроздьёю винограда.

– Конечно, даём, на кой черт нам нужен этот тент? И без него примут.

Ужин под звёздами с лепешками, мясом, виноградом и дынями показался необыкновенно вкусным.

Спали все безмятежно на броне и теплой земле, расстелив на проданные тенты и матрасы.

Тронулись в путь с восходом. Ближе к обеду в Термез от колонны вошли три БМД. Васильев и Градов сидели на бронемашины Кожевникова, за ними шли ещё две – на сцепке. Остальные остались на трассе, на подходе к Термезу.

Жара зашкаливала. Воздух был сухой и горячий. В Термезе первое, что бросилось в глаза, это стоящие на тротуаре вдоль дороги бочки с прохладительным напитком. В европейской части Советского Союза в таких продавали квас. Здесь же продавался морс.

В Учкизыле, маленьком городке около Термеза находилась база, где сосредоточивалась техника для отправки на заводы в капремонт.

Там, на базе Васильева и Градова очень радушно встретил майор, дежурный офицер по оперативной группе. Толик сразу же вручил ему «бакшиш» и рассказал, что остальные машины стоят по маршруту.

– Ребята, вы своё дело сделали. Машины притянут сюда наши люди, не волнуйтесь, и со сдачей я вам помогу, – гостеприимно и доброжелательно пообещал майор, – Я дам дежурную машину. Вас отвезут в Термез в офицерскую общагу, там где-нибудь пристроят. Рядом офицерское кафе поедите там. Если захотите сдать чеки, тоже обращайтесь, чтоб не «нажухали» аферисты.

В общаге офицеров поселили в комнату со свободными койками, хозяева которых выехали на полигон.

– Ну, теперь – в кафе. Мне нравится город Термез, – удовлетворенно заметил Градов, когда они бухнулись на койки.

– Ташкент лучше, – философски ответил Васильев.

В кафе первый вопрос, с которым Толик обратился к пожилой официантке, был очень прост и незамысловат.

– Скажите, у вас водка есть?

– Сынки, она тёплая, у нас холодильник сломался.

– Ну, что же делать, несите. Будем пить тёплую, как японцы.

Когда после сытного обеда и тёплой водки они вышли на пышущую сухим жаром улицу, их сразу потянуло к бочке с морсом, и это была ошибка, потому как утолить жажду хватило только на отрезок пути около 400 м до второй бочки, потом была третья...

Кроме бочек с морсом, местной достопримечательностью были арыки, проложенные вдоль тротуара.

Возле третьей бочки им стало весело от происходящего. Под ласковую и всепонимающую улыбку продавца морса, они сняли с себя свою полевую форму и аккуратно сложили её на бережке. Затем осторожно зашли в арык и уселись посреди его «фарватера». Вода им была по грудь. Они счастливо улыбались, глядя друг на друга...

После успешной сдачи техники в Термезе, благодаря розданным «бакшишам», в командировочном предписании дата отъезда в «родной Афганистан» была прописана на неделю вперед.

Таким «макаром», у сводного десантного отряда появилось семь дней на «разграбление» города. Пребывание в Термезе, учитывая температуру воздуха, приближающуюся к 50 градусам по Цельсию, оставило не только самые жаркие, но и душевные впечатления. Дамы в ресторанах термезского гарнизона с большим вниманием и теплотой относились к воинам-афганцам. Те, в свою очередь, отвечали взаимностью и презентами из афганских «дуканов».

Способ утоления жажды морсом на второй день был решительно изменён в пользу холодного шампанского. Градов и Васильев пили его так, как представители загнивающего Запада глотают «враждебную кока-колу». С шампанским коротали и пыльную дорогу в купе поезда Термез–Ташкент.

В Ташкенте сразу поехали к родным Акиншина – бабушке с бабушкой. Дедушка, а для них – дядя Ваня, как старый фронтовик, разместил на постой восемь бойцов радушно и без лишних вопросов. За хрупкими плечами бабушки был свой нелёгкий опыт военных лет. Она в свое время приехала товарняком в Ташкент в эвакуацию, да так и осталась здесь на всю жизнь. «Ташкент – город хлебный» – так назывался

один из советских романов и созданный по нему кинофильм, повествующий о непростых временах.

Командирское совещание провели за столом с баранками, восточными сладостями и зелёным чаем в пузатом, фарфоровом «заварнике». Дядя Ваня степенно колдовал над чаем, переливая его из «заварника» в пиалу, а затем обратно.

Самым главным вопросом «мирного гостевания» было хранение оружия. Покряхтев, дядя Ваня принял его по описи и сложил на антресолях, превратив их в ружейную комнату.

Инструктаж рядовых гвардейцев был предельно откровенен и прост: их товарищи командиры убывают на 5 суток в город их курсантской молодости Киев. Остальной личный состав получает увольнение на этот же срок. Всем надлежит переодеться в гражданскую форму одежды, но воинскую дисциплину не нарушать! Каждый головой отвечает за себя, но должен помнить, что вся ответственность лежит на их командирах. В случае выезда на родину, кому не далеко, пользоваться только поездом, где не проверяются документы. Сбор у дяди Вани в назначенное время.

В общем, товарищи лейтенанты грубо нарушили весь свод воинских уставов. Но это по меркам мирного времени. В условиях же выполнения интернационального долга самоуверенные лейтенанты были убеждены, что дело их правое и никаких сомнений в принятом решении у них не возникало.

В глубине души каждый отдавал себе отчет в том, что по завершении командировки может случиться всё, и никто из них не застрахован от возвращения на Родину в следующий раз «Черным тюльпаном».

После размещения личного состава, которому для ночёвки была выделена гостиная с плацкартными местами на полу, Градов и Васильев отправились в гости к родным лейтенанта

Игоря Чернецкого, где всегда были рады сослуживцам сына и внука.

Вечером пригласили на ужин в «Заровшане» сестрёнку Игоря и его супругу. Здесь, как всегда, царила праздничная атмосфера, украшенная восточными танцами на сцене и пестрыми легкими шёлковыми нарядами женщин в зале. Сюда «на огонек» заходило много «афганцев». После сбора хлопка в ресторане собиралось студенчество и местная интеллигенция, чтобы отметить возвращение с «битвы» за хлопок. Из общения с ними Васильев узнал много нового о режимном ударном труде на хлопковых плантациях.

Плакаты с рекордными цифрами собранного урожая хлопка для советской страны под чутким руководством коммунистической партии встречали прилетающих пассажиров в аэропорту, и сопровождали на всем пути следования по городу. На этих плакатах широко улыбался, радуясь собранному урожаю, дорогой Леонид Ильич Брежнев.

На следующий день офицеры совершили «культпоход» в «чековый» магазин. Заинструктированные перед выездом Васильев и Градов высокомерно отбрасывали все заманчивые предложения по обмену чеков «Внешпосылторга» на рубли, поступавшие как от отдельных граждан, так и групп товарищей, явно не участвовавших в сборе хлопка по идейным соображениям.

Васильев купил в подарок папе небольшой «Панасоник», а для мамы ещё в Кабуле был приобретён кофейный сервиз.

Гордые тем, что не попались на удочку ташкентских аферистов, они затем поехали в Ташкентское ВОКУ, где проходил выпуск молодых офицеров. Градов хотел кому-то передать привет из 56-й ДШБР. Причём оба «вырядились» с афганским шиком в выгоревшую спецназовскую «песочку» и кепи.

В училище был день открытых дверей. Но на главной аллее их остановил полковник, заместитель начальника училища и отчитал, как нерадивых курсантов.

– Товарищи лейтенанты, как вам не стыдно? Сегодня здесь праздник, а вы пришли пугать девушек и мам своим фронтовым видом.

Сказав это, он развернулся и, чеканя шаг, пошёл в сторону плаца.

Пристыжённые «афганцы» опешили от услышанного и даже не попытались что-либо возразить.

– Пижоны, нечего сказать, – невесело заметил Градов. – Пошли отсюда, не будем людям портить праздник.

– Да, поехали домой, нам ещё билеты брать надо на самолет, – грустно ответил Васильев.

Перед глазами у него стоял свой выпуск из училища. Мама, папа и Ирина в бальном платье с цветами. А накануне выпуска умер начальник училища Вениамин Иванович Ляшко, «Веня», как его называли курсанты. Всё это теперь казалось далеким прошлым.

В аэропорту шум и суета возле касс напоминала восточный базар. Васильев решил лететь на Днепропетровск, чтобы навестить родителей. Градова ждала супруга в Москве у своих родителей.

Ни на Днепропетровск, ни на Москву билетов не было. Выход из затруднительной ситуации был хорошо знаком воинам--интернационалистам.

– Товарищи, у нас бронь, – Градов культурно, но решительно пошёл на штурм к амбразуре кассы, держа в руках синий служебный паспорт.

– Извините, пожалуйста, мы от военного коменданта, – Васильев прикрывал его прорыв, быстро реагируя на слабые возражения томящихся в очереди к кассе граждан.

Кассирша приветливо улыбнулась и взяла синие паспорта, в каждый из которых были вложены по пятьдесят чеков одной купюрой.

После приобретения билетов на дорожку взбодрились шампанским в буфете аэропорта.

На трапе самолета Васильев, вдохновлённый шампанским, подобрал кем-то обронённый букет цветов и вручил его барышне, оказавшейся на соседнем кресле. Правда, чуть позже его пришлось вернуть стюардессе.

Самолёт приземлился в Днепропетровске около десяти часов вечера. Душа Васильева пела от предвкушения встречи с домом. Оставалось только решить, как добраться до родных Жёлтых-Вод. Можно поехать к днепропетровским родственникам и заночевать у них, а утром добираться автобусом. Но так хотелось поскорее оказаться дома!

На стоянке такси было много машин, а водители сновали в толпе прибывающих пассажиров и предлагали свои услуги.

– Сколько до Желтых Вод? – поинтересовался он, ради интереса, у приблизившегося к нему таксиста.

– Сто, командир, – кратко ответил тот. Это было больше чем билет на самолет Ташкент-Киев.

– Сколько той жизни, главное, что через три часа буду дома, – подумал Васильев.

– Поехали.

– Едем, командир, давай только пять минут подождём, может быть, ещё кого-нибудь прихватим.

Из здания аэропорта продолжали выходить пассажиры ташкентского рейса. К ним приблизился подтянутый мужчина лет тридцати пяти в батнике и в джинсах из Афганистана, сильно отличавшихся от здешних. В одной руке он нёс увесистый портфель в другой пакет с новыми джинсами.

– Ребята, Вы куда едете?

– А вам куда? – живо отреагировал таксист.

– Я в Кривой Рог в командировку на комбинат.
– Можно, только через Жёлтые Воды.
– Отлично, едем, – сказал он с улыбкой.
– Меня зовут Слава, – он протянул руку Васильеву. Рукопожатие было крепкое. Черты лица чем-то напомнили барда Владимира Высоцкого.

– Что, из-за речки? – вопрос звучал по-ташкентски. Я, вот, тоже «бакшиш» везу в Кривой Рог, ваш, афганский. Он показал пакет с джинсами.

Разместились на заднем сидении. Васильев за водителем, попутчик Слава возле дверей. Машина потихоньку тронулась и, проехав метров тридцать, остановилась у голосующего товарщика, в очках и кожаной папкой в руке. Он открыл переднюю дверь.

– Шеф, можно с Вами до города?
– Садись, только быстрее.

Метров через двадцать стоял ещё один голосующий. Водитель обернулся и спросил Васильева извиняющимся тоном:

– Подберём, если он до города?
– Конечно, – согласился Васильев.

Машина с полным экипажем наконец-то набрала скорость. Из радиоприёмника зазвучала песня Челентано, и от этого стало ещё теплее на душе.

Попутчик, сидящий на переднем сидении, обернулся и участливо обратился к Васильеву и сидящему рядом с ним Славе:

– Что, ребята, из Афганистана?
– Нет, я из Ташкента, – ответил небрежно Слава.
– А шо, заметно? – весело спросил Васильев.
– Мне мои коллеги рассказали, что в военный госпиталь из Ташкента стали переправлять много «афганцев» с гепатитом в инфекционное отделение. Они же анекдот афганский переска-

зали тоже: «В кабаке офицер-афганец в третий раз приглашает подругу на танец и во время разговора только что-то мычит нечленораздельно. Подруга смотрит на него и спрашивает с опаской: А что у вас с речью? Вы нормальный? – Да, – отвечает офицер, – только у меня язык колом встал.

В салоне раздается дружный смех.

– Я тоже слышал новый анекдот, – подключается пассажир с заднего сидения: «В парикмахерской стрижется афганец. Парикмахерша его раз за разом спрашивает: Как обстановка в Афганистане? И он каждый раз отвечает: нормализуется... Когда она его достригла, он обращается к ней: А зачем вы меня так часто про обстановку в Афганистане спрашивали? – Когда я спрашивала, у вас волосы дыбом становились, стричь легче было».

Снова звучит громкий смех.

– Классно едем, – говорит пассажир в очках. – Я в аэропорту провожал коллег на медконференцию, и мы весело коротали время за коньячком и картишками. Сегодня ребята со «скорой» забавную игру показали. Тринька, называется. Могу показать, если хотите.

– Да тут неудобно играть, – неуверенно возражает Слава, сидящий теперь вплотную с Васильевым.

Пассажир, сидящий за ним, вступает в беседу:

– Нет, ну если только посмотреть. А это много займет времени?

Васильеву весело от предложения, тем более, что в батальоне они тоже коротали время за картами, только расписывали «Пульку».

Пассажир с переднего сидения разворачивается к ним, поправляет очки, кладет папку на колени сидящих и сдаёт по три карты.

– Это быстро. Только надо всем сделать символический банк из мелочевки, – он кладет «трешку», остальные следуют его примеру и складывают в банк по мелкой купюре.

– И что дальше? – спрашивает сосед Славы.

– Ничего, это все. Можно вскрыться, и у кого больше карты, тот и выиграл банк.

– Ну что, вскрываемся? Или можно ещё круг сделать, только с повышением, – он кладет в банк пятёрку. Все смотрят в свои карты и добавляют в банк, каждый повышая на несколько рублей.

– Да, не шахматы, – замечает Слава и вскрывает карты.

Все вскрывают карты, у Васильева больше всех.

– Всё, банк твой, командир, – говорит пассажир в очках и передаёт Васильеву кучку купюр.

– Надо же, – думает Васильев, – и в карты сегодня везёт.

Народ в салоне улыбается. Пассажир с первого сидения собирает колоду и обращается к водителю, уточняя, как тот будет ехать через город.

– А можно ещё разок? – спрашивает неугомонный пассажир. – Ну, шоб отыгаться, я чувствую, мне повезёт и будет на пиво.

– В принципе, можно, если только остальные не против. Как говорится, гусары пьют до дна... Но только разок, а то мне скоро выходить.

Он тасует колоду, даёт сбить Васильеву и раздает карты. В банк он бросает «двадцатипятирублевку».

– Ого, – говорит инициатор игры, – да тут не на пиво, а на коньяк армянский хватит. Ладно, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Даю тридцать.

Слава, молча, кладет сорок и смотрит на Васильева.

– Ладно, мизера ходят парами, – думает Васильев, – и достаёт из заднего кармана «полтинник».

– Теперь можно или вскрываться, или повышать банк, – дирижирует процессом пассажир с переднего сидения.

– Эх, была не была, – он открывает свою кожаную папку и достает из неё сто рублей купюрами по двадцать пять и кладёт в банк.

– Ничего себе, – озадаченно замечает любитель пива. – Мы так не договаривались, я – пас, а то от жены точно достанется.

Наступает очередь Славы. Он долго смотрит в свои карты, покакает языком, лезет в карман джинсов и кладет в банк сто пятьдесят рублей.

Чтоб не ударить в грязь лицом, Васильев с каким-то, непонятно откуда взявшимся азартом, достаёт портмоне и отсчитывает двести рублей.

– Ну, мужики, вы даёте. У меня только казённые деньги, – пассажир снимает очки, протирает их. Заметно, как он нервничает. Он вытирает лоб носовым платком. Затем снова открывает замок кожаной папки и кладет в банк двести пятьдесят рублей.

– Пас, – Слава качает головой, – так я до Кривого Рога не доеду.

Васильевым овладевает спортивная злость. Он прикидывает, что наличкой у него осталось триста и сто за такси. Остальные деньги на банковском счету в сберкнижке. Правда в сумке в багажнике есть ещё чеки и магнитофон. Нет, это НЗ и подарок. Мысленно решает он:

– Есть такая команда в армии: Отставить!

Внимательно наблюдая за нервничающим очкариком, теперь он так его окрестил, Васильев, стараясь выглядеть уверенным, выкладывает в банк триста.

Слава смотрит на банк и Васильева и неодобрительно покачивает головой, стараясь чтобы было незаметно, он поворачивает свои карты в сторону Васильева. Хотя, это и необязательно, У Васильева масть все же сильнее. В это время очкарик

ёрзает на переднем сидении и суетно начинает шарить по всем карманам. Достает мятые купюры, считает и складывает в банк.

– Здесь триста двадцать. Предлагаю вскрыться, – слегка заикаясь, говорит он и снова протирает лоб платком.

У Васильева больше нет выбора. Повышать ставку больше нечем.

– Вскрываемся, непринуждённо говорит он и открывает карты. Очкарик всматривается и со вздохом облегчения открывает свои карты. У него больше. Он снимает очки и протирает стекла.

– Вот это повезло, – вскрикивает сосед Славы. – Да-а-а, ну, ничего, командир, тебе в любви повезёт...

Очкарик собирает деньги в банке и прячет их в папку. Всматривается в окно и просит водителя остановить через пятьсот метров.

– Да, бывает же такое, – вроде как виновато произносит он и протягивает всем руку для прощания. Рука у него влажная и рыхлая.

– Вот же повезло, – продолжает завидовать разговорчивый пассажир после того, как очкарик выходит из машины.

– Ничего, переживём, – отвечает Васильев и отворачивается к окну. Ему уже надоедает этот говорун. За окном плывет вечерний город. Главное, что магнитофон и сервиз в сумке, впереди дом.

Разговорчивый выходит через пять минут.

Васильев и Слава остаются вдвоем в салоне.

– Володя, не расстраивайся, – Слава как-то пытается поддержать Васильева.

– Да все нормально... – Васильеву теперь хочется закрыть глаза, что он и делает, откинувшись на спинку сидения, слушать музыку, и ни о чём не говорить. Он быстро засыпает и открывает

глаза уже в Жёлтых Водах. На душе легко и светло, невзирая на обстоятельства. Он в городе детства.

Машина останавливается возле дома. Слава выходит из машины и помогает достать сумки из багажника.

– Куда ты, Слава, на ночь глядя, поедешь? – обращается к нему Васильев. – Может, переночуешь у меня, а завтра утром в свой Кривой Рог?

– Ничего, Володя, прорвёмся. – Удачи тебе там, в Афганистане и в любви. Они крепко жмут друг другу руки.

Воини интернационалисту

Закон также строго налагает за контрабанду, то есть за незаконное перемещение за границу товара или других ценностей. За подобные действия советским уголовным законодательством определена мера наказания – лишением свободы на срок до 10 лет.

Озарение пришло к Васильеву утром. Анализируя всё по порядку в деталях, он пришёл к неутешительному для себя выводу. Как-бы это, сказать помягче, его просто обегорили. Он попросту расслабился после Ташкента на родной земле. Ну что ж, будет, о чём вспоминать и рассказывать. Но разыграно всё было, как по нотам. Надо отдать должное артистичности и профессионализму земляков... Теперь он вспомнил, что даже движение карт при сбитии им колоды было не таким, как обычно.

Через два дня Васильев улетал из Днепропетровска в Киев. Его вечерний рейс задерживался по техническим причинам. Желание подтвердить свои выводы не оставляло его все это время. До прилета ташкентского рейса оставалось немногим больше часа, и он решил погулять по залу ожидания, внимательно рассматривая пассажиров.

Когда он увидел знакомую троицу, сидящую рядком, ему стало просто забавно. Ни секунды не сомневаясь, он направился напрямик к ним.

– Привет, ребята! Как дела? Рейс из Ташкента встречаете? – Ему было приятно наблюдать некоторую растерянность на лицах сидящих бывших партнеров, поэтому он продолжил с тем же напором.

– Вы знаете, мой дядя начальник Ленинского райотдела ОБХСС. Я ему позвонил, он сейчас подъедет. Сыграем вместе?

Первым не выдержал очкарик. Он засуетился, начал протирать лоб и очки платком. Резко вскочил и, буркнув сердито, что ничего не понимает, ускоренным шагом пошел к выходу.

– Ну что, жена не ругала, что поздно вернулся домой без пива? – Теперь Васильев обратился к неугомонному попутчику. Тот тоже что-то буркнул и быстро рванул за очкариком.

Слава оставался спокойным и с легкой улыбкой смотрел на Васильева. Васильев сел рядом. Ему чуть полегчало от позорного бегства граждан-аферистов.

– Володя, пошли в бар, посидим, коньячку выпьем, поговорим... Слава говорил располагаяще даже в этой ситуации.

– Можно... – так же, с усмешкой ответил Васильев.

Они вышли из здания аэропорта, и, по предложению Славы, пошли в аэропортовскую гостиницу. В баре было немногочленно, приглушённый свет и негромкая музыка создавали определенный уют. Бармен тепло поздоровался со Славой, тот заказал сто коньяка и шоколад. Они устроились за столиком в уголке.

– Володя, ты понимаешь, я «шпицер», – начал первым разговор Слава. – Если ты думаешь, что всё это мне доставило удовольствие, то это не совсем так.

Васильев впервые в жизни слышал это слово.

– А что означает «шпицер»?

– Ну, игрок..., – он пригубил коньяк, поставил бокал и начал ломать шоколад, не снимая обертки.

Васильев тоже отпил немного коньяку.

– Причём неплохой игрок, это моя профессия. И играю я всю свою сознательную жизнь, часто по крупному. И по-другому уже не будет. А в этой компании я временно. Меня тоже немного подставили. Теперь я должен «Доктору». Это тот, который был в очках, а долг надо отдавать. Вот и работаю с ним, пока долг не отдам.

Бар постепенно наполнялся посетителями. Некоторые, заходя, приветливо махали Славе. Зашли в бар и два милиционера, они тоже кивнули Славе. Тот в ответ поприветствовал их пионерским салютом.

– Что, друзья? – насмешливо спросил Васильев.

– Они дежурят в аэропорту и прикрывают нас за умеренную плату, – спокойно ответил Слава.

Васильев отпил ещё коньяку, мысли его путались. Образ милиционеров для него воплощали Юматов и Лановой в «Петрове, 38». Преступники казались людьми оступившимися, которые должны встать на путь исправления к концу фильма.

– Ты сидел? – спросил он у Славы.

– Да, за мошенничество, в колонии общего режима под Иркутском. Кстати, освоил несколько специальностей: «завбиблиотеки», «завклуба», «начальника лесопилки», «завгара», – с усмешкой ответил он, и добавил:

– Освободился, с женой развелись, детям оставил дом, и помогаю.

– Шо ж ты не стал машины гонять за Урал после освобождения, как в песне Высоцкого? – в Васильеве снова поднялась праведная волна перевоспитания, базирующаяся на впечатлении, вынесенном из фильма «Калина красная»...

– Так он же тоже не гонял, а только пел об этом, – с улыбкой ответил Слава.

– Володя, у меня батя сталинцем суровым был, в кителе и сапогах его помню по детству. Окончил он свой славный путь в колонии, недалеко от той, где я потом сидел. Так что моё коммунистическое воспитание на том тоже закончилось, а в детдоме для детей репрессированных советских руководителей пионерской организации не было.

В зал вошли трое офицеров-летчиков. Увидев Славу, они подошли к столику и поздоровались с ним за руку. У Васильева по-прежнему в мыслях царила полная неразбериха.

– Здесь лётная часть стоит возле аэропорта, – пояснил Слава, – Ребята неплохие, но бухают сильно. Иногда взаймы просят. Даю, конечно.

– Ладно, за знакомство, – Васильев протянул бокал с коньяком. Они чокнулись. – Слушай, Слава, а как так странно колода сбивалась?

– Учись, командир, пока я жив... – Он достал из портфеля колоду карт, разделил её приблизительно пополам и согнул пальцами обе половины в дугу. Затем аккуратно расправил, сложил вместе и предложил Васильеву сбить. Васильев слегка прикоснулся к колоде, и её разделённая половинка легко пошла вперед.

– Да, шо называется, ловкость рук и никакого мошенничества. «Надо будет ребятам в батальоне показать», – подумал Васильев.

В это время за соседний столик села симпатичная стюардесса.

Васильев и Слава одновременно посмотрели на нее оценивающе, после чего Слава встал и отрывисто, как на служебном совещании, подал команду:

– Товарищи офицеры!

Стюардесса с удивлением посмотрела на него, а тот, имитируя строевой шаг, направился к барной стойке.

Через две минуты он наливал в бокалы шампанское, а Татьяна, так звали стюардессу, заливисто смеялась его «гусарским» комплиментом. Самое интересное было то, что она была с борта самолета на Киев, которым должен был лететь Васильев.

– Ну что, дети мои, я вынужден Вас покинуть. У меня завтра международный симпозиум. Танечка, не обижайте воина--

афганца, приютите его, обогрейте... Я знаю, что вы надёжная, как весь гражданский флот.., – Слава встал и церемонно раскланялся перед покрасневшей Татьяной.

Васильев тоже встал и, дождавшись окончания церемонии расшаркивания, пошёл с ним к выходу из бара.

– Танечка, мой друг Володя сейчас вернётся, – Слава лучезарно улыбнулся.

Выйдя на улицу, Слава достал сигарету и закурил.

– Володя, ни в Киеве, ни в Днепре возле чекового ни с кем не связывайся. По вас работают целые бригады... Там есть несколько фокусов, деньги за чеки могут заворачивать в бумагу и подменять – это кукла. Могут ломать пачку купюр после пересчета, это, когда якобы не хватает пару червонцев. Червонцы додадут, извиняются, а в пачке уже не хватает половины денег. Короче, чтоб отстали, отвечай сразу: «Ищите «лохов» в другом месте».

Это слово, явно не из словаря Даля, Васильев тоже услышал тогда впервые в жизни.

– Прилетишь в Днепр, найди меня, посидим где-нибудь в хорошем месте. Я пока буду работать в аэропорту с «Доктором» и «Кенарем». Спросишь у бармена Славу «Рогана». Он подскажет, когда я буду. Давай, командир, возвращайся живым, – Слава протянул руку.

Васильев пожал его руку, и с усмешкой ответил:

– Прилетай в Кабул, Слава, там тоже работы много. В дуканах и на базарах чеки на афгани меняют, правда, если что не так, могут яйца отрезать...

Слава расхохотался, повернулся и пружинистой походкой направился к стоянке такси.

Васильев вернулся в бар. Татьяна встретила его благосклонной улыбкой...

В Киев самолет прилетел поздно ночью. Васильев подождал Татьяну в здании аэропорта, и потом они на такси поехали к ней домой. Она жила на въезде в Киев по дороге из Борисполя. Родители ее работали тоже в гражданской авиации и сумели приобрести ей кооперативную квартиру.

Проснулись они часов в десять утра, и потом еще около часа лежали и просто болтали. Татьяна, положив голову на грудь Васильеву, задавала «детские» вопросы об Афганистане, а он, гладил ее волосы и отвечал в основном невпопад.

Шторы в комнате были задернуты, и это вселяло чувство покоя и отгороженности от внешнего мира. Хотелось продлить это ощущение.

– А в Афганистане страшно?

– Там интересно.

Настоящее чувство страха Васильев испытал только раз. Он был холодный и шел откуда-то из живота. Это ощущение появилось перед третьим прыжком, через месяц перерыва после первых двух. Сидя на борту, он чувствовал, как иголки страха пронзают все тело. Рядом балагурили бойцы, и он думал только о том, чтобы не выказать свою трусость. На ватных ногах он направился к открытому люку после душераздирающей сирены.

В Бараках появилось похожее чувство, когда «девятка» вышла на помощь восьмой роте, встречавшей колонну и нарвавшейся на засаду. К ним подвезли раненого, и его надо было, как

можно скорее, доставить в батальон. И тогда Васильева снова ощутил это холод, разливавшийся по всему телу. Он сказал замполиту Славе, что на своей БМД быстро отвезет раненого, и вернется. Тот ободряюще ответил: «Хоп, командор» и повел «броню» к месту нападения.

Когда Васильев привез в батальон раненого, почувствовал облегчение и, не мешкая ни минуты, дал команду Кожевникову: «Вперед! Газ до полика». Этот момент ему запомнился ярче всего.

– А какие афганцы?

– Они очень смешливые, заливисто смеются малейшей шутке.

Васильев запомнил глаза и иссохшие руки стариков, когда они протягивали их к лицам «шурави» и истошные крики мальчишки, которого резал Костенко.

– Ты позвонишь еще? – ласково глядя его по плечу, спросила Татьяна, когда они вышли из дома.

– Конечно! Ты куда сейчас?

– Я – в небо.

– А я на землю, – он поцеловал ее.

Васильев еще не думал, что будет делать в Киеве, но точно знал, куда он поедет сразу. В гостинице «Киев» прошли счастливые часы увольнений из суворовского училища и КВОКУ. Часто он там «кайфовал» с друзьями, поедая свежие кексы с изюмом, купленные папой в кондитерской рядом с готелем. Приезжая в Киев, папа всегда останавливался там, чтобы сделать ему маленький праздник. Еще он водил его с товарищами в кафе или ресторан гостиницы и кормил вкусным обедом с фирменной солянкой и котлетами «по-киевски».

В гостинице администраторы его давно знали, и проблем получить номер не было. Папа там тоже почти прописался,

получив прозвище «Целую ручки» от традиционного обращения к дамам.

Стоя на балконе номера, он смотрел на Мариинский парк и невесело размышлял о том, «куда пойти, куда податься». Хотелось пройтись возле «Кадетки» и еще выйти на станции метро «Октябрьская» постоять там и посмотреть на родное училище. Можно еще прогуляться по Гарматной, но это уже точно садомазохизм, решил он.

В июле у Ирины был выпускной, и она уехала в Горький по направлению, там жили ее родители. За несколько месяцев до этого Васильев, перестал ей писать. Он сам не знал, как объяснить ту пустоту, которая образовалась на расстоянии после почти года службы в Афганистане. Перед командировкой он получил от нее письмо. В нем она написала, что он трус. Остальное – неважно. Отнесся он к этому довольно спокойно. Мысленно пожелав ей счастья и найти «смелого». После письма на нескольких выходах он специально «лез на рожи» доказать себе, что он не трус. Глупо. В конце концов, все уляжется, – думал он. На все – воля Аллаха.

– А поеду-ка я в Конотоп, – решил он.

«Пойду туда, где чувству оскорбленному найдется уголок», эта фраза грибоедовского героя, пришлась когда-то по душе и офицерам конотопского ДШБ.

На следующее утро первой электричкой он выехал в город своей лейтенантской молодости.

Батальон находился на прыжках. Дежурный по батальону прапорщик Папусь, увидев входящего в дежурку Васильева, бросился его обнимать.

– Аске-керов и Мо- мо-розило в отпуске, сразу доложил он, волнуясь и заикаясь.

– Ну, как вы тут? – Васильеву очень приятного было увидеть простодушного и милого Папуся.

– Но-нормально. Ваш ротный Николаев приехал в батальон по ротации и сейчас на должности зампотеха. Много рассказывал про Бараки.

– Шо понравилось? Так может тоже в Бараки? Там Барыга и Комарь, а ты третьим будешь.

– Меня жена не отпускает.

– Ну, это серьезно.

– А где Белый?

– Он женился на Жужу. А сейчас на прыжках.

– А я теперь на вещевом складе.

– Молодец! С тебя «песочка», а с меня «бакшиш».

– Какой «ба-бакшиш», Во-Володя. Сделаем.

– Ладно, я поехал на прыжки.

– Может, подождешь, «санитарка» скоро приедет за обедом и ты с ней.

– Да нет, я на такси, быстрее будет.

На поле, где проходили прыжки, царила, как всегда, почти праздничная атмосфера. Когда Васильев подошел к командному пункту, очередная смена шла к «кукурузнику». В ней находился Серега Николаев. Они увидели друг друга и побежали навстречу. Таким счастливым Васильев не видел командира «девятки» никогда за все время службы в Афганистане.

– Ма-малыш! – услышал он «громовой раскат».

Белый с куполом в руках после приземления шел ему на встречу, широко улыбаясь.

– Так! – он тут же командным голосом обратился к руководителю прыжков, зам по ПДС, Вене Иванову.

– Мы с Малышом и старшим лейтенантом Радчиковым убываем в горком комсомола на встречу с активом.

Валера Радчиков тоже с куполом в руках подошел к ним и дружески похлопал Васильева по плечу.

Первый выход Васильева в «свет» после приезда в Конотоп был связан с участием в комсомольской конференции города и ужином после нее. Комсомольские руководительницы удивили тем, как здорово пили спирт, принесенный активистами с вертолетного завода.

– Да, да, конечно, согласился Веня, не смея возражать «Белому», тем более, что подчиненный личный состав Белого и Валеры Радчикова находился в «портфелях». Они командывали «кадрированными» парашютно-десантными ротами.

– Володя, может, ты прыгнуть хочешь? – спросил он Васильева из желания сделать что-то приятное прибывшему на побывку «афганцу». Васильев радостно выразил готовность, не имея никакого желания, это делать.

– Веня, ты sdурел. Оно ему надо, ноги здесь ломать. Да и ботинок у него нет прыжковых. Нет, мы к комсосолам, – Белый в таких случаях проявлял командирскую решительность.

Васильев мысленно поблагодарил его за поддержку.

– Я беру «дежурную» машину, как раз она и обед привезет.

Водителю ГАЗ-66 Белый дал команду ехать к «Украине», усевшись в кабину на место старшего машины.

– По местам, господа офицера! – он громко рывкнул через открытое окно разговаривавшим Васильеву и Радчикову, и те проворно забрались в кузов.

– Ну, шо как там «Комарь»? – первое, что спросил Белый, усаживаясь за столиком.

– Тебя часто вспоминает. Говорит, а Белый, сволочь, сейчас, наверное, бухает. Белый только загоготал в ответ.

– Когда у него отпуск?

– Скоро.

– Девочки! К снаряду! У нас Малыш вернулся, – команда Белого прозвучала громко и четко. К ним уже семенила улыбающаяся официантка.

– Так, борщ на первое и лангет на второе, компот не надо. Ты с чем ла-лангет хочешь, Володя? Может попросить, чтобы с гречкой сделали? «Белый» ехидно заулыбался.

– Тогда уж гречку с тушенкой, в свою очередь ухмыльнулся Васильев.

– Ну, теперь рассказывай про ридну афганщину и, не давая возможности начать рассказ, Белый продолжил.

– У нас вот доброволец объявился, – он пальцем указал на Радчикова.

– Я рапорт написал, Володя, с просьбой отправить в ДРА, Валера сказал это негромко и улыбнулся.

Валера закончил Рязанское десантное училище. До прихода в батальон служил в спецназе. У него был отличный французский язык. Васильеву всегда импонировала его тактичность и интеллигентность. Валера любил французскую поэзию. В батальоне он держался обособленно. Белый с пехотной прямоотой называл его чудачком.

– Как там, Володя?

– Да воевать можно. Основные потери на подрывах, – почти за год пребывания в Афганистане Васильев открыл для себя грустную тенденцию. Очень многие, шедшие туда по своим рапортам, не возвращались. Может, ему так казалось.

– Давайте лучше о бабах, мы же еще трезвые, – Белый снова угадал настроение Васильева, ему не очень хотелось говорить о войне.

Выйдя из ресторана, Валера и Белый проводили Васильева до трамвайной остановки. Ему надо было возвращаться в Киев. Билет на самолет у него был на следующий день.

– Комарю, скажи, что мы с Жужу его Зинку часто навещаем и поднимаем настроение. Барыге наше с кисточкой!

– Да, обязательно скажу.

– Давай, Ма-малыш, возвращайся, Белый до боли стиснул Васильева в своих богатырских объятиях.

– Удачи тебе, Валодя!

– И тебе, Валера!

Послесловие к главе

Его врач Анна Васильевна Бобылева в свое время лечила Маресьева. Она сказала:

– Валера поражал особым жизнелюбием. Невероятно: он освоил ходьбу на протезах за две недели. Он побеждал недуг с одержимостью Маресьева. [...]

Почти год спустя после ранения его выписали. Подписывая документы, председатель центральной военно-врачебной комиссии поинтересовался:

– Теперь куда – в военкомат или в училище?

– В свою часть, – ответил Валерий. – В Афганистан.

На него смотрели с нескрываемым изумлением.

Александр Олейник

«Собеседник» № 13, 1984 г.

Радчиков Валерий Григорьевич – председатель Российского общественного фонда инвалидов военной службы (РОФИВС), бывший председатель Российского фонда инвалидов войны в Афганистане (РФИВА-Р).

Родился 22 июня 1956 года. Окончил Рязанское воздушно-десантное училище. Служил в частях специального назначения.

В 1982 году был отправлен в Афганистан, где при взрыве мины потерял обе ступни.

Из госпиталя возвратился в свою часть. Был представлен к званию Героя Советского Союза, однако за самовольное оставление госпиталя решение о награждении было приостановлено. Был отправлен обратно в СССР.

Окончил Академию им. Фрунзе.

В 1991 году был одним из создателей Российского фонда инвалидов войны в Афганистане (РФИВА).

В августе 1992 был избран председателем Российского фонда инвалидов войны в Афганистане (РФИВА), но через год смещен по инициативе Михаила Лиходея, своего заместителя. Радчиков не признал своего смещения. В результате образовалось два одноименных фонда, между которыми развернулась борьба за таможенные и иные льготы, предоставляемые государством фондам инвалидов афганской войны.

10 ноября 1994 года в машине у своего дома был взорван Михаил Лиходей, председатель одного из двух конкурирующих фондов инвалидов войны в Афганистане, член правления московской организации Народно-патриотической партии (НПП).

28 октября 1995 года совершено покушение на Валерия Радчикова. Он был тяжело ранен шестью пулями в голову и плечо. Юридический консультант РФИВА Дмитрий Матешев в результате этого же покушения был убит.

В начале 1995 года Радчиков отошел от РФИВА (председателем вместо него был избран «афганец» Валерий Вощевоз). А в марте 1995 года зарегистрировал Российский общественный фонд инвалидов военной службы (РОФИВС).

10 ноября 1996 года на могиле Михаила Лиходея, где собирались в годовщину его смерти близкие и друзья, прогремел мощный взрыв. Погибло 14 человек, в том числе люди из соперничавшей с Радчиковым группировки, включая ее руководителя Сергея Трахирова.

24 апреля 1997 года Радчиков был арестован за организацию взрыва на Котляковском кладбище и отправлен в СИЗО «Матросская тишина». К тому времени были направлены документы на предоставление Радчикову звания «Герой России» за парашютный прыжок на Северный полюс с малой высоты. Министерство обороны не утвердило его кандидатуру.

4 мая 1997 года «афганцы» Андрей Анохин и Михаил Смуров Радчикова, подписали явку с повинной, назвав себя исполнителями теракта и дав показания против Радчикова как заказчика. Однако их свидетельство не вызвало всеобщего доверия.

По одной из версий, оперативно-следственная группа оказала давление на Анохина и Смурова, чтобы к 10 мая, в срок окончания предварительного следствия, тогдашний министр внутренних дел Анатолий Куликов и генпрокурор Юрий Скуратов могли отчитаться перед президентом Ельциным в избличении преступников.

15 мая 1997 Радчикову было предъявлено обвинение в том, что он, узурпируя власть в «афганском» движении, организовал взрыв на кладбище для устранения Сергея Трахирова, сменившего Лиходея на посту главы РФИВА. Ликвидацией Трахирова, по версии обвинения, Радчиков достигал и другой цели – положить конец обвинениям в свой адрес в связи с переводом за границу 2,5 млн долларов «афганской» фирмой «Интер-Феникс».

Арестованные Радчиков, Анохин и Смуров провели в «Матросской тишине» два года под следствием и девять месяцев, пока шло судебное разбирательство.

Государственное обвинение потребовало для Радчикова 12, для Анохина 15 и для Смурова 10 лет лишения свободы за подготовку и осуществление теракта. Уголовное дело к тому времени составило около 40 томов. Однако следствию не удалось доказать причастность обвиняемых к взрыву на Котляковском кладбище. На суде выяснилось, что результаты многих экспертиз неполные, а львиная доля доказательств держалась на показаниях Анохина и Смурова, от которых они позднее отказались.

21 января 2000 года судья Владимир Сердюков полностью оправдал подсудимых по всем пунктам обвинения и их освободили в зале суда. Генпрокуратура России обжаловала приговор, но Военная коллегия Верховного суда РФ 25 июля оставила его в силе.

ГВП дважды обжаловала приговор в Верховном суде и добилась желаемого: 13 декабря 2000 года президиум ВС отменил оправдательный приговор, констатируя, что «в ходе предварительного следствия остались невыясненными... важные обстоятельства», а органами следствия были допущены «существенные нарушения уголовно-процессуального закона».

После этого Радчиков обратился в Военную коллегия Верховного суда и в Генпрокуратуру РФ с заявлениями о возбуждении двух уголовных дел – против главного военного прокурора Михаила Кислицына (его он обвиняет в клевете) и следователей Генпрокуратуры (они, как посчитал заявитель, фальсифицировали доказательства его причастности к взрыву). Кроме того, главный фигурант «афганского» дела обратился в Европейский суд по правам человека с жалобой на президиум ВС, который и запустил его дело по второму кругу, удовлетворив протест главного военного прокурора.

31 января 2001 года Валерий Радчиков погиб в автокатастрофе.

В Ташкенте Васильев, приехав в место их временной дислокации, узнал, что Бурят не вернулся в назначенное время. Вторые сутки все с волнением ждали его возвращения в Ташкент. Больше всех переживал Градов как старший группы. Могут приписать самовольное оставление воинской части или дезертирство, а как следствие – срок. Это всё светило Буряту, если остальные вернутся без него в Гардез. По словам бойцов, он уехал автобусом в Фергану к дальним родственникам.

Слава Богу, к вечеру Бурят все-таки явился, как «красно солнышко», с торбами, наполненными дарами ферганской долины.

Он виновато предстал «пред ясны очи» Градова в беседке возле подъезда дома. Выглядел он слегка поправившимся и посвежевшим за неделю. Ругать его было просто невозможно.

– Бурят, дал бы я тебе по твоим растопыренным ушам. Ты что, позвонить не мог дяде Ване, что задерживаешься? – уже успокоившись, незлобно упрекал его Градов.

– Я номер телефона забыл, – тот виновато шмыгнул носом.

– А писать тебя учили в твоей бурятской школе? Ладно, живи. Помни, мою доброту. Иди, угощай дядю Ваню, он тебе тоже пару ласковых скажет.

Груз свалился с командирских плеч Васильева и Градова. Однако финансовое положение после отпуска уже не позволило достойно провести вечер перед отлетом в Кабул.

– Есть план, – загадочно произнес старший группы и пошёл вслед за Бурятом в дом.

Вернулся он с Кораном в руках и присел на лавочку возле Васильева. Это был самый большой по размеру коран с глянцево-обложкой из тех, что он выбрал в канцелярии «девятки».

– Смекаешь? – спросил он.

– Понял, не дурак. Только я в засаде буду ждать тебя возле мечети.

– Да, ты настоящий товарищ. Прошу считать меня коммунистом, если я не вернусь со встречи с правовеверными.

– Ты же и так коммунист.

– Ну, тогда поехали...

Операция прошла без потерь. Помня заповедь, что «Восток – дело тонкое», Толик не стал соваться в мечеть сам, а обратился к правовеверному мусульманину у входа, тот, молча, кивнул и зашёл внутрь. Через какое-то время к нему вышел, должно быть, служитель культа, взял завёрнутую в газету «Известия» книгу и ушёл с ней.

Минут через десять вышел третий человек, протянул Виноградову руку и также развернулся и ушел.

– Двести! – выдохнул Виноградов, подойдя к месту засады, где его ждал Васильев.

– Ну, и смотрели же они на меня недобро, прямо, как духи. Ладно, главное, что получилось. Едем, в видеобар в «Заровшан». Шампанского ужас, как хочется.

Выезд от дома дяди Вани на «пересылку», чтобы оттуда ехать на военный аэродром, наметили на пять утра, но не выехали ни в пять, ни в шесть, ни в семь.

Теперь отличился внук фронтовика. Акиншин приехал только к 9 утра. Дед был по-военному строг и отчитал внука, да так, что Градову уже и добавить было нечего.

Причина опоздания была очень серьёзная: он прощался с девушкой, и она его не отпускала...

– В бригаде поговорим..., – только и сказал он.

Выезд был перенесён на следующее утро. Акиншину было приказано ночевать у деда вместе со всеми и очередное ночное прощание разрешалось только в парке возле дома. А у любимого личного состава появился ещё один день на разгильдяйство.

В свою очередь, товарищи офицеры отправились с прощальным визитом к родителям Игоря Чернецкого.

Васильев чувствовал легкое волнение от этого похода, но не признавался в этом Толику. В первую ночь, когда их оставили там ночевать, поздно ночью, «видя третий сон», он ощутил на губах поцелуй. Это был не сон, это было наяву. Сестренку Игоря звали Вика, она работала в ташкентском модельном агентстве и недавно развелась с однокашником Игоря по ташкентскому ВОКУ.

Вику он увидел снова, когда уже возвращался по ротации домой. Полночи он ждал поцелуя. Утром, за чаем, он пообещал приехать в Москву, где у нее должен был проходить «показ», но уже не сложилось.

Позже, уже вернувшись из Афганистана, он увидел потрясающий фильм «Поцелуй» Балаяна с Олегом Янковским в главной роли. Фильм запал ему в душу навсегда.

По возвращении в бригаду, Градов взял «шефство» над Акиншиным, держал его возле себя, шоб, не дай Бог, чего не вышло. Но перед самым дембелем тот воспользовался случаем, когда Градова не было в бригаде, и напросился на операцию. Операция оказалась для него последней...

Градов позвонил в Бараки и всё рассказал Васильеву. Ему ещё предстояло встретиться с дедом и бабушкой Акиншина.

Как это ни было тяжело, Васильев каждый раз, попадая в Ташкент, приходил в дом дяди Вани. Они сидели за столом

с баранками и восточными сладостями, дядя Ваня колдовал над зелёным чаем и тихо плакал.

Прилетая в Днепропетровск, Васильев без труда находил Славу, они весело проводили время. Слава рассказывал о своих приключениях, а Васильев об исполнении интернационального долга. Последняя их встреча произошла в суде. Когда Славу, элегантно одетого, в наручниках ввели в зал суда, он обаятельно улыбался. Увидев Васильева сидящим в зале, он подмигнул ему и ободряюще кивнул...

В отпуске Васильев заболел второй раз гепатитом. Как ему объяснили, этим его «наградил» самаркандский военный госпиталь во время первого лечения. Инфекция была занесена в кровь через капельницу.

После мытарств по больницам и госпиталям в ожидании решения мед. комиссии о возможности дальнейшего прохождения службы в ДРА по состоянию здоровья, он вернулся в батальон. «К службе в ДРА годен» – гласил вывод военных «лекарей», занесенный в его мед. книжку.

За это время многое изменилось. Васильева перевели в 8-ю «засадную» роту на место погибшего взводного.

Приехав из Кабула в Бараки на попутной колонне, он пошел в родную «девятку».

Койка Володи Остякова была застелена по-солдатски – с полоской белой простыни наискосок на синем одеяле. На подушке лежала панама.

Васильев взял табуретку, стоявшую возле стола, поставил её у изголовья кровати и сел.

Шура Петренко, стоя за столом, молча, открыл бутылку «Горилки с перцем», привезённую Васильевым, и разлил в четыре стакана, положив на два из них куски чёрного хлеба.

Подрыв на фугасе произошёл во время сопровождения очередной колонны через месяц после того, как Миша Гусев перешел в бригаду во 2-й батальон.

– «Агентурщики» сказали, что «духи» долго «пасли» БТРД Володи. Он установил на нём трофейный ДШК, – Шура говорил это, отвернувшись к окну.

– Он умер, не приходя в сознание. В тот день с утра после выхода роты Машка словно взбесилась. Она, то металась по длинному коридору расположения, то скулила, не даваясь никому в руки.

– Шура, а где Машка? Васильев обвёл взглядом ставшую какой-то чужой комнату.

– А Машку бойцы съели...

На пересылке в Ташкенте Васильев узнал от офицера из 2-го батальона бригады о гибели Миши Гусева.

– Шо ты знаешь про Мишу?

– Перед выходом бригады на операцию он попросил Савельева, чтобы тот сопровождал его тело домой в Саратов, если что... Он был на броне с НШ бригады Масливым.

– Ладно, я пошел к Сивакову, – вспомнив погибших, не выдержал Васильев

До замены Васильеву оставалось около полугода. Он поселился в комнате Жени Сивакова, несмотря на периодические потуги комбата, отправить его в офицерскую комнату 8-й роты.

Правда, к тому времени там прочно обосновался ещё один постоялец. Это был Китаец – кот, которого Женя подобрал во время одного из прочёсываний кишлаков. Тогда он был совсем маленьким котёнком с больными, гноящимися глазками. Женя с помощью батальонного дока, подлечил и выходил его. Но глаза у кота после болезни всё-таки остались более узкими, по сравнению с его афганскими собратьями. Так он и стал Китайцем в составе 3-го батальона.

По прошлому опыту Женя был собачником, и поэтому воспитывал Китайца в соответствии с лучшими традициями собаководства. Заводить же себе собаку, как некоторые офи-

перы в батальоне, он не решился потому, что существовал вполне обоснованный риск для пса быть съеденным воинами--гвардейцами.

Эпидемия «собакоедения» в батальоне особенно распростирилась в первую баракинскую весну, когда даже гречка вдруг оказалась в дефиците. Какое-то время батальон питался пехотным сухим пайком. Повара просто разогревали содержимое консервов. В эту же весну нескольких бойцов отправили в госпиталь с диагнозом цинга и дистрофия.

Так что собачатину начали пробовать и некоторые товарищи офицеры. В «девятке» её искусно, по корейским рецептам, готовил Михалыч.

Мучился от пехотной еды вместе с Женей и Китаец, хотя ему и доставался сухой порошковый творог из офицерского допайка, а иногда – и сгущёнка.

Уходя на приём пищи, Женя всегда громко спрашивал воспитанника:

– Китаец, тебе жрать принести?

Тот, сидя на жениной кровати и внимательно глядя на него, тут же отвечал утвердительным и быстрым: мяу-миу-мяу...

Вообще же, посмотреть и послушать их диалоги народ приходил, как на представление. Женя и Китаец сидели друг против друга на кровати. На все вопросы и излияния души командира Китаец отвечал то продолжительным, то коротким мяуканьем с разными оттенками. Постепенно все привыкли к этому зрелищу и воспринимали такие беседы, как само собой разумеющееся.

Казалось, Китаец был в курсе всех дел командира и принимал активное участие в жизни взвода связи.

На потеху окружающим и к удовлетворению НШ батальона, Женя строго придерживался распорядка дня, когда дело

касалось ежедневной вечерней прогулки и вечерней поверки подразделения.

Китаец сидел у него на руках или на скамейке у входа и внимательно наблюдал, как взвод бодро топал три круга вокруг штаба, поднимая тучи пыли, и диким голосом орал песню «... дарагая мая сталица, залатая мая Масква».

После такой образцово-показательной вечерней прогулки у «Барыги» даже возникла идея выгонять все роты гулять вечером с песнями. Однако, слава Богу, идея умерла после того, как во время весенней итоговой проверки (такая, как ни странно, имела место, словно батальон занимался боевой учёбой в мирном ТуркВО) проверяющие из штаба Армии попытались провести зачётное занятие по строевой подготовке с прохождением рот с песнями.

После нескольких разрывов 82 мм мин недалеко от вертолётной площадки последовала команда: «Разойдись!». За горой, наверное, не оценили солдатские строевые песни.

А товарищи проверяющие очень быстро погрузились в «вертушку» и ретировались, пожелав личному составу успехов в боевой и политической подготовке.

За обедом в офицерской столовой «товарищей душманов» в тот день искренне благодарили. В итоге, со строевой подготовкой в батальоне, кроме взвода связи, было покончено.

Но если на строевой подготовке Китаец был только наблюдателем, то физической подготовкой, ему как воспитаннику десантно-штурмового батальона пришлось заниматься.

В комнате имелась верёвка для белья. Вот на неё, вместо перекладины начальник связи и цеплял подчинённого кота, помогая ему выполнять подъём переворотом. Получалось вполне сносно.

Во время офицерских застолий и «пульки» Китаец весело бегал по комнате, приставая к гостям, чтобы с ним играли.

Только однажды Васильеву показалось, что он не одобрил мероприятие в тесном кругу в составе: Жени, Комаря и командира гранатомётного взвода Щергина.

Случилось так, что при полном отсутствии какого-либо «достойного питания», командир гранатомётчиков принёс из своих личных запасов «тройной» одеколон. По пути он позвал Комаря третьим.

Смотреть на это зрелище Васильеву без слез и смеха было трудно. Дверь в помещение была предварительно закрыта от посторонних. Пили по очереди, «булькая» средство гигиены в маленькую металлическую рюмочку. Этого, по словам «Комаря», требовала технология потребления «тройного».

Когда Щергин первым опрокинул рюмочку, он поперхнулся и с рёвом раскашлялся, из глаз брызнули слёзы из носа – сопли. Китаец от неожиданности сиганул под кровать. После этого «соодекалонщики» пили аккуратнее с соблюдением мер безопасности и гигиены. Опрокидывая рюмочки, они широко раскрывали рот, глотали воздух и тихо рычали, пугая Китайца.

Но, справедливости ради, следует заметить, что таких «одеколонных вечеринок» было всего несколько. Переболев всяческими болезнями, товарищи офицеры перешли на здоровый образ жизни и, старались пить только свежавыгнанный самогон.

Заменщики для Сивакова и Васильева из кутаисской десантно-штурмовой бригады приехали одновременно, поэтому отходную делали общую и уезжали вместе.

Третьим отъезжающим, но без замены, был Китаец, получивший свою долю наставлений и прощальных ласк. Женя специально для него приготовил бойцовский вещмешок, набив его наполовину какими-то шмотками.

Перед посадкой в самолет в кабульском аэропорту таможенный осмотр офицеров был символический. Женя проинструктировал Китайца и строго приказал вести себя тихо. На вещмешок не обратили никакого внимания. Уже на борту при взлёте Женя услышал знакомый писк и почувствовал, что мешок стал мокрым. Он достал Китайца и стал гладить его и успокаивать.

На таможенном и паспортном контроле в мирном Ташкенте прилетевшие интернационалисты выстроились в длинную очередь. «Шмонали» их родные таможенники со знанием дела. Перед Сиваковым и Васильевым стоял толстый прапор с кучей лоснящихся чемоданов. Закончив с ним, и отложив при этом пару «пакетов благодарности» в сторону, таможенник обратился к Жене:

– Что, в командировку, товарищ старший лейтенант?

Возле Жени стоял старый поцарапанный коричневый чемодан, называемый в простонародье тревожным, с какими

офицеры выходили на строевой смотр, и лежал вещмешок. Именно этим объяснялся вопрос.

- Нет, по замене, – сухо ответил начальник связи батальона.
- Откройте чемодан, пожалуйста.

Первое, что увидел таможенник в открытом чемодане, были голубые зимние кальсоны.

- Закройте чемодан, пожалуйста.
- А в мешке что?
- Кот...

Мешок зашевелился, Китаец тихо замяукал.

Таможенник, повидавший немало в своей службе, выглядел явно озадаченным. После непродолжительной паузы он сочувственно обратился к Жене:

- Это не ко мне, пройдите, пожалуйста, в комнату.

На двери комнаты висела табличка «Санитарный контроль».

Никакие уговоры на сержанта сверхсрочной службы, по всему видно, местного жителя, не подействовали. Без десятидневного карантина он отказался пропускать Китайца в СССР.

Васильев попытался «встрясть» в накалявшийся спор. Но почувствовал, что сам закипает и может сорваться, поэтому вышел из комнаты.

Через минут десять появился Женья, сжимая кулаки.

- Я договорился... За 50 чеков... Завтра отдадут, поехали за билетами.

В ташкентском аэропорту выяснилось, что Женин рейс на Тольятти будет вечером, а у Васильева на Днепропетровск – только на следующий день.

- Володя, заberi завтра Китайца, я за ним к тебе обязательно приеду.
- О чем речь, конечно!

Васильев побыл вместе с Сиваковым в аэропорту до самого его отлета. Едва закусив, в буфете выпили за возвращение. На душе при расставании «скребли кошки».

Проводив Женю, Васильев поехал к Чернецким. Историю Китайца родные Игоря восприняли с волнением и, ни минуты не колеблясь, решили, что он будет жить пока у них.

На следующий день утром Васильев поехал в Тузель на военный аэродром. Представитель санитарного контроля встретил его радушной улыбкой и проводил в помещение с вольерами и клетками.

Китаец рванул из открытой клетки прямо на Васильева и вцепился когтями в лацканы шинели.

– Все нормально, Китайчик. Идём домой к хорошим людям.

* * *

Увидев в Скайпе сидящего с голым торсом Сивакова с маленьким пуделем на руках на фоне явно холостяцкой комнаты, Васильев начал считать в уме, сколько же прошло лет после их расставания в Закавказском военном округе, где они послужили немного в одной дивизии. Получалось, что-то около двадцати восьми лет.

– Вот ездили с этим чудом в ветлечебницу на операцию, челюсть лечили, есть теперь ничего не может твёрдого, – указывая на собачку, говорил Сиваков.

Все это Женя сказал тоном, как будто они только пару дней назад расстались. Уже потом, куря одну сигарету за другой, долго рассказывал про жительство-бытие.

Полгода они общались по Скайпу, перебирая в памяти жизнь в Бараках. Пытались найти следы Барыги, где-то в Астраханской области, успели даже поругаться, обсуждая появление «зеленых человечков» в Крыму.

Потом снова звучал вызов по Скайпу от адресата с фотографией пуделя.

В июне 2014 года Васильев с семьей уехал отдыхать в Болгарию и оттуда пару раз делал вызов по Скайпу, но Сиваков не отвечал.

Сообщение от Жениной сестры он прочитал уже после отпуска.

8 июня 2014 года Женю утром нашли во дворе его дома с травмой головы, возле него бегал его карликовый пудель.

Десять дней бывший начальник связи 3 ДШБ Женя Сиваков был в коме и умер, не приходя в сознание.

Пуделя забрала к себе Женина сестра...

«Алжир». 1981–1983

Літературно-художнє видання

ВОЛОШЕНЮК Владимир Васильевич

«АЛЖИР». 1981–1983

Под редакцией В.И. Аблазова

Дизайн и верстка *Н.В. Коваль*

Подписано до друку 15.07.2019.
Формат 60х84/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Обл.-вид. арк. 6,19.
Зам. №

Видавничий дім «КИЙ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників, розповсюджувачів видавничої продукції серія ДК № 4646
від 01.11.2013 р.